

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЖИТИЯ СВЯТЫХ

ДЛЯ
ДЕТЕЙ

Составитель
протоиерей
Виктор Ильенко

а

артос медиа

Москва
2011

УДК 27-312.55
ББК 86.37
И45

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
(Рег. № ИС 11-103-0134)

И45 Протоиерей Виктор Ильенко
Жития святых для детей. – М. : Артос-Медиа, 2011. – 384 с.
с илл.

ISBN 978-5-9946-0158-7

В книге собраны жития наиболее известных святых, пересказанные живым, красочным языком так, что они будут понятны даже самому маленькому читателю. Ребенок непременно полюбит героев этой книги – чудесных подвижников Христовой веры, что сделает мир христианства для него близким и родным.

УДК 27-312.55
ББК 86.37

ISBN 978-5-9946-0158-7 © А. Кулёмин, иллюстрации
© Издательство «Артос-Медиа», 2011

Подписано в печать 06.09.11. Формат 70x100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 7653.

ООО «Артос-Медиа»
127015, г. Москва, Новодмитровская ул., д.5 А, стр.1
E-mail: info@artos-media.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Святые мученицы
Вера, Надежда, Любовь
и мать их София**

День памяти — 17/30 сентября

правление царя Адриана жила в Риме знатная вдова, именем София. У нее было три дочери, которым она дала имена христианских добродетелей: первую назвала Верой, вторую — Надеждой, а третью — Любовью. Будучи ревностной христианкой, благо-

честивая София вела строгую жизнь, служа Богу молитвой, постом и милостыней. Все три девочки получили прекрасное воспитание.

Дошли слухи о добродетельной семье и до царя Адриана, который лично пожелал видеть Софию и ее дочерей. Стояло раннее осеннее утро. Солнце только что поднялось над верхушками деревьев. Где-то пронзительно кричал ослик. Медленно, как бы нехотя, пробуждалась жизнь после недолгого ночного отдыха.

Семья была в сборе, когда на пороге дома показался вестник с указом: немедленно прибыть во дворец. Узнав о причине приглашения и предвидя обычный вопрос: «какой ты религии?» — София встала с детьми на молитву. Она молилась так:

— Всесильный Боже, подаждь нам помощь Твою святую, да не устрашится сердце наше гордого мучителя, да не ужаснемся мук и горькой смерти за имя Твое!

Встав с молитвы, мать и дочери взяли за руки и пошли во дворец. Дойдя до царских палат, они оградили себя крестным знаменем и

смело вошли в тронный зал. Там восседал уже в ослепительной славе своей гордый и жестокий Адриан. София и дочери ее спокойно подошли к самому престолу, воздали царю должное поклонение и стали ждать вопросов.

Царь, по обычаю, спросил Софию о роде ее, имени и вере. Рассказав о себе все и дойдя до вопроса о вере, София сказала, что она христианка, и тут же начала излагать догматы своей веры, указывая на Христа как на единственного Спасителя мира.

Пораженный мужеством и мудростью Софии, Адриан повелел отослать ее с детьми к ученой женщине Палладии, надеясь, что та сумеет уговорить их отречься от Христа. Но Палладия оказалась благородной женщиной и не мешала матери пребывать с детьми наедине. Она прекрасно сознавала грозящую им опасность и, восхищаясь их твердостью в вере, всячески старалась скрасить последние дни маленьких девочек и их самоотверженной матери.

София раньше никогда не говорила детям о том, что за веру во Христа им, может быть,

придется страдать. Ей казалось, что они слишком малы и не поймут, для чего нужны эти страдания. Но теперь пришло время говорить об этом, чтобы укрепить в детях мужество.

— Дети мои милые, — говорила София, — настало время вашего подвига! Покажите вашу твердую веру в Господа, вашу надежду на Него и вашу любовь к Нему! Деточки мои любимые, ради спасения души вашей не пощадите тела вашего, примите уготованные вам муки, как не пощадил ради вас тела Своего и приял муку смертную Господь и Бог наш! Не жалейте вашей красоты! Когда она будет отнята муками, Христос украсит вас небесной красотой.

Дети мои любимые! Не дайте обмануть себя лживыми словами. Будет царь к вам ласков и много подарков наобещает, но вы не поддавайтесь его льстивым речам. Все земные радости подобны пыли: дунет ветерок — и все исчезнет.

Знайте, дети мои, что не оставлю я вас ни на минуту, пребуду с вами в часы страданий ваших, неотступно молясь за вас Господу. Вспомните, детки мои, все труды мои: как

Святая София прощается с дочерьми Надеждой и Любовию.

учила я вас страху Божию, как ходила за вами во время болезней ваших, — и утешьте теперь старость мою мужественным исповеданием!

В том будет мне веселие и радость, честь и слава, если смогу назваться матерью мучениц. Тогда возрадуется душа моя и утешится старость моя. Тогда и вы будете истинными детьми моими, когда будете послушны мне до конца.

Так увещавала мать своих детей, лаская их и целуя им руки, как бы уже сподобившимся приять мученическую смерть. И не было на глазах ее слез, и голос ее не дрожал, и улыбка ее была радостная, и руки, которыми она обнимала их, были крепки.

На третий день благочестивая семья предстала перед царем. Адриан, любуясь небесной красотой детей, сказал им:

— Мне жаль вас, дети! Вы знаете, как сурово карает христиан наш закон. Поклонитесь богине Артемиде, и я прощу ваши прежние заблуждения. И не только прощу, но приближу вас к себе, детьми своими назову. И будете вы жить в великом почете, в славе и богат-

стве. Если же не послушаетесь, то много зла от меня примете и старость матери вашей будет полна печали.

Девочки же ответили ему, как одна:

— У нас один Отец — Господь и Бог наш — и мы Его дети. Он заботится о нас. Угроз твоих мы не боимся и готовы претерпеть все муки за Господа!

Девочки говорили, перебивая друг дружку, и в голосе их было столько благородного мужества и презрения к мукам, что царь невольно смутился. Он спросил Софию: «Сколько лет твоим детям?» — София ответила:

— Старшей — двенадцать, средней — десять, а младшей — всего лишь девять.

И поразился царь столь великому мужеству детей. И приступил сперва к старшей, убеждая ее поклониться Артемиде. Но Вера, не колеблясь ни минуты, отклонила все требования царя. Тогда раздосадованный Адриан приказал отвести семью во внутренний двор. Здесь он и все приближенные его удобно расположились в тени деревьев, и дан был знак приступить к пыткам.

ВЕРА

Царь приказал обнажить Веру и бить по голому телу воловьими жилами. Били ее без милосердия, приговаривая:

— Поклонись богине Артемиде!

Но Вера молчала, хотя ее нежное тельце и содрогалось под ударами плети. Затем палачи начали колоть ее острыми шильями. И — о чудо! Из ран вместо крови потекло молоко. Видя такое явное чудо, приближенные Адриана стали укорять его в жестокости. Но царь не внял их ропоту. По его знаку принесли железную решетку и накалили ее докрасна. На эту огненную кровать положили Веру. Однако и здесь она не издала ни одного стога, только все смотрела на мать, как бы ища у нее похвалы своему терпению.

Два часа пролежала мученица на решетке, испытывая невероятные страдания. Тело ее нисколько не пострадало, ни в чем не изменилось, а осталось таким же прекрасным. И это было второе чудо.

Тут же стоял огромный сосуд, наполненный кипящей смолой до самых краев. В эту раска-

ленную массу погрузили с головой Веру, но и здесь она, по милости Божией, осталась невредимой. Тогда царь приказал отсечь ей голову. Услышав приговор, Вера сказала матери:

— Молись обо мне, мама, я подхожу к желанному концу, скоро-скоро я буду с Господом!

А сестрам своим сказала:

— Знайте, милые мои сестры, мое желание — быть примером для вас до конца!

Сказав это, она обняла мать и сестер и долго целовала их, как бы не имея сил с ними расстаться. Но вот подошел палач — и честная ее глава скатилась на землю. Так закончила свою жизнь маленькая мученица Вера.

НАДЕЖДА

Нечестивый царь не удовлетворился этой жертвой. Он подозвал к себе Надежду и стал уговаривать ее:

— Дитя мое милое, послушай совета моего — поклонись богине Артемиде! Ты видела лютые муки и смерть сестры своей — и с тобой это же будет, если не послушаешь меня.

Но Надежда ответила ему:

— Неужели, царь, я не сестра той, которую ты замучил?! Вместе с Верой росла я, вместе с ней училась, вместе мы молились Богу, вместе с нею и умереть я готова.

И отдал царь маленькую мученицу в руки палачей.

Взяли они девочку от матери и повели на середину двора, там сняли с нее одежды и стали нещадно бить. Все это видела мать, но ни одним жестом не выдала своего волнения. Она молилась.

После первого истязания втолкнули девочку в раскаленную печь, где она и пребывала невредимой, хранимая силою Божией. Затем мучители подвесили ее к дереву и стали строгать ее тело железными крючьями, так что чистая кровь ее залила всю землю под нею. Но все терпеливо выносила маленькая мученица. Она лишь смотрела на мать и сестру... Пред самой кончиной лицо ее просияло, как лицо ангела, и все ощутили некое дивное благоухание, исходящее от нее.

После этого решил царь на последнее средство: велел разжечь сосуд со смолою и

ввергнуть туда Надежду. Но сосуд — без всякой видимой причины — вдруг растаял, как воск, и смола растеклась по двору, причинив немало ожогов окружающим. Тогда царь осудил и Надежду на отсечение главы.

ЛЮБОВЬ

Осталась младшая девочка, девятилетняя Любовь, и царь стал еще настойчивее добиваться от нее отречения от Христа. Он всячески ласкал ее, называл своей любимой дочерью, велел принести дорогие игрушки, обещал еще больше дать, только бы поклонилась она богине Артемиде. Но маленькая Любовь, глядя в глаза своему мучителю, говорила:

— Кто может разлучить меня с Богом?! Я ничего не боюсь! И тебя, царь, нисколько не боюсь!..

Выведенный из терпения, Адриан приказал растянуть девочку на колесе и бить солеными прутьями. Когда палачи растянули ее, то все члены ее вышли из своих суставов и земля под нею оросилась кровавым дож-

дем. После этой пытки опять была разожжена печь, и царь сказал:

— Поклонись Артемиде — не то будешь сожжена живою!

Но Любовь ответила на это так, как ее учила святая мать:

— Велик Бог мой Иисус Христос — Ему единому кланяюсь!..

Тогда велел царь бросить ее в печь. Девочка, не дожидаясь своих мучителей, сама вбежала в печь, но огонь не коснулся ее.

Пока длились мучения, мать стояла тут же и ободряла свою девочку и взглядами, и словами:

— Третья веточка моя, дитя мое любимое, потерпи до конца! Уже плетется тебе венец и отверзается чертог небесный.

И велено было царем отсечь голову и Любви.

Мать благоговейно приняла все три тела, положила их в дорогой ковчег, осыпала цветами и отвезла в свое загородное имение. Там

на могиле их провела св. София три дня без пищи и сна, неустанно моля Господа о скорейшем свидании с любимыми дочерьми.

И Бог услышал ее молитву: на третий день она мирно скончалась, перейдя в лучший мир, чтобы уже больше никогда не разлучаться со своими детьми.

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, — тот не достоин Меня», — сказал Господь (Мф. 10, 37).

**Жизнь и страдания
святого великомученика
Евстафия Плакиды**

Память его – 20 сентября/3 октября

сть в Риме, недалеко от Пантеона, небольшая площадь. Одна из сторон этой площади смотрит на церковь. Когда вы идете к ней от Пантеона, то, еще не выйдя на самую площадь, в пролете улицы, вы видите глав-

ный вход в церковь. Верх его украшает голова оленя, а меж рогов его возвышается крест.

Это — церковь св. Евстафия; там почивают мощи святых мучеников: Евстафия, жены его Феопистии и двух сыновей их.

Святой Евстафий жил при императоре римском Траяне и был самым лучшим его полководцем. Одно имя его наводило страх на врагов империи. Храбрый и непобедимый в боях, он был человеком очень доброго сердца и, вместе с женой своей, творил много милостыни бедным. Вся семья их принадлежала к высшему слою тогдашнего общества, была богата и, как все приближенные к императору, пребывала в язычестве.

Однажды Плакида (таково было его языческое прозвище) выехал на охоту. Увидев стадо оленей, Плакида бросился вперед. На своем сильном и резвом коне он скоро отделился от своих слуг и погнался один за оленями. Вдруг он видит, как один олень, необычайного роста, с красивыми ветвистыми рогами, выделился из стада и бросился в сторону. Плакида погнался за ним. Как ни был хорош конь под Плакидой,

но олень бежал быстрее и скоро скрылся из виду. Остановил Плакида коня и раздумался. Что делать? Продолжать ли погоню или вернуться назад? И затрубил в рог, чтобы созвать своих слуг. Вдруг он видит — на высокой скале, прямо перед ним, стоит олень и среди рогов его сияет крест с распятым на нем Господом Иисусом Христом. И слышит Плакида голос:

— Что ты гонишь Меня?

Затрепетал Плакида от чудного видения и упал с коня на землю. Придя в себя, он спросил:

— Но Кто Ты, говорящий со мною?

И услышал в ответ:

— Я — Иисус, Спаситель мира. Твои добрые дела и милостыни взошли ко Мне. И Я не хочу, чтобы человек, делающий правду, погиб. Для того Я явился тебе на этом животном, чтобы сделать тебя рабом Моим и даровать тебе вечное спасение.

— Но что же мне делать? — спросил Плакида. И послышался голос:

— Призови священника христианского и крестись от него во имя Отца и Сына и Святого Духа; он наставит тебя на путь спасения.

**Св. великомученик Евстафий увидел оленя
с крестом между рогами.**

Возвратясь домой, Плакида рассказал наедине жене своей все, что видел и слышал, а больше никому не поведал о бывшем ему видении. Через некоторое время они узнали, где живет священник христианский, пришли к нему ночью и просили крещения. Научив их, как должно веровать в Бога и жить по Его заповедям, священник крестил их: Плакиду и жену его и двух детей их. Причастившись Святых Христовых Тайн, они возвратились домой с великой радостью. Если раньше они жалели бедных и раздавали много милостыни, то теперь всякого нищего они готовы были ввести в дом свой, посадить за один стол, обласкать и утешить, чем только можно. Пост и молитва стали спутниками их жизни. Долго так текла спокойная и радостная жизнь в их доме.

Но вот пришли и скорби. Стали болеть рабы и слуги; за недосмотром стал пропадать скот; воры несколько раз обкрадывали их. И скоро нужда поселилась у них. Евстафий не унывал и не жаловался. Подобно многострадальному Иову, он говорил: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Его благословенно!»

Одного он боялся, что жена не выдержит этих испытаний. Он ободрял ее такими словами:

— Помнишь, Феопистия, как мы счастливо жили, когда были язычниками! А теперь, ставши христианами, мы не выходим из беды. Что же нам делать? Неужели мы из-за этого отвернемся от Христа, Который пролил за нас кровь Свою? Нет, не будем унывать! Господу угодно испытать нас скорбями; но Он знает наши силы и не пошлет испытания, которого мы бы не вынесли.

Феопистия была настоящая римлянка и ответила мужу так:

— Я всегда была тебе верной женой. Делили мы раньше радости, теперь поделим горести. Будем терпеть и надеяться на милость Божию: Он весьма милосерд и сострадателен.

Но жить так, как они жили раньше, когда были богаты, они уже не могли. Бывать в гостях и принимать у себя гостей стало трудно как потому, что они обеднели, так еще больше оттого, что они стали христианами. Водить дружбу с язычниками, принимать участие в их пиршествах запрещала им их

христианская совесть. Это они считали изменой Богу. И стали они думать, куда бы им уехать из Рима. Легче всего было бы поселиться в одном из своих имений и начать простую трудовую, деревенскую жизнь. Но эту мысль пришлось оставить. В жаркую пору года, когда в столице от жары и духоты жизнь становилась невыносимой, семьи римской знати переселялись в свои пригородные виллы — и там начиналось шумное веселье.

И решили Евстафий и Феопистия совсем оставить Италию. Сели они на корабль и поплыли в Египет. Когда пристали они к берегам Африки, то хозяин корабля объявил, что за провоз семьи он платы не желает, а оставляет Феопистию своей рабой. Он был разбойник, а Феопистия была очень хороша собой — и он прельстился ее красотой. Угрожая обнаженным мечом, он заставил Евстафия сойти с корабля. Плачевное то было зрелище: Евстафий с детьми рыдали на берегу, Феопистия в отчаянии простирала к ним руки и взывала о помощи... Но тут подул попутный ветер, корабль отделился от берега, и несчастная семья

разлучилась на долгие годы, не зная, встретятся ли они еще когда-нибудь.

Долго стоял Евстафий у берега моря с глазами, полными слез, и неизбывной скорбью в сердце. Двое малюток прижались к нему. Что было делать? Куда идти? Кому пожаловаться на свою горькую участь? Сзади — море, впереди — чужая, неведомая земля. Не видно ни одной живой души, ни одного дымка, который указывал бы, что где-то поблизости есть человеческое жилище.

Между тем надвигались сумерки. Тени становились все длиннее, и скоро сотни звезд высыпали на потемневшем небе. Где-то надо было найти хотя бы пещеру, чтобы не остаться на ночь под открытым небом. В прибрежных скалах пещер было много, и пережившие за этот день столько тревог наши странники нашли себе приют в одной из них.

Утром они двинулись в путь. Когда младший мальчик уставал, отец брал его к себе на

плечи. И так они прошли с полдня без всякой дороги, все дальше и дальше уходя от берега. Вдруг малыш закричал, что видит реку. Через какой-нибудь час подошли они к широкой реке. Но не было видно ни моста, ни перевоза; и только по ряби на поверхности воды можно было заключить, что река неглубока. Оставив старшего на берегу, а младшего взяв на руки, Евстафий стал переправляться. Перейдя реку, он пошел за вторым мальчиком, но едва достиг середины реки, как услышал пронзительный крик. Это старшего мальчика ухватил лев и побежал в пустыню. Горько рыдая, несчастный отец воротился назад к младшему сыну, но не успел выйти на берег, как увидел, что волк схватил его и побежал в лес.

Итак, в течение двух дней лишился Евстафий жены и детей. Невольно опустил он на колени, поднял руки к небу и взмолился к Богу: «Боже великий и сильный! В этот трудный час не оставь меня Твоею помощью, укажи путь, куда мне идти, заступи, спаси и помилуй всех нас Твоею благодатию!» И как бы в ответ на эту мольбу прозвучали в душе Евста-

фия слова псалма: «Возверзи на Господа печаль твою — и Той тя препитает».

Скоро Евстафий пришел в одно селение. Никто в изможденном и бедно одетом страннике не узнал знаменитого римского полководца, но все были рады, что нашелся человек, который согласился оберегать их поля за самую низкую плату. И прожил Евстафий в этом селении 15 лет в великой нищете, смирении и труде. Утешением его была горячая молитва к Богу и надежда на милость Его.

Но вернемся в Рим! Там давно забыли, кто такой был Плакида, и если бы не война с варварами, никто бы и не вспомнил про него. Но когда римские легионы стали терпеть одно поражение за другим и уже отступили к самым границам Италии, то невольно все вспомнили про Плакиду и жалели, что его нет.

— Если бы здесь был Плакида, — говорил сам император, — то кто бы дерзнул напасть на нас?! Надо его отыскать, надо ему сказать,

что отечество в опасности. Кто бы мог взяться за это дело? Того я награжу великой честью.

И вызвались два воина, из бывших друзей Плакиды, найти его и уговорить вернуться в Рим. Был долог их путь. Где бы они ни спрашивали про Плакиду, ответ был один: «Здесь о таком человеке и не слыхивали!»

Наконец, императорские посланцы прибыли в то селение, где жил Евстафий. Еще до въезда в селение они увидели его на поле, но, конечно, не узнали. А Евстафий, увидя усталых путников и узнав в них своих друзей, уговорил их отдохнуть с дороги у него.

За трапезой стали спрашивать Евстафия, не слышно ли в этих краях о полководце римском Плакиде, который много лет тому назад скрылся из Рима и ушел неизвестно куда.

— А на что он вам? — спросил Евстафий.

— Мы — друзья его, — отвечали они. — Император поручил нам отыскать его, чтобы он снова стал во главе легионов и отогнал врагов от пределов Италии.

Евстафий ничего не ответил. Но, видя своих друзей, слыша, что отечество в опасности,

не мог удержаться от волнения. Отвернувшись, он украдкой вытер слезы. А когда вышел на минутку за дверь, гости, переглянувшись, воскликнули: «Как этот человек похож на Плакиду!»

Зная, что у Плакиды был на шее рубец от раны, полученной в одном из сражений, они условились, что, как только хозяин войдет, они посмотрят, нет ли у него такого рубца. И какое же было их счастье! Евстафий вошел, неся новое угощение, и они увидели, что на обнаженной шее его краснеет след давно зажившей раны. Они бросились к Евстафию, стали обнимать его и со слезами радости говорили:

— Ты — Плакида, которого мы ищем! Ты — вождь римских легионов, которые ждут, что поведешь их снова от победы к победе!

— Так, друзья мои, — сказал Евстафий, — я — Плакида. Я тот самый, который был когда-то славой Рима, грозой для врагов и вождем наших победоносных легионов. Только теперь вы видите меня в нищете и неизвестности. По любви к Господу моему я оставил все, потерял жену, лишился детей и живу тру-

дами рук своих, как самый бедный поселянин. Но если Господу угодно возвести меня в прежнее достоинство и честь, я не буду противиться. Я готов вернуться к моим любимым войскам.

В Риме Евстафий был принят императором весьма милостиво. Став во главе легионов, Плакида нанес такое поражение варварам, что надолго отбил у них охоту вторгаться в пределы империи.

Римские войска возвращались домой. В одном полку было два молодых воина, очень дружных между собою. На одном привале они раскинули свою палатку близ сада одной бедной женщины и вели на досуге разговор.

— Кто твой отец? — спросил один другого. Тот отвечал:

— Я помню, что мы жили в Риме и были богаты. У меня был младший брат. Не знаю, как случилось, но вся наша семья покинула Рим и на корабле отправилась в Африку. Когда мы сошли на берег, матери с нами уже не было. Помню, что мы все плакали по ней; но почему она осталась на корабле, я не знаю. Потом мы

пошли в глубь страны и пришли к какой-то реке. Здесь при переправе случилась беда. Пока отец переносил моего меньшого брата, меня схватил лев и понес в пустыню. Но охотники убили льва и спасли меня.

Услышав это, товарищ его бросился к нему на шею.

— Ты — брат мне! Я помню все, что ты сейчас рассказывал. Я видел, как тебя схватил лев. Тогда же меня унес волк, но пастухи отбили меня, и я вырос в их деревне.

Женщина, работавшая поблизости, слышала этот разговор. Это была Феопистия. Ее сердце трепетало от радости. В этих двух воинах она узнала своих сыновей и чуть не бросилась к ним в палатку, чтобы сказать, что она их мать, но благоразумие подсказало ей, что с этим надо подождать. Едва ли бы они признали в бедно одетой женщине, копающей землю на огороде, свою мать.

— Может быть, лучше, — подумала она, — пойти к военачальнику и попросить разрешения следовать за войском в Рим?! Там мне будет легче доказать мои материнские права.

Придя к военачальнику, Феопистия изумилась, узнав в нем сразу своего мужа. Поклонившись ему до земли, она сказала:

— Господин мой, не прогневайся на меня, если я спрошу тебя об одной важной для меня вещи!

— Хорошо, говори, — сказал он. И она начала:

— Не ты ли Плакида, нареченный во святом крещении Евстафием? Не ты ли видел Христа на кресте посреди рогов оленя? Не ты ли, ради Бога, оставил Рим с женою и детьми? Не у тебя ли варвар отнял жену на корабле? Вот я, жена твоя, — Бог мне свидетель, — благодатию Христовой сохранена от насилия, потому что варвар в тот же день погиб, а я осталась чиста и теперь скитаюсь в бедности.

Евстафий, узнав свою жену, бросился ей в объятия, и оба заплакали от радости. Феопистия тотчас же поведала мужу о детях. Молодые воины немедленно были вызваны к Евстафию. Невозможно изобразить словом эту семейную встречу. Слезы у родителей,

удивление и неопиcуемая радость молодых воинов, оказавшихся сыновьями знаменитого полководца.

Как в природе нередко бывает, что после долгих дней холода и ненастья вдруг солнышко снова разгонит тяжелые тучи, засияет на небе и согреет всех на земле, — так в семье Евстафия после стольких лет разлуки и трудной жизни снова воцарилась радость.

Римские легионы с триумфом входили в Рим. Евстафию была оказана наивысшая честь. Сам император встретил его у ворот Рима и возложил ему на голову лавровый венок победителя. На другой день были назначены жертвоприношения в храмах в благодарность богам за дарованную победу. Прибыл и Евстафий со своей свитой, но не хотел войти в капище. Донесли императору. Он велел спросить Евстафия, почему он не хочет благодарить богов за победу и за радость возвращения жены и детей.

– Я христианин, знаю только одного Бога, Иисуса Христа, Его и благодарю за все Его милости к нам, — ответил Евстафий.

Тогда приказано было Евстафию снять с себя все знаки отличия и явиться на суд к императору с женой и сыновьями. Сколько ни уещивал их император оказать ему послушание и поклониться богам, они остались непреклонны.

– Мы христиане, — говорили они, — и кланяться бездушным истуканам не можем.

– Тогда вы умрете жестокою и бесчестною смертью, — сказал император и осудил их на съедение зверям.

Святой Евстафий с женою и детьми пошли на смерть, как на пир. Их привели в цирк и поставили посреди арены. Голодные звери были выпущены из клеток. Зрители ахнули! Все ждали, что звери сразу бросятся на узников и растерзают их. Но случилось чудо — звери стали лизать у них руки и ноги и никого не тронули.

– Завтра мы приготовим им жаркую баню, — воскликнул император. По его приказанию святая семья была посажена в темни-

цу, а утром всех бросили в раскаленного вола. Долго оттуда несло тихое пение; наконец, все стихло, и огонь потух. Когда спустя три дня открыли чрево вола, то вместо пепла и костей увидели нетленные мощи мучеников. Их лица были, как живые, и сияли такою чудною красотою, что весь народ воскликнул: «Велик Бог христианский!»

Христиане взяли тела святых мучеников и похоронили их с честью, славя Бога, дивного в святых Своих.

Это все произошло около 118 года по Р. Х.

Житие
преподобной матери нашей
Евфросинии Суздальской

Память ее — 25 сентября/8 октября

то было давно: в самом начале XIII века, в первые десятилетия татарского нашествия. В г. Чернигове жили тогда благоверный князь Михаил с княгиней своей; которые оба отличались теплой верой к Богу и жалостью к бедным. У них не было детей.

Долго и усердно молились они Матери всех скорбящих, Пресвятой Богородице, о даровании им ребенка. И вот однажды было им ночью видение. Явилась Пречистая и сказала: «Ваша молитва услышана: у вас родится дочь, и вы дайте ей имя «Феодулия». Храните ее со всяким страхом, ибо она станет сосудом Святого Духа и послужит Мне среди других монахинь в женской обители города Суздаля».

Когда предсказание Богоматери исполнилось, то девочку при крещении называли Феодулией. С самого раннего детства воздержанием в пище (она никогда не ела мяса) Феодулия показала, что она действительно «раба Божия» (таково значение этого имени на греческом языке). И росло это богоданное дитя, радуя своих родителей своим прекрасным видом и добрым характером.

Когда же княжна Феодулия выросла, то не было в то время другой девушки, равной ей по красоте. Все молодые князья хотели иметь ее своей женой. Родители Феодулии, как будто забыв про предсказание Богоматери, что дочь их будет монахиней, решили обручить

В начале 1237 года татарские полчища осадили Суздаль. Преподобная Евфросиния и другие монахини не оставили своего монастыря, находившегося вне стен города, и усердно молились о спасении града и обители.

ее с сыном Суздальского князя. Но когда пришло время выйти ей замуж и родители объявили ей об этом, молодая княжна наотрез отказалась от брака. Видя, как ее отказ огорчил их, Феодулия со слезами помолилась Пресвятой Богородице, прося у Нее утешения и указания, как ей быть.

Пресвятая Дева явилась ей и сказала: «Чти отца и мать и не противься своим родителям. Но не бойся: этого брака не будет. Однако, исполняя волю родителей, спеши в Суздаль, и, когда еще будешь в пути, жених твой умрет. Не возвращайся тогда к родителям, чтобы они не сделали тебе какого-либо принуждения!»

Обрадованная этими словами, княжна спешит отправиться в Суздаль, как будто к своему жениху; но на пути узнает, что он скончался. Тогда, не возвращаясь домой, она явилась к воротам суздальского женского монастыря, упала в ноги старице-игумении и умоляла принять ее в число послушниц.

Вскоре было совершено и пострижение княжны Феодулии в иноческий чин; ей было дано имя Евфросиния. Когда об этом узнали

ее родители, то не только не огорчились, но даже обрадовались, ибо увидели, что с их дочерью совершается все, как предсказала Матерь Божия.

И вот юная монахиня Евфросиния начала свои иноческие подвиги. Несмотря на свое княжеское происхождение, она всякую работу, даже самую тяжелую и грубую, делала своими руками; во всем была кроткой и послушной; бывало, что целые дни, а часто и несколько дней кряду, проводила без пищи; большую часть дня находилась в церкви на молитве, а у себя в келии молилась по ночам или занималась чтением Слова Божия и пением псалмов.

В таких подвигах проходит несколько лет.

О подвижнической жизни Евфросинии вскоре узнали в Суздале. И знатные женщины города со своими дочерьми стали приходить в обитель, чтобы помолиться с нею и послушать ее душеспасительных бесед. Преподобная имела приятный голос: ее внятное чтение и доброгласное пение вызывали умиление и слезы молящихся, а душеспасительные беседы наставляли посетительниц монастыря.

Вскоре слава о юной подвижнице распространилась и за пределами Суздаля. К ней часто приходили женщины и девушки послушать ее наставления. И под влиянием их многие из слушательниц оставляли мир и поступали в монастырь. Поэтому и в монастыре, среди монахинь, преподобная Евфросиния пользовалась великим уважением. Сама игуменья слушалась ее советов.

Так, по просьбе преподобной Евфросинии в монастыре был установлен новый порядок: монастырь был перегороджен стеною на две части, а инокини разделены на две половины — одну составляли те, которые поступили в монастырь девицами, а другую — вдовы. Таким образом, в одном монастыре стало как бы две обители, и в каждой была своя начальница. Но так как церковь в монастыре была одна, на половине инокинь-дев, то на молитву собирались все вместе в эту половину монастыря. Но монахини-вдовицы хотели иметь особый храм на своей половине; они упросили Евфросинию ходатайствовать об этом пред игуменьею. Игуменья и в этом по-

слушалась Евфросинии и велела устроить на половине вдовиц особую церковь.

Своими трудами и подвигами преподобная Евфросиния подняла значение самого монастыря. При жизни ее не было женской обители, которая могла бы равняться с ее монастырем по благочинию в жизни и богослужении, по благочестию и подвигам инокинь.

Между тем на Русь надвигалась страшная гроза, приближалось нашествие татар. Татары быстро шли по русской земле: жгли города и села, жилища людей и храмы Божии, беспощадно убивали жителей и уводили в плен. В начале 1237 года татарские полчища осадили Суздаль. Жители заперлись в городе. Преподобная же Евфросиния и другие монахини не оставили своего монастыря, находившегося вне стен города, и усердно молились о спасении града и обители. Господь открыл преподобной, что город будет разрушен, жители будут избиты, но обитель останется невредима, за их молитвы.

— Тебе вместе с живущими здесь обещаю, — говорит Господь, — что знамение креста будет хранить твой монастырь.

И тотчас же явился чудный свет над монастырем; во свете был виден животворящий крест и два огненно-светлых юноши, державшие в своих руках натянутые луки. Они сказали преподобной, что они посланы от Бога охранять обитель от врагов. В другой раз преподобная видела, что некоторые инокини бежали в город, чтобы найти защиту за его стенами, но были или убиты, или отведены в плен, а иные возвратились опять в монастырь.

Все случилось, как было открыто святой Евфросинии: город Суздаль был взят, горожане избиты или отведены в плен, с ними погибли и монахини, которые бежали из монастыря. Разорив город, отряд татар направился к обители Пресвятой Богородицы, но не мог даже близко подойти к ней: дивный свет, сиявший над нею, опалял безбожных врагов. Тогда выступил сам Батый и двинулся на обитель. Но преподобная Евфросиния обратилась с молитвою к Богу, прося Его покрыть обитель заступлением Своим и омрачить очи нечестивых татар. Тотчас же сошел на обитель мрак в виде облака, так что татары не могли и найти ее.

Жестокой бурей пронесли татарские полчища по суздальской земле: города и села были превращены в пепел; земля опустела. Следующий год прошел мирно, а зимой 1239 года Батый снова двинулся на Русь, но уже в южные ее пределы. Киевом владел тогда князь Михаил Черниговский, отец преподобной Евфросинии. Батый отправил к нему своих послов, которые льстивыми словами уговаривали князя подчиниться хану. Но князь приказал умертвить ханских послов, а сам ушел в Венгрию и жил там как изгнанник.

Зимой 1240 года Батый взял Киев, сжег город и святые церкви, избил жителей. С этого времени хан овладел всей русской землей, которая стала платить ему дань. Князь Михаил плакал, слыша в своем изгнании о бедствиях русской земли. Наконец, он не выдержал и решил возвратиться на родину. Русские князья уже ездили к хану на поклон. Слуги Батыя того же потребовали и от князя Михаила.

— Нехорошо жить на Батыевой земле, не сходявши поклониться ему, — говорили они князю.

И князь вместе с боярином Феодором отправился в Орду, ставку хана Батыя. Слуги хана заставляли князя пройти сквозь огонь, поклониться кусту и идолам и обещали за это почести и милости хана. Когда же князь отказался исполнить это требование, противное духу Христовой веры, ему объявили, что его ждет лютая смерть. Русские, бывшие тогда в Орде, стали уговаривать князя послушаться ханских слуг и выполнить то, что они требовали. Князь стал колебаться. Боярин Феодор ободрял его и поддерживал князя, убеждал его не отречься от Христа Бога и истинной веры. Однако колебания не оставляли Михаила.

Об этом узнала его дочь, преподобная Евфросиния. Чтобы поддержать отца, она написала ему послание и убеждала не кланяться хану, не менять истину на ложь и не отречься от Христа, а лучше пострадать за Него. «А если меня не слушаешься, — писала св. Евфросиния, — то знай, что отселе я — чужая, а не дочь твоя!»

Получив послание, князь Михаил прочитал его и горько оплакивал свое малодушие.

Он благодарил Бога, вразумившего его посланием дочери-подвижницы. Колебания князя Михаила окончились, и он решил лучше пострадать за Христа, чем кланяться языческим идолам. Перечитывая вместе с Феодором это послание, он все больше и больше укреплялся в своем решении.

Наконец, князь прямо сказал боярину: «Спутник мой добрый, истинный охранитель души моей, теперь я понял, как я могу спасти свою душу: я должен вместе с тобой пострадать за Христа».

О таком решении князя и боярина узнали ханские слуги и донесли Батыю. Хан повелел предать их мучениям и смерти. После долгих мучений их усекли мечом.

Вскоре святой князь Михаил явился во сне своей дочери и сказал ей: «Чадо мое! Прославил меня Бог славою многою: я получил вместе с боярином Феодором небесное блаженство. Благословенна ты, чадо мое, у Господа, так как была ходатаицей моего спасения: твоим посланием я укрепился на этот подвиг и получил жизнь вечную».

Еще при жизни преподобной Евфросинии Господь прославил ее даром чудотворений.

Много больных приходило к ней и просило помолиться за них, и она, призывая имя Господне, исцеляла их. Обращались к преподобной нуждавшиеся и в духовном врачевании. Один раз пришел к ней один из богатых людей города Суздаля. Он увидел ее в старой поношенной одежде с изможденным от подвигов лицом и просил подвижницу принять от него новую одежду. Но Евфросиния отклонила просьбу богача.

— Рыба на морозе, — так сказала она, — не портится и даже бывает вкуснее; так и мы, иноки: если переносим холод, становимся крепче и будем приятны Христу в жизни нетленной.

Тогда богач умолял сказать ему наставление о том, что нужно ему делать для спасения души. И она сказала:

— Слушай, христоробче! Счастлив дом, в котором господа благочестивые, счастлив и корабль, который управляется искусным кормчим, блажен и монастырь, в котором живут воздержные иноки. Но горе дому, в котором

обитают нечестивые господа, горе кораблю, на котором нет искусного кормчего, горе монастырю, где нет воздержания: дом обнищает, корабль разобьется, а монастырь запустеет. Ты же, боголюбезный человек, твори милостыню прежде всего домашним слугам своим, и если хочешь дать от своих щедрот нам в монастырь, то пришли только масла постного, свечей и ладану. Этого будет достаточно.

И богач поступил так, как сказала ему подвижница. Прежде он был строг к слугам своим, но теперь, послушав ее, переменился и стал милосерд.

Незадолго до своей праведной кончины преподобная Евфросиния видела во сне своего отца, который сказал ей:

— Гряди, чадо мое любезное: Христос зовет тебя! Гряди насладиться неизреченной радости и исполниться света небесного!

Преподобная поняла, что приближается день ее смерти, и стала готовиться. Болезнь ее продолжалась недолго. Перед самой кончиной она приобщилась святых Христовых Тайн и молилась:

– Слава Тебе, Пресвятая Троица! Упование наше, Пресвятая Госпоже, помоги мне! Господи, в руки Твои предаю дух мой!

Потом перекрестилась и спокойно отошла в жизнь вечную.

Весть о смерти славной подвижницы быстро разнеслась повсюду, и в обитель собралось множество народа; явились больные и одержимые злым духом; они прикасались к телу усопшей и получали исцеление.

После погребения почившей подвижницы при гробе ее происходили поразительные чудеса: слепые прозревали, хромы начинали ходить, немые говорить, бесноватые освобождались от власти демона, расслабленные получали силу и начинали ходить. Одним словом, всякий, кто притекал к мощам угодницы Божией с верою, получал исцеление по молитвам ее.

Это множество чудес послужило побуждением к причислению преподобной Евфросинии к лику святых.

**Святитель
Иоанн Златоуст, архиепископ
Константинопольский**

День памяти – 13/26 ноября

вятого Иоанна назвала Златоустом одна женщина, придя в восторг от его проповеди. С тех пор прошло более чем 1500 лет, но это слово простой женщины не забылось; оно навеки соединилось с именем великого учителя Церкви. И теперь, когда хо-

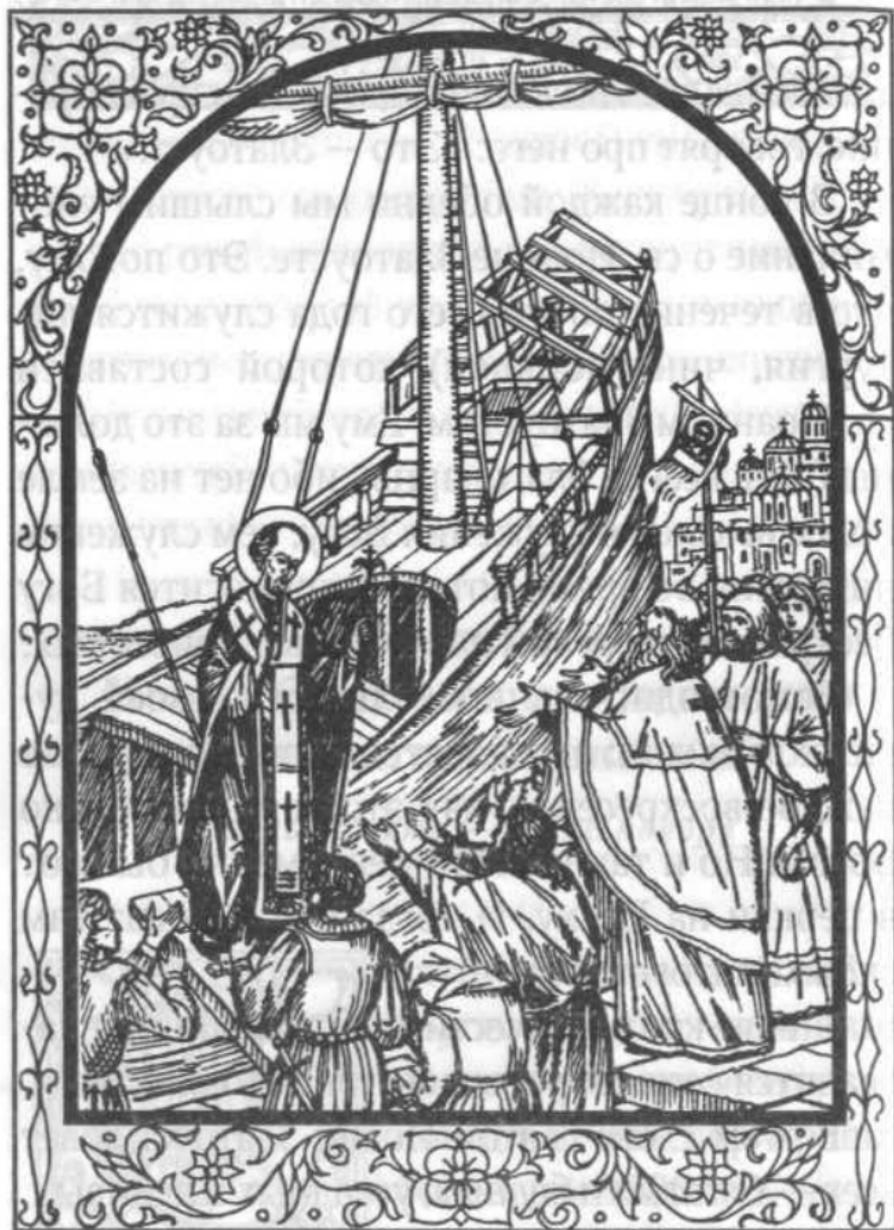
тят похвалить кого-нибудь за его красноречие, говорят про него: «Это — Златоуст!»

В конце каждой обедни мы слышим упоминание о св. Иоанне Златоусте. Это потому, что в течение почти всего года служится литургия, чин (порядок) которой составлен св. Иоанном Златоустом. Ему мы за это должны быть всегда благодарны, ибо нет на земле более высокого служения Богу, чем служение литургии, во время которой приносится Богу бескровная жертва Тела и Крови Христовых.

Есть люди, невнимательные к своей душевной жизни: они ленятся ходить в церковь каждое воскресенье, как это нам заповедано Богом. Но и такие люди непременно бывают в церкви на Пасху. И тогда они слышат там слово Златоуста:

— Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего доброго и светлого торжества!

В этом слове святой Иоанн Златоуст зовет всех — богатых и бедных, усердных и ленивых, постившихся и непостившихся — войти в радость Господа Своего. «Трапеза исполнена — насладитесь вси!»

**Возвращение святителя Иоанна Златоуста
в Константинополь было триумфом. Десятки тысяч человек
встречали его с криками радости, со свечами в руках.**

Это слово придает много радости великому празднику Пасхи.

И еще бывает, когда кому случается много терпеть и страдать безвинно и не видеть утешения до самой смерти, тогда ему приходят на ум последние слова Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все!» Из жития его мы увидим, как много ему пришлось пострадать за правду и жизнь свою закончить не в столице, где он был главою Церкви, а в далекой Армении, в изгнании. Но его сердце не озлобилось от страданий; об этом и свидетельствуют его последние слова, которыми он благодарит Бога: «Слава Богу за все!»

Иоанн, когда был маленьким, рос на попечении только своей матери, которая овдовела на 20-ом году своей жизни. Св. Анфуса души не чаяла в своем единственном сыне и так его любила, что не захотела больше выходить замуж (хотя была молода и богата), а всю себя посвятила воспитанию сына.

Первые уроки добродетельной христианской жизни Иоанн получил в родительском доме. Потом, когда он, подросши, отправлен был матерью в Афины к знаменитому оратору

ру Ливанию для усовершенствования в науках, то там он не знал другой дороги, как только в церковь и к своему наставнику. Успехи его в науках и красноречии были блестящи, и скоро Ливаний должен был признаться, что ученик превзошел своего учителя.

Вернувшись в родную Антиохию, Иоанн сделался адвокатом. Красноречие, образованность и светлый ум легко могли привести Иоанна к высшим должностям. И поначалу успех и слава радовали Иоанна и притягивали к себе, но доброе основание, положенное в детстве, и молитвы матери удержали его от соблазна светской жизни. Скоро он и совсем оставил гражданскую службу и начал проводить дни в подвигах поста и молитвы. Только усиленные просьбы матери удержали его от немедленного ухода в пустыню. Когда же скончалась св. Анфуса, Иоанн раздал все свое имение, отпустил на свободу рабов и удалился в пустынную обитель к отшельникам. Там он предался столь суровым подвигам, что даже расстроил свое, и без того слабое, здоровье. Поневоле пришлось возвратиться в Антиохию. Здесь

епископ Мелетий, давно заметивший склонность Иоанна к благочестивой жизни, приказал ему готовиться к сану диакона. В дни посвящения прошла болезнь Иоанна. Это он принял как указание Божие, что ему нужно отдать себя целиком на служение Церкви.

Через пять лет его посветили в сан иерея и назначили на должность проповедника. С этого времени начинается славное проповедническое служение св. Иоанна. Каждое воскресение, а то и дважды в неделю, проповедует он слово Божие. Слушать его собирались толпы народа: не только христиане, но и язычники и даже иудеи. Сначала приходили просто из любопытства послушать нового проповедника, но, тронутые до глубины души горячим словом Иоанна, часто тут же исповедовали свои грехи и меняли в корне свою жизнь. Временами, когда речь Иоанна была особенно хороша, она прерывалась рукоплесканиями и шумными проявлениями восторга. Но Иоанн не любил этого.

— Что мне в ваших похвалах? — говорил он. — То мне похвала, если вы исправите вашу жизнь и обратитесь к Богу!

Слава о Златоусте распространилась по всему Востоку и скоро достигла столицы Греческой империи Константинополя. Как только там освободилась кафедра столичного архиепископа, император, духовенство и народ единодушно решили избрать на это место св. Иоанна Златоуста.

Но как лишить антиохийцев любимого их пастыря, не возбудив общего ропота и даже возмущения? Решено было прибегнуть к хитрости. Царский чиновник, которому поручено было это дело, пригласил Иоанна посетить в его колеснице загородные храмы мучеников. Ничего не подозревавший Иоанн согласился. И потом, уже в пути, ему был объявлен царский указ о назначении в Константинополь. Иоанну пришлось подчиниться, и так он был посвящен в епископы Нового Рима.

Для Церкви Константинопольской началась заря новой жизни.

Призывая народ к молитве, Иоанн всячески старался восстановить богослужение во всей его красоте. Особое внимание он обращал на пение. «Ничто так не возбуждает и не

возвышает душу, — писал он, — ничто с такою силою не отрывает ее от земли, ничто так не располагает к любви святой, как священная песнь... Духовная песнь — это источник освящения; слова ее очищают душу, и Св. Дух нисходит в души поющих, так как те, которые поют псалмы с сознанием, действительно призывают на себя благодать Его».

Он всех звал бывать возможно чаще в церкви, где человек невольно изменяется к лучшему.

— Выходя из церкви, — говорит он, — человек не учит, не проповедует словами, но спокойствие в чертах его лица, но взгляд его и даже самый голос показывают, какую вкусил он здесь радость, какое получил он благо для души своей. Мы должны выходить из церкви так, как из святилища выходят посвященные, — чтобы, смотря на нас, все явно ощущали, какое благо выносим мы отсюда.

И действительно, народ толпами устремился к церкви, и восторженная любовь, которую Иоанн сумел возбудить в Антиохии, возгорелась к нему и среди новой его паствы.

Между тем у этого святого мужа оказались враги. Это были те, которые обманулись в своих надеждах занять место Константинопольского архиепископа; это были те, для которых праведная жизнь Иоанна была живым укором; в особенности же это были те, пороки и распущенность которых невольно обличал св. Иоанн в своих проповедях.

Враги Иоанна донесли императрице, что он позволяет себе делать намеки и на ее величество, когда говорит о нравах высшего общества. Этого было достаточно, чтобы царица, гордая и властолюбивая, воспылила гневом на Иоанна. Она пожаловалась на него императору, который решил поставить на вид Златоусту его слишком смелые речи. А он отвечал: «Я — епископ, и мне вручено попечение о всех. Если царица не знает худа за собою, то ей не за что сердиться. Я обличаю беззаконие и никого по имени не называю; учу же всех не делать зла». Раздраженная таким ответом Иоанна, царица приблизила к себе всех, кто был против него. Иоанн был осужден и, по повелению императора, приговорен к высылке из столицы.

Когда эта новость разгласилась, весь народ пришел в волнение. В городе стали ходить самые тревожные слухи. Говорили уже не только об изгнании, но даже о смертном приговоре. Народ наполнил церкви, молясь за Иоанна, или толпился на соборной площади в надежде хоть издали увидеть архиепископа или услышать звук его голоса.

Подчинившись царскому указу, Иоанн покинул город под покровом ночи. В ту же ночь произошло сильное землетрясение. Подземные удары были особенно сильны около царского дворца. Среди ночи императрица в испуге и в слезах вбежала к императору.

— Мы изгнали праведника, — воскликнула она, — и Господь за это карает нас. Надо немедленно возвратить его, иначе мы все погибнем!

Царица сама написала письмо Иоанну, умоляя его простить ее и возвратиться.

Его возвращение было триумфом. Десятки тысяч народа встречали святителя с криками радости, со свечами в руках. Он вошел в свой кафедральный собор и произнес умиль-

ную проповедь, начав ее следующими знаменательными словами:

— Благословен Бог, удаливший меня! Благословен Он, меня возвративший! Благодарение Богу и за радость, и за горе!

Весь народ плакал от умиления и радости, что снова видит своего любимого архипастыря.

С того времени каждый день проповедовал св. Иоанн в церкви, раскрывая верующим тайны слова Божия и бесстрашно бичуя пороки всех, начиная с царского двора и высших кругов общества.

Так прошло немного времени. Враги Иоанна снова донесли императрице, что он не оставляет в покое ее имени. Еще яростнее запылала она гневом на святителя, забыв недавнее Божие предостережение. На сей раз она настояла, чтобы Иоанна отправили в далекую ссылку, на самую восточную окраину Греческой империи.

Долог, утомителен и мучителен был этот путь. По скверным дорогам, в непогоду и под палящими лучами солнца совершал больной святитель это путешествие. Все как будто на-

мерно было устроено так, чтобы причинить изгнаннику наибольшее страдание. После 70-дневного пути достигли деревни Кукуз, в горах Армении, где ему велено было находиться. Но здесь, в заброшенной деревне, в дикой горной стране св. Иоанн встретил столько радушия и сочувствия, что стало оживать его истомленное сердце. Все, что было возможно, было сделано местным епископом и жителями, чтобы облегчить положение великого страдальца.

Среди крайних лишений и тяжелых немощей св. Иоанн в течение трех лет не уставал писать и трудиться для святой Церкви. Он переписывался со многими епископами Востока и Запада, вел беседы с многочисленными посетителями, которые приходили к нему даже из Константинополя. Это дошло до слуха царицы. И тогда был дан указ сослать Иоанна еще дальше, к самому Черному морю.

После длительного путешествия достигли, наконец, города Коман; тут пришлось остановиться, так как святитель был в крайнем изнеможении. Всем стало ясно, что наступа-

ют последние дни его жизни. Здесь была исполнена последняя просьба св. Иоанна: на него надели белые крещальные одежды. Приняв св. Причастие, он скончался со словами: «Слава Богу за все».

30 лет спустя патриарх Прокл убедил императора Феодосия Младшего перенести в Константинополь св. мощи Иоанна Златоуста. Это было совершено с великим торжеством: император выехал далеко за город навстречу св. останкам; повергшись на землю, он молил святителя простить его родителей за причиненные ему страдания. Весь залив Константинопольский покрылся бесчисленными лодками — народ с благоговейной радостью встречал останки великого учителя Церкви.

«Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царство Небесное».

Чудо
СВЯТЫХ МУЧЕНИКОВ
Гурия, Самона и Авива

Память их — 15/28 ноября

первые три века по Р. Х. время от времени вспыхивали страшные гонения на христиан. Десятое из них, которое было и последним, длилось дольше других и было весьма жестоким. Кровь христианская лилась как на востоке, так и на западе Римской импе-

рии. Как беспощадно проливалась невинная кровь мучеников, можно видеть из того, что в Египте за один месяц было убито 17 тысяч христиан; в Никомидии (Малая Азия) в праздник Рождества Христова сожжено 20000 верующих; во Фригии (Малая Азия) целый город, населенный христианами, был предан огню; в Киликии (тоже Малая Азия) св. Андрей Стратилат и с ним 2593 воина приняли смерть за веру во Христа; в Сирии был предан смерти целый полк воинов вместе с их начальником св. Маврикием.

В это же десятое гонение пострадали св. мученики Гурий, Самон и Авив. Святым Гурию и Самону после долгих и страшных мучений были отсечены головы, а через несколько лет в тот же день — 15 ноября — диакон Авив был сожжен на костре. Все они пострадали в сирийском городе Эдессе. Когда прекратилось гонение и было объявлено императором Константином Великим, что отныне христиане могут свободно исповедовать свою веру и строить храмы, — эдесские христиане соорудили церковь во имя мучеников Гурия, Самона и Авива

и в ней положили в одном ковчеге святые мощи их. Здесь много чудес совершилось по молитвам св. мучеников; об одном из них, самом удивительном, мы и расскажем сейчас.

Эдесса лежала далеко на востоке Греческой империи — тотчас за рекой Евфратом, и часто подвергалась набегам диких племен. Случилось однажды, что на эту окраину Греческой империи напали варвары и подступили к самой Эдессе. Но город был окружен стенами и защищался долгое время, пока не подошли посланные императором войска. В числе греческих воинов был один, родом гот, которому назначено было жить в доме одной вдовы по имени София. Единственным утешением этой одинокой женщины была ее дочь Евфимия, девица прекрасная лицом и благонравная. Жила Евфимия, по восточному обычаю, на женской половине дома и никогда не показывалась на улице с открытым лицом, так что воин, живший у них долгое время, и не знал, что у его хозяйки есть дочь. Но вот как-то случайно Евфимия попалась ему на глаза. Понравилась ему девушка, и

стал он добиваться руки ее. София и слышать не хотела об этом. Выдать свою любимую, единственную дочь за случайного человека, который сегодня — здесь, а завтра будет послан в далекую страну, ей казалось большим несчастьем. Отдать свое детище чужому, неизвестному человеку и, может быть, больше никогда не видеть милого, родного лица — это было не по силам одинокой женщине. И София наотрез отказала готу.

Воин разгневался. «Если ты не выдашь за меня дочери, — сказал он Софии, — то я не уйду отсюда без того, чтобы не наделать вам беды». Но потом, видя, что угрозами ничего не достигнешь, гот стал и ласками, и подарками, и просьбами, и клятвами склонять женщин согласиться на его предложение.

— Ты увидишь, — говорил он матери, — как будет счастлива со мной твоя дочь! Я ее озолочу, все мои богатства отдам ей, она станет полной хозяйкой в моем доме.

И угрозами, и льстивыми обещаниями готу удалось довести бедную вдову до того, что она согласилась отдать за него свою Евфимию.

Гот с женой двинулись в дальнюю дорогу.

Но материнское сердце чуяло беду. И поэтому София в своей скорби взмолилась к Богу:

— Ты, Господи, — Отец сирот и Судия вдовиц! Не оставь нас без помощи в эту минуту, когда я решаюсь доверить мою бедную дочь чужестранцу. Тебя избираю свидетелем его клятв и обещаний. Защити мое чадо от беды и напасти!

После свадьбы прошло для Евфимии несколько спокойных и, по-видимому, счастливых месяцев. Она ожидала ребенка. В это время пришел из столицы приказ — войску возвратиться в Царьград. Зять с молодой женой стали готовиться к отъезду, а для Софии началось самое горестное время. Одна мысль об одиночестве приводила ее в ужас. Ей, казалось, легче было умереть, чем отпустить от себя дочь.

В день отъезда безутешная вдова, взяв с собою дочь и зятя, пошла в церковь св. мучеников Гурия, Самона и Авива. Подведя зятя к мощам их, она сказала ему:

— Не отпущу с тобою Евфимии, пока ты не поклянешься именем святых мучеников, что не сделаешь никакого зла моей дочери, но будешь ее любить, беречь и поступать с нею честно.

Наглый гот, положив руку на гробницу мучеников, обещал, что до конца жизни своей будет почитать и любить свою молодую жену. София же, обратясь к святым мученикам, как к живым, воскликнула:

— Вам, святые страдальцы, вручаю мою дочь и чрез вас отдаю ее этому чужеземцу.

Помолившись, они расстались. София пошла домой оплакивать свое одиночество, а гот с женою двинулись в дальнюю дорогу.

Тяжела была Евфимии разлука с матерью; много слез пролила она украдкой от мужа (ей не хотелось, чтобы он подумал, что она больше любит свою мать, нежели его). Но время взяло свое: к концу путешествия она совсем успокоилась, повеселела и даже стала интересоваться всем, что видела вокруг себя.

Вдруг муж резко окрикнул ее и приказал снять все драгоценности и переодеться в самое простое и грубое платье.

— Если хочешь остаться в живых, — сказал он жене, — то забудь, кто ты такая, и не называй себя моей женой, но пленницей. Когда же мы достигнем дома, ты станешь рабою моей

настоящей жены; слушайся ее во всем и молчи про наш брак, а не то — вот этим мечом я убью тебя!

Евфимия, дрожа от страха, слушала угрозы мужа и, даже видя в его руках обнаженный сверкающий меч, не сразу поняла весь ужас своего положения.

— Где же твоя любовь ко мне? — сказала она мужу. — Где твои клятвы? Для тебя я оставила мать, родных моих и родину; любила тебя нелицемерно и верила словам твоим. Теперь ты за все это платишь мне угрозами; вместо мужа становишься мучителем. Завез ты меня сюда на погибель.

Но ни упреки, ни слезы, ни причитания, ни весь горестный вид еще недавно веселой и довольной Евфимии не тронули вероломного гота и не изменили его планов. И что было делать беззащитной женщине в чужой стране, не зная языка?! Даже пожаловаться никому не могла. Одно оставалось — оплакивать свою горькую участь и молиться святым мученикам, у гроба которых ее неверный муж клялся любить ее и не обижать.

Полная тяжелых предчувствий о себе, о своем будущем ребенке, въехала Евфимия во двор гота, и сразу же начались для нее нравственные пытки и унижения. Первый вопрос жены гота был:

– Что это за девица и откуда ты привел ее?

– Это пленница, — отвечал он, — я тебе дарю ее как рабу.

– Но она непохожа на рабу; прекрасное лицо ее показывает, что она не раба, а свободная, — продолжала госпожа.

– Да, точно, — отвечал муж, — в Эдессе она была свободная, а теперь будет твоей рабой.

Евфимия, слыша эти речи, не переставала взывать к св. мученикам:

– Святые мученики, помогите мне в беде моей, пожалейте меня, избавьте меня от злого насилия!

Пришлось ей исполнять все грязные и тяжелые работы по дому. Госпожа как будто задалась целью сжить ее со света и заставляла работать сверх сил с утра до поздней ночи.

Ни покоя, ни отдыха, ни утешения не было для бедной Евфимии.

Наконец пришло время родиться ребенку. В Евангелии сказано, что когда жена родит младенца, то уже не помнит скорби от радости; но для Евфимии рождение сына принесло лишь новую скорбь. Ревнивая госпожа, видя, как младенец похож на ее мужа, решила отравить его. И однажды, когда Евфимии не было дома, напоила ребенка смертным зельем.

Одна беда шла за другой, и у несчастной молодой женщины уже терялся рассудок: она не знала, что делать в ее положении. Злое чувство подсказывало ей, что госпожа виновата в смерти ее младенца. И, чтобы проверить свое подозрение, Евфимия собрала на тряпочку пену со рта умершего.

— Несомненно, это ее рук дело, — говорила Евфимия. — Сколько незаслуженных обид я приняла, сколько проклятий я выслушала от нее! Сколько раз она грозила извести нас обоих!

Спустя несколько дней пришлось Евфимии подавать к столу питье. Она тайком омочила тряпочку с пеной в чашу госпожи своей.

И та в ту же ночь умерла. На пышные похороны, которые устроил гот, собрались все его родные и знакомые. Длились поминки несколько дней, и, конечно, как всегда это бывает, только и было разговору, что об усопшей и о причинах ее внезапной смерти.

— Это — дело рук твоей пленницы, — говорили соседи готу. — Мы же знаем, что она с госпожой никогда не ладила. А тут еще ребенок умер. Не иначе как она и отравила твою жену.

Все были уверены в виновности Евфимии и решили, не обращаясь к судье, поступить с нею по тогдашнему варварскому обычаю — похоронить ее живую в одной гробнице с умершей. Открыли склеп, бросили туда несчастную Евфимию и снова закрыли, привалив большой камень.

Ужас охватывает сердце при одной мысли, что живой человек заперт в темном, тесном и смрадном месте, рядом с разлагающимся трупом.

Евфимия, обреченная на неизбежную гибель, обратилась всем сердцем к Богу и молилась Ему из глубины души:

– Господи Боже сил! Ты видишь горесть сердца моего и бедственное мое положение в этом смрадном склепе. Ты знаешь, что именем Твоим клялся вероломный гот не делать мне никакого зла. Помилуй меня, Боже мой, ради святых мучеников Гурия, Самона и Ави-ва, поручительству которых доверила мою судьбу бедная моя мать!

Вдруг гробница, вместо тьмы и смрада, наполнилась светом и благоуханием. Святые мученики явились ей с радостной вестью:

– Не бойся, — сказали они ей, — ты скоро будешь спасена!

Евфимия с благоговением взирала на святых, сердце ее трепетно билось. И в чувстве великой радости она задремала.

Пробудившись, слышит церковное пение и снова видит пред собой святых мучеников.

– Радуйся, Евфимия, — сказали они ей. — Мы исполнили наше обещание: иди с миром к матери твоей!

Евфимия с изумлением смотрит вокруг себя, видит стены храма, знакомые иконы, горящие свечи, слышит пение. Так она уже

не в мрачном склепе, а у себя в Эдессе, в церкви своих поручителей! Со слезами радости припала она к мощам св. мучеников и восторженными восклицаниями выражала свою благодарность. Подошедшему пресвитеру она подробно рассказала свою ужасную и чудную повесть. Тотчас же послали за Софией. Не было границ радости обеих женщин. Бросившись друг другу в объятия, они долго рыдали и не могли промолвить ни одного слова.

Немного успокоившись, София спросила: «Как ты очутилась здесь, дочь моя, и почему на тебе такое бедное и жалкое платье?»

Евфимия рассказала снова о всех своих несчастиях и о внезапной помощи, оказанной ей св. мучениками. При этом рассказе сердце Софии таяло от жалости, и все слушавшие удивлялись и прославляли Бога и Его святых угодников Гурия, Самона и Авива.

Припав к гробнице святых мучеников, мать и дочь пробыли тут целый день в благодарных молитвах и только поздно вечером оставили церковь и возвратились к себе,

хваля Бога и рассказывая всем, как Господь явил на них Свою великую милость.

Но здесь история не кончается. Нам еще нужно поведать о том, как Господь наказал гота за клятвопреступление и за смерть жены и ребенка.

Спустя несколько лет персы напали на восточную окраину Греческой империи. Из Царьграда было послано войско, в котором находился и известный нам воин гот. Будучи уверен, что теща его София ничего не знает о судьбе своей дочери, он зашел к ней, думая передать привет от Евфимии. София приняла его спокойно и стала расспрашивать о дочери, о внуке, о путешествии, не было ли оно слишком трудно для молодой женщины, ожидавшей ребенка.

— Молитвами твоими Господь помог нам доехать до дому; дочь твоя здорова, и мы имеем мальчика, который начал уже говорить. Если бы поход не был назначен так внезапно, —

продолжал гот, — то Евфимия и сама бы приехала сюда, чтобы порадовать тебя внуком.

София едва могла дождаться конца фразы: сердце ее кипело гневом на лжеца и клятвопреступника.

— Обманщик и убийца, — воскликнула она, — как ты можешь так нагло лгать? Как у тебя поворачивается язык говорить о моей дочери и внуке? Внук погиб через тебя, а дочь, если бы не помощь Божия, тоже была бы на том свете!

В это время вошла в дом Евфимия.

— Ты знаешь, кто эта женщина? — спросила София. Не дожидаясь ответа, она выбежала на улицу и стала сзывать народ. Гот, видя Евфимию, не верил своим глазам. От неожиданности он как бы окаменел и не двигался с места. Его тотчас же схватили и посадили под стражу. Местному епископу было дано подробное описание всего случившегося, и он представил его военачальнику греческого войска. Воевода немедленно вызвал к себе обеих женщин и велел привести преступного воина.

— Правда ли то, что здесь про тебя написано? — спросил воевода.

— Все правда, — без запираательства ответил гот.

— Несчастный! — воскликнул воевода. — Как ты не побоялся Бога? Как ты дерзнул произнести ложные клятвы? Как ты не пожалел девицы, оказавшей тебе и доверие, и любовь? За все это ты примешь должное воздаяние.

Как ни упрашивали воеводу оказать милость воину-преступнику, он остался непреклонен.

— Если мои воины, — сказал он, — будут позволять себе такие вещи, то мое войско будет уже не христолюбивым воинством; а бандой разбойников.

И гот был казнен.

Сбылись на нем слова псалма: «Мужие кровей и лъсти не преполовят дней своих» (Пс. 54, 24), т. е. люди кровожадные и лживые не доживут до половины дней своих.

Святой благоверный князь Александр Невский

*Кончина его – 23 ноября/6 декабря;
перенесение мощей – 30 августа/12 сентября*

авноапостольного князя Владимира народ называл «Красным солнышком» за его доброту, за привет, за ласку. Точно таким же «солнышком» был для народа и князь Александр Невский, который жил спустя 200 лет после святого князя Владимира.

Русская земля в то время управлялась князьями. Князья находились в разных городах. Тот князь, что княжил в Суздале, назывался Великим. Отец Александра Невского Ярослав княжил сначала в Великом Новгороде, а когда сделался Великим князем Суздальским, то новгородцы попросили себе князем сына его Александра; Александр стал княжить в Новгороде, имея всего лишь 15 лет от роду.

Нелегко было управлять вольнолюбивыми новгородцами, а еще труднее было защищать новгородские земли от соседей-врагов. Но князь Александр преодолел эти трудности. Народ он расположил к себе своей добротой, своими милостями. Он был заступником сирот и вдовиц, помощником беспомощных, он был щедр без меры, так что никто не уходил с княжеского двора, не получив просимого. Отличался кн. Александр умом и другими доблестями, и за все это любили его новгородцы, и слава о нем гремела далеко по Руси. По свидетельству летописей, в целой России не было области, которая не хотела бы иметь его своим князем.

Соседями у Новгорода были шведы и немцы. Они часто нападали на новгородские земли, уводили жителей в плен, угоняли скот, увозили добро. Они старались и совсем завладеть новгородскими землями и крестить всех в свою веру, так что с войском всегда ехали священники и епископы, готовые в покоренных землях насаждать латинскую веру (католичество). От этих вторжений новгородцам нужно было защищаться. Юный князь Александр, едва отпраздновав свадьбу, спешит на западную границу новгородских земель и строит там укрепления, в то же время он собирает удалую дружину отважных бойцов.

Вот по Новгороду разнесся слух, что на Неве появились шведы. Их король собрал великую силу войска и, наполнив много кораблей, прислал их на Русь. Командовал шведами Биргер. Остановившись на Неве, он послал сказать кн. Александру: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться. Я уже здесь и пленю твою землю». Услыхав эти слова, князь Александр разгорелся сердцем. Придя в церковь святой Софии, он пал на колени

и молился со слезами, прося у Бога помощи. Выйдя затем к своей дружине, он воскликнул: «Братья! Не в силе Бог, а в правде... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог!»

Настроение всех быстро изменилось. Святое одушевление князя передалось народу и войску. У всех явилась уверенность, что Бог не оставит Своею помощью благочестивого князя.

А враги тем временем, не ожидая отпора, бросили якоря и предались отдыху.

Князь Александр, не имея большого войска, употребил все меры, чтобы как можно неожиданнее ударить на врагов. Впереди своего войска он выставил сторожевые дозоры. Один из начальников такого дозора Пелгусий, высмотрев расположение шведов, сообщил свои сведения кн. Александру и еще открыл ему о своем видении.

— Всю ночь провел я без сна, наблюдая за врагами, — говорил Пелгусий. — На восходе солнца я услышал шум и увидел на воде лодку с гребцами. Посреди лодки стояли святые мученики князя Борис и Глеб, и Борис сказал: «Брате Глебе, вели грести, да поможем срод-

**Юный князь Александр ворвался в гуцу вражеского войска
и ранил в лицо предводителя шведов Биргера.**

нику нашему Александру Ярославичу!» Объятый ужасом, я стоял, пока лодка не скрылась из глаз.

Радостно забилося сердце кн. Александра при этом рассказе, но он велел никому не говорить об этом.

Занималось утро 15 июля 1240 года. Туман с восходом солнца понемногу рассеялся, наступил яркий и знойный день. Шведы ничего не подозревали; их лодки лениво покачивались на волнах, привязанные бечевами к берегу. По всему побережью белели многочисленные шатры, и среди всех высоко поднимался златоверхий шатер самого Биргера. Прежде чем враги успели опомниться, русские ударили на них. Битва была жаркая. Шведы отчаянно сопротивлялись, но не могли противостоять русскому натиску.

Юный князь понесся впереди всех, врубился в середину врагов и ранил в лицо самого Биргера, «возложил ему печать на лицо», — как говорит летописец.

Из дружинников князя храбро бился один, именем Гаврило Олексич. Он бросился

с лошадыю в реку, наехал на лодку и, видя, что несут раненого королевича, въехал до самого корабля по доске, а когда, оттолкнув лодку, сбросили его в воду вместе с конем, то он снова бросился к кораблю и вступил в бой с самим воеводой и так крепко бился, что убил воеводу и епископа.

Другой новгородец с одним только топором въезжал в самые густые полчища неприятелей и так бесстрашно поражал их, что все дивились его силе и храбрости.

К ночи битва стихла. Шведы, собрав своих раненых, сели в корабли и бежали восвояси.

Победа русских была столь неожиданна и решительна, что они не осмеливались приписать ее своей храбрости, а объяснили помощью Божией. Притом и потери новгородцев были очень малы — всего лишь 20 человек. Со славой вернулся кн. Александр в Новгород и был встречен народом с ликованием. За эту победу его прозвали «Невским».

Немедленно после победы над шведами кн. Александру Невскому пришлось бороться с другими, еще более опасными врагами — немцами. Немцы уже давно нападали на русскую землю, а на этот раз они захватили многие русские города и посадили в них своих начальников. Они взяли Псков и уже были в 30-ти верстах от Новгорода. Не стало житья ни крестьянину в деревне, ни торговцу в городе. Немцы хватали купцов, отнимали товары, опустошали поля, забирали скот, так что не на чем уже было крестьянину пахать землю. «Вопль и стоны раздавались по всей земле», — пишет летописец. А немцы еще и похвалялись, говоря: «Пойдем, унизим славянский народ!»

Тогда кн. Александр выступил против них.

Действуя так же быстро, как и в войне со шведами, он освободил Псков, устремился в немецкую землю, пожег ее и многих немцев побил. Тогда немцы собрали большую рать и решили покончить с Новгородским князем. Они говорили: «Пойдем, погубим великого князя русского Александра, возьмем его живым в плен!» Когда они приближались, стража князя

Александра изумилась, увидев силу немецкую. Большую часть немецкого войска составляли рыцари, закованные с головы до ног в железо. Русские звали их «железными людьми».

Князь Александр, помолившись в храме Святой Троицы и приняв благословение, выступил навстречу врагам. Время было зимнее. Немцы шли по льду Чудского озера по направлению к Пскову. Александр Невский ждал их на берегу, наблюдая с высокой скалы за движением немецкой рати. Много дум пронеслось у него за это недолгое время. Перед собой он видел врагов, с которыми не искал войны: он вышел только для защиты русской земли и православной веры. Охваченный этим чувством, он воскликнул: «Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!»

А впереди несокрушимой стеной двигались «железные люди».

И сошлись оба войска. Началась великая и злая сеча. Поднялся невообразимый шум от частых ударов мечей, от треска ломавшихся копий, от воплей сраженных. Не было видно льда: все было залито кровью. Во многих ме-

стах лед не выдерживал тяжести войска и проламывался. «Железные люди» гибли в воде. Уже множество рыцарей пало под ударами топоров и мечей русских, но еще не видно было, кто возьмет верх. В это время князь Александр с отборной дружиной ударил на немцев с той стороны, откуда они не ожидали. Дрогнули рыцари и побежали. Русские гнали их на протяжении семи верст. Многих побили и многих захватили в плен.

После столь славной победы кн. Александр вернулся в Псков. Весь народ в праздничных нарядах вышел встречать победителя. Вот он едет на коне, а близ него 50 знатнейших пленных, дальше — русские полки-победители и множество простых пленных. Радость у всех была необычайная, и громкие радостные клики долго раздавались в воздухе.

Весть о разгроме рыцарей быстро разнеслась по немецкой земле. Они со дня на день ожидали кн. Александра под стенами своей столицы и даже просили помощи против русских у короля Датского. Но князь Александр и не думал нападать на них. Ему достаточно

было и того, что он навел страх на врагов и заставил уважать русское имя. Через некоторое время немцы заключили с новгородцами мир. «Так печально окончилось предприятие ордена против русских, — с грустью восклицает один немецкий историк, — храбрый Александр принудил рыцарей к миру».

С тех пор имя князя Александра Ярославича стало славным по всем странам, даже до Рима великого.

Около того времени усилились литовцы и начали «пакостить» в областях кн. Александра. Едва получив известие о набеге литовцев, он с небольшим войском выступил им навстречу. А литовцы уже успели разграбить несколько русских городов и с большой добычей пытались уйти к себе. Князь Александр догнал их и побил так, что даже быстрые кони не могли никого спасти от смерти. После такого разгрома литовцы в течение нескольких лет не осмеливались подходить и близко к русским пределам.

Итак, в продолжение пяти лет кн. Александр Невский разбил шведов, немцев и литовцев. Этими победами он прославил рус-

ское имя и дал возможность русским людям заниматься мирным трудом.

Но вот стряслась над Русью новая беда. Из азиатских степей хлынула татарская орда. С огнем и мечом прошли татары по русской земле. Не было никаких сил остановить это нашествие. Русские князья выходили со своими дружинами против них, но не могли устоять: татар было слишком много. Много князей погибло в жестоких сечах, много русских воинов легло костьми на бранном поле, еще больше погибло мирных жителей от рук татар. Немного городов уцелело от этого нашествия. Русская земля плакала горячими слезами под игом татарским.

В числе городов, уцелевших от татарского погрома, был Великий Новгород. Во время своего опустошительного похода татары не дошли до него каких-нибудь сто верст и повернули назад. Они осели на низовьях Волги. Туда русские князья должны были ездить с поклонами и подарками. Хотя Новгород не был покорен татарами, но пришлось и кн. Александру ехать к татарскому хану. Хан Батый прислал

сказать ему: «Бог покорил мне многие народы — ты ли один не хочешь покориться державе моей? Если хочешь невредимой сохранить свою землю, приди ко мне и увидишь честь и славу царства моего».

Пришлось ехать. Невскому герою, ни разу не побежденному в бою, пришлось оказать покорность азиатскому владыке. Это было необходимо для спасения новгородской земли от разорения. Герой Ледового побоища смирил себя и, благословившись у митрополита Кирилла, поехал в ханскую ставку.

У Батыев был обычай: приезжавших не сразу допускали к хану, но отправляли к волхвам, чтобы пройти сквозь огонь и поклониться идолам. Александру Невскому тоже предстояло исполнить эти обряды, но благочестивый князь наотрез отказался подчиниться требованию волхвов. Не побоявшись смерти, он бестрепетно ответил татарским властям: «Я — христианин, и мне не подобает кланяться твари». — «Смерть, смерть ему!» — завопили волхвы. Приближенные отправились к Батью известить о поступке кн. Александра. Все были

уверены, что хан предаст Александра злой смерти. Но, к общему удивлению, Батый приказал не принуждать князя к исполнению обрядов, а скорее привести к нему. Князь Александр вошел в ханскую палатку и, преклонив колена, произнес: «Царь, я поклоняюсь тебе, потому что Бог почтил тебя царством, но бездушной твари кланяться не стану». Батый несколько минут молча любовался мужественно-прекрасной фигурой кн. Александра и, наконец, сказал окружающим: «Правду говорили мне, что нет князя, равного этому».

«И почтил его хан многими дарами и отпустил в Русь с великой честью», — так заканчивает современник-летописец свой рассказ о путешествии кн. Александра к Батюю.

Около этого времени (в 1248 году) папа Римский Иннокентий IV прислал двух кардиналов к кн. Александру. Они были приняты с честью, папская грамота, убеждавшая князя Александра вступить в единение с Римской церковью и оказать послушание ее первосвященнику, была прочитана, и, хотя в ней обещалась папская помощь в борьбе с татарами, что

в то время было очень заманчиво, Александр Невский отверг папские предложения. Он сказал кратко, но твердо: «Сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем». И посольство должно было возвратиться в Рим ни с чем.

Сделавшись Великим князем, св. Александр все силы свои отдает на служение русской земле. Только что был набег одного татарского хана. Повсюду виднелись печальные следы опустошения: от городов и сел остались обугленные головешки, церкви были разграблены, люди разбежались по лесам. Великий князь спешит восстановить и украсить храмы, обстроить города, собрать уцелевших жителей. Для этого он не жалел своей казны: все отдает бедному люду, лишь бы поставить его на ноги. Бояр своих он уговаривает не обижать простых людей, судить их по правде, не требовать с них лишнего.

Тяжело жилось в то время русскому человеку; с трудом оправляясь от татарского погрома, он должен был еще и дань платить тем же татарам. Хорошо еще, когда сборщики были милостивы, не требовали многого и в случае, если нечем было платить, соглашались

обождать. Но было часто и так, что татары ходили по селам, забирали должников и беспощадно били их палками, допытываясь, не спрятали ли они своего имущества. Вот как говорится в одной народной песне о том, как лютые хищники собирали дань.

*Брали дани, невыходы,
Царски невыплаты
С князей по сту рублей,
С бояр — по пятидесяти.
У кого денег нет,
У того дитя возьмут.
У кого дитяти нет,
У того жену возьмут.
У кого жены-то нет,
Того самого головою возьмут.*

Когда притеснения становились уж очень невыносимы, когда не хватало сил терпеть насилие поганых, поднимался народ, избивал своих притеснителей и прогонял сборщиков. Случилось это и при кн. Александре.

Какой-то монах, в угоду одному сборщику-мусульманину, отрекся от Христа и начал ругаться над своей прежней верой. Народ не мог стерпеть его скверных речей и убил вероотступника. Это было сигналом к тому, что по всем городам суздальской и ростовской земли загудели колокола, призывая народ бить татар. Духовенство и князья убеждали народ образумиться, не навлекать ханского гнева, но их никто не слушал. Русскому человеку вспомнились все притеснения и насилия татар, он взял топор и вилы и решил отомстить своим обидчикам. Он даже не думал о том, что ему же от этого будет хуже. Узнает хан, что его людей избили, пошлет на Русь свои полчища и вновь разорит и пожжет все.

Так и вышло. Хан, узнав о восстании на Руси, страшно разгневался и решил жестоко наказать русских. До 300 тысяч войска готовы были броситься на Русь, чтобы вконец разорить ее. Но в это время Великий князь Александр приехал в ханскую ставку. Он бросил все свои дела и прибыл к хану только для

того, чтобы вымолить прощение своему народу, «отмолить люди своя от беды».

Ехать к хану, когда тот пылал яростью, значило самому идти на смерть. Александр Невский и решился собою пожертвовать, но спасти Русь от разорения. Больше года пробыл он в Орде, умоляя хана простить бессмысленный народ. Много пришлось испытать и горестей, и унижений, много подарков пришлось раздать приближенным хана, чтобы они склонили его на милость. Труд Александра не был напрасен. Хан простил русских.

С этой радостной вестью поспешил Великий князь на Русь. Но ему не суждено было увидеть свой родной город. На пути он так ослабел, что не мог продолжать путешествия и должен был остановиться в Городце. Чувствуя приближение смерти, Великий князь позвал к себе всех бояр и простых людей и начал трогательно прощаться, давая последние распоряжения и слабеющим голосом прося у всех прощения. Горькое то было зрелище общего неудержимого плача и рыданий «о поборнике всей земли русской,

предстателе бояр, питателе убогих, отце вдов и сирот и заступнике Церкви».

В последнюю минуту князь Александр причастился Св. Христовых Тайн и тихо скончался.

Ночь на дворе и мороз.

Месяц — два радужных светлых венца вокруг него...

По небу словно идет торжество;

В келье ж игуменской зрелище скорби и слез.

Тихо лампада пред образом Спаса горит;

Тихо игумен пред ним на молитве стоит;

Тихо бояре стоят по углам,

Тих и недвижим лежит головой к образам

Князь Александр, черной схимой покрыт.

Страшного часа все ждут: нет надежды, уж нет!

Слышится в келье порой лишь болящего бред...

Тихо лампада пред образом Спаса горит...

Князь неподвижен лежит...

Словно как свет над его просиял головой —

Чудной лицо озарилось красой.

Тихо игумен к нему подошел и дрожащей рукой

Сердце ошупал его и чело —

И, зарыдав, возгласил: наше солнце зашло!

(А. Н. Майков.)

Когда митрополиту Кириллу, совершавшему литургию, сказали о смерти Великого князя, он воскликнул, обратившись к народу: «Чада мои милые! Закатилось солнце земли русской!» В ответ на это иереи, и диаконы, и черноризцы, нищие, и богатые, и весь народ воскликнули: «Погибаем!» Такую надежду имели все на Великого князя, и такое отчаяние явилось у народа при вести о смерти его!

Когда тело св. князя везли во Владимир, народ за 10 верст вышел навстречу и во время отпевания плакал навзрыд. Но все утешились тем, что Господь тут же явил святость усопшего князя. Когда митрополит стал класть разрешительную грамоту, Великий князь, как живой, протянул руку и взял ее.

Спустя 117 лет со дня кончины были открыты нетленные мощи кн. Александра, и тогда же стали совершаться многие чудеса над болящими. При Петре Великом св. мощи были перенесены из Владимира в Петербург.

Святая великомученица Екатерина

День памяти – 24 ноября/7 декабря

ного столетий тому назад в городе Александрии (в Египте) жила девушка по имени Екатерина. Она была единственной дочерью знатных родителей, людей царского рода. Родители очень любили и баловали ее, научили всем наукам, доступным в то время. Выросла Екатерина необыкновенно красивой,

умной и образованной. Слава о ней разнеслась далеко за пределы Александрии. Отовсюду приезжали богатые, умные и красивые юноши и хотели жениться на ней. Но Екатерина была очень горда и говорила:

— Если хотите, чтобы я вышла замуж, найдите мне такого жениха, который был бы мне равен в благородстве, богатстве и уме!

Но такого человека не находилось.

Недалеко от Александрии жил пустынный. Дни его проходили в молитве и размышлениях о Боге. Это был человек светлого ума и праведной жизни. Много людей ходило к нему искать совета и помощи в трудные моменты жизни. И мать Екатерины бывала у него: она была тайной христианкой, в то время как большая часть жителей Александрии были язычниками. И вот пришло ей на ум повести к пустыннику свою дочь. Она очень огорчалась поведением Екатерины и не знала, что с ней делать. Пустынный поговорил с Екатериной и увидел, что действительно она и хороша собой, и очень умна. Он решил обратиться к Богу. Зная, что Екатерина очень горда, пустынный сказал ей:

— Ты в самом деле прекрасна, и ум твой светел и глубок; слышал я и о твоих богатствах. Но я знаю одного чудного Человека, Который превосходит тебя во всем: красота Его — светлее солнечного сияния; мудрость Его управляет всем миром; Он так богат, что раздает Свое богатство все время и от этого не становится беднее; благородство Его — неизреченно, и нет Ему подобного! Кроме того, у Него есть еще такие совершенства, которые даже выразить невозможно!

Екатерина слушала пустытника с большим вниманием. Когда он кончил, она спросила его: «Кто этот чудный Человек и могу ли я видеть Его?» Старец дал ей икону Божией Матери с Младенцем и сказал, что она увидит Этого Человека, если исполнит его повеление.

— Тут изображена Мать Его, — сказал пустытник. — Возьми эту икону к себе и молись пред ней всю ночь — тогда исполнится твое желание.

Екатерина сделала так, как сказал ей старец. Во время молитвы она, утомленная, за-

снула. И вот видит она во сне Божию Матерь с Младенцем. От Младенца исходят как бы солнечные лучи. Но Он все отворачивается и не хочет на нее смотреть. Божия Матерь уговаривает Сына посмотреть на Екатерину и хвалит ее красоту и ум, а Он отвечает, что она безобразна и убога и Он не хочет видеть ее. В слезах проснулась Екатерина и пошла к старцу, упала ему в ноги и умоляла объяснить ее сон. Старец сказал, что Христос не хочет знать гордых и самолюбивых, что Ему приятны кроткие и смиренные. Тут же старец открыл ей всю красоту Христова учения и радость, которую дает Господь любящим Его. Екатерина горячо поверила в Бога. Просветленная, она пошла домой и стала крепко молиться. Устала молиться — и заснула. И вот опять она видит во сне Божию Матерь с Младенцем. Христос, сияющий и радостный, обернулся к ней и сказал:

— Теперь она так же богата и премудра, как была бедна и неразумна раньше; она — невеста Моя вечная и нетленная — и дал Он ей прекрасное кольцо.

Екатерина проснулась с необычайной радостью на душе; на руке своей она увидела кольцо и поняла, что это был не пустой обыкновенный сон. С тех пор она уже не думала о земных вещах и была полна любви ко Христу.

В то время прибыл в Александрию злой царь — гонитель христиан. Он велел всему народу придти в храм, поклониться идолам и принести им жертвы. Пришла и Екатерина. Без всякого страха она подошла к царю и сказала:

— Не стыдно ли тебе оказывать честь мерзким идолам, когда есть один истинный Бог!

Царь был поражен ее красотой и смелостью. Он подозвал ее к себе и спросил, кто она и откуда родом.

— Зовут меня Екатериной, — ответила девушка, — я дочь князя, который царствовал до тебя. Я изучила всю премудрость человеческую, поняла всю пустоту земных учений и стала невестой Христовой. Сама я — земля и пепел, но Бог одарил меня красотой и муд-

ростью, чтобы люди увидели Его силу и величие. А твои идолы — ничтожны и ложны!

Удивился царь ее речам и ответил:

— Не подобает царю вступать в спор с женщиной. Я позову мудрейших и ученейших людей, и они тебе докажут, что ты не права.

Так он и сделал. Съехалось в Александрию 50 самых ученых мудрецов, и много народу пришло послушать этот спор. С удивлением все слушали мудрые и ясные ответы и возражения Екатерины. Ученые были побеждены в споре, признали ее правоту и обратились ко Христу. Царь страшно разгневался и велел заключить Екатерину в тюрьму и мучить ее там, а всех мудрецов — казнить. В тюрьму он послал сказать, что помилует Екатерину и даст ей несметные богатства, если она отречется от Христа и выйдет за него замуж. Но Екатерина не соблазнилась этим и все время молилась. Долго пробыла Екатерина в заключении, и чудные видения укрепляли ее. Однажды она увидела Христа, окруженного ангелами, и Он сказал ей: «Не бойся — Я всегда с тобой! Терпением твоим ты многих обратишь ко Мне!»

И правда, все воины, которые сторожили ее, обратились ко Христу. Она говорила им, что никакие слова не могут выразить той радости, которую дает Христос любящим Его.

Вот, наконец, вывели ее на страшные мучения, но орудия пыток вдруг сокрушились — и Екатерина осталась невредима. Гневу царя не было предела. В особенности, когда сама царица, слушая Екатерину, стала христианкой. Тогда царь решил казнить Екатерину.

Когда вели ее на казнь, все шли за ней со слезами. А она утешала их и говорила:

— Не плачьте! Для меня радость, что иду я ко Христу и навсегда останусь у Него.

Перед смертью она молилась так: «Господи, благодарю Тебя, что Ты укрепил меня в терпении и указал путь к вечной жизни!»

Так всю свою мудрость, красоту и образование отдала святая Екатерина на служение Христу. Много народу, видя ее пример, стали христианами и тоже были замучены. О них не надо плакать. Память об их страданиях за Христа, наоборот, должна нас радовать.

Кровь святых мучеников — это радость Церкви. Радость, что были люди (да и теперь они есть в России), для которых любовь ко Христу дороже жизни.

«Честна пред Господем смерть преподобных Его» (Пс. 115, 6).

Житие
святого праведного
Филарета Милостивого

Память его — 1/14 декабря

ного лет тому назад, когда Греческой империей правила благочестивая царица Ирина (конец 8-го века), в одной из малоазиатских провинций жил благородный муж, именем Филарет, со своей женой Феозвой. У них было трое детей — один маль-

чик и две девочки. Дом их был «полная чаша»; в хозяйстве — множество скота, обширные и плодородные поля, многочисленные рабы и рабыни. Видя в этом изобилии милость Божию, Филарет часто говорил сам с собою:

— Неужели такое богатство Господь мне дал только для меня и моей семьи? Ведь сколько есть людей бедных: вдов, сирот, больных, у которых ничего нет. Кто их накормит и оденет, если не мы, богатые?

И стал Филарет весьма милостив к нуждающимся, так что все бедные приходили к нему и получали просимое. Даже если какому бедняку был нужен конь, или осел, или что из одежды, то он смело шел к Филарету, зная, что тот не откажет. А когда жена говорила ему, что если так раздавать, то скоро и сам останешься нищим, — святой Филарет отвечал ей словами псалма: «Я был молод и состарился и не видал праведника оставленного и детей его, просящих хлеба» (Пс. 36, 25).

Но вот случилось, что напали на местность, где жил Филарет, мусульмане; опустошили и разорили страну, увели в плен многих

слуг Филарета и почти весь скот его. Не пощадили и бедных людей: тот лишился коня, у этого взяли последнюю корову. Все бросились к Филарету за помощью. И он никому не отказал. Сам из богатого сделался почти бедняком: остались у него пара волов, одна корова, один конь и двое старых слуг, так что и на поле уже некого было послать, а пришлось самому ездить и пахать оставшуюся ниву... Но как один радуется своему богатству, так св. Филарет радовался своей бедности, вспоминая слова Христовы, что трудно богатому войти в Царство Небесное.

Однажды, когда св. Филарет трудился на своем поле, у одного селянина, пахавшего ниву, сдох вол. Горько заплакал мужик.

— Что я теперь буду делать, — сказал он. — Кто мне теперь одолжит вола, чтобы допахать поле? Пошел бы я раньше к Филарету, но теперь и он обнищал. Впрочем, пойду поделюсь с ним моим горем, и мне станет легче.

Когда он рассказал Филарету о своем несчастье, тот сразу же выпряг своего вола, говоря: «Возьми, брат, этого вола; он мне не ну-

Св. Филарет отдает соседу последнего вола.

жен: у меня дома еще есть один». И это было сказано с такой лаской, с такой настойчивостью, что бедняк согласился и, поклонившись Филарету до земли, повел к себе вола. А Филарет, окончив работу, пошел домой. Недалеко от ворот Феозва, увидев мужа с одним волом, спросила: «А другой где?» Тут св. Филарету пришлось покривить душой и сказать: «Вол, наверное, заблудился или его украли, когда я в дневную жару отдыхал». Феозва тотчас же послала сына отыскать вола. И он скоро нашел его в ярме у мужика. Но когда бедный человек рассказал всю историю, как попал к нему вол, то юноше ничего не оставалось делать, как вернуться домой ни с чем. Он не посмел взять вола, которого отдал его отец.

— Горе мне, бедной, с таким мужем! — воскликнула Феозва, узнав от сына историю с волом. — Что мы будем делать, дети мои, когда ваш отец такой бесчеловечный и жестокий человек? Он все раздает, а мы остаемся голодными.

Затем она пошла к Филарету и упрекала его в лени, в беспечности и в излишней за-

боте о других, когда у самого жена и дети нуждаются во всем. Филарет не стал оправдываться, а только сказал: «Жена моя, мы с тобой — христиане. Слушай же, что повелевает Спаситель Своим ученикам! Взгляните на птиц небесных; они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, Отец ваш Небесный питает их. Ужели Он нас не пропитает, которые лучше птиц», — и другими кроткими словами он успокоил и утешил жену свою.

Не прошло и пяти дней, как прибегает к Филарету тот же земледелец в большом смущении и говорит: «Обидел я тебя, взяв твоего вола. Потому и не было мне от него большой пользы: он объелся какой-то травы и пал». Не успел он докончить фразы, как св. Филарет поспешно привел последнего своего вола и умолял взять его: «Я намерен, — говорил он, — отправиться в далекую страну и потому не желаю, чтобы рабочий скот стоял без дела». И селянин удалился с волком, удивляясь необычайному милосердию св. Филарета.

Когда в доме узнали, что и последнюю скотину увели со двора, поднялся плач и вопли.

Феозва сквозь слезы причитала: «И что за мужа дал мне Господь! Это какой-то ненавистник своей семьи. Одну пару волов оставил нам Бог, чтобы нам не умереть с голоду, а он и ту отдал». Дети, видя мать в слезах, подняли плач.

Блаженный Филарет, не будучи в силах вынести этой сцены, и сам заплакал, говоря: «Для чего вы называете меня немилосердным и думаете, что я хочу уморить вас голодом? Нет, с голоду вы не умрете, потому что в одном месте у меня спрятано столько сокровищ, что их и на сто лет нам хватит».

Дети успокоились и все думали, о каких это сокровищах говорит их отец. А св. Филарет не обманывал их, говоря о сокровищах: он предчувствовал сердцем счастье, которое Господь готов был им послать.

Через некоторое время случился голод в той стране. Видя, что в доме нет хлеба, Филарет сел на осла и поехал в далекую сторону к одному своему другу. У этого человека он взял займы шесть мер пшеницы и воротился домой с радостью, что есть теперь чем кормить жену и детей. Когда же он отдыхал по-

сле дальней дороги, пришел к нему бедняк, прося одолжить ему решето пшеницы. И сказал Филарет жене своей: «Дай этому бедняку меру пшеницы!» А она ответила: «Позволь прежде насытиться жене и детям! А лучше — раздели пшеницу так, чтобы никому не было потом обидно: дай одну меру мне, по одной детям и рабыне, а остаток дари, кому хочешь!» Филарет, посмотрев на нее, засмеялся и сказал: «А про меня и забыла? Мне ничего не уделяешь?» На что жена ответила: «Ведь ты — ангел, а не человек; если бы ты нуждался в пище, то не раздавал бы пшеницы, взятой взаймы». Тогда Филарет, насыпав две меры пшеницы, дал их просившему. Жена же сердито сказала ему: «Дай и третью меру, потому что у тебя много еще пшеницы!» И блаженный Филарет, отмерив еще и третью, отпустил бедного человека с миром.

Один из богатых друзей Филарета, услышав о крайней бедности, в которой очутилась эта добродетельная семья, послал ему 40 мер пшеницы. Феозва очень обрадовалась этой милости Божией и сказала Филарету: «Гос-

подин мой, дай мне и детям нашу часть, отдай долги соседям, а со своей частью поступай как хочешь». Филарет поступил так, как посоветовала жена, но свою часть он в два дня раздал убогим.

Видя, что муж ее неисправим, Феозва решила не звать его за общим стол; и стали они кушать тайком от Филарета. Однажды, когда дети с матерью обедали, вошел к ним и Филарет. «Примите меня, дети, — сказал он, — если не как отца, то хотя бы как странника!» Они засмеялись и сказали: «Садись, папа; на столе хоть и скудно, но на твою долю хватит!»

Во время обеда Феозва сказала мужу: «Почему ты до сих пор не показываешь нам сокровища, о котором сказал, что его нам хватит на всю жизнь? Если ты нас не обманываешь, то покажи, где оно спрятано, мы купим всего, и ты по-прежнему будешь обедать с нами». На это Филарет ответил: «Потерпите немного и скоро получите великое богатство!»

В то время царствовала благочестивая Ирина с сыном своим Константином. Когда царевичу пришло время жениться, царица

послала своих вельмож по всему царству искать достойную для своего сына невесту. Случилось этим вельможам быть и в той стране, где жил св. Филарет. Издали они увидели дом его, отличавшийся высотой и благолепием. И хотя им сказали, что в этом доме живут очень бедные люди, к которым нет смысла заходить, но они все же велели предупредить хозяина дома о своем визите.

Филарет принял высоких гостей с радостью и, выйдя навстречу, поклонился им до земли со словами: «Для меня великая честь, что я удостоился таких гостей принять в дом свой». Затем он велел жене приготовить хороший ужин для царских слуг. Но Феозва ответила: «А из чего же приготовить его? Ведь в доме и цыпленка нет! Разве сварить лебеды, да и то без масла, о котором едва помним, какого оно вкуса». Но она еще не кончила своей фразы, как открылись двери и богатые соседи вошли, неся в дар Филарету мясо, и птицу, и вино, и хлеб, чтобы он мог угостить знатных гостей. Из всего этого Феозва приготовила вкусное угощение и накрыла стол в верхней горнице.

Войдя туда, царские послы удивились, видя красивую горницу и большой стол из слоновой кости с золотыми украшениями, весьма искусно сделанный. Прислуживали за столом сын Филарета и внуки его. Царские послы удивились чинному служению их и спросили блаженного Филарета: «Почтенный муж, есть ли у тебя супруга?» Он отвечал: «Есть, а это мои дети и внуки».

Когда вошла Феозва и приветствовала гостей почтительным поклоном, они спросили ее, нет ли у нее дочерей-девиц. Она сказала, что у ее старшей замужней дочери есть три юные дочери и что они находятся у себя, на женской половине дома. Тогда царские послы рассказали, с какой целью они пришли, и просили показать им девиц. Как только послы увидели их, то воскликнули, пораженные красотой внучек Филаретовых: «Благодарим Бога, давшего нам счастье найти то, чего ищем. Несомненно, одна из этих девиц будет супругою царю нашему: прекраснее их мы уже нигде не найдем».

Тотчас же всему семейству блаженного Филарета велено было собираться в путь. В столи-

цу в это время съехалось со всей империи множество девиц, из которых молодой царь должен был выбрать себе невесту. Одну за другой вводили к царице-матери молодых девушек, блиставших молодостью, красотой и великолепиями нарядами. Молодой царь и сановник, ведавший царским двором, любовались ими и каждой задавали несколько вопросов. Когда ввели внучек Филарета, то старшая из них, Мария, более других понравилась и царю, и матери его своим кротким видом и разумными ответами. Ее и выбрал царь себе в жены, а ее сестры в скором времени вышли замуж за богатых и знатных вельмож. Всю семью Филарета оставили в столице и наградили домами и всевозможным добром. Тут и вспомнились слова блаженного Филарета о сокрытом сокровище, которого должно было им хватить на многие годы.

Сделавшись снова богатым, святой Филарет по-прежнему не забывал нищих и убогих и еще больше благодетельствовал им. Часто собирал их у себя в доме, сам прислуживал им за трапезой и отпускал их, дав каждому по золотой

монете. И не было во всем Константинополе такого нищего, который не знал бы про щедрость блаженного Филарета.

Когда же Господь открыл блаженному о близости его кончины, он созвал своих детей и внуков и говорил им: «Дети мои, вы видели, какую я жизнь проводил! Я не жил чужим трудом, но сам зарабатывал свой хлеб. Я не превозносился богатством, дарованным мне от Бога, избегал гордости, но возлюбил смирение. Когда я обнищал, я не скорбел, не хулил Бога, но благодарил Его за то, что Он наказал меня. Потом Господь еще более возвысил меня, но я и тут не превознесся, а богатства, посланные мне Богом, снова я передал руками убогих Небесному Царю. Так живите и вы. Не дорожите мимотекущим богатством, но посылайте его в ту страну, куда я сейчас удаляюсь. Не забывайте успокаивать странников, заступайтесь за вдовиц, помогайте сиротам, навещайте больных и сидящих в темнице, будьте усердны к Церкви, не присваивайте себе чужого, не обижайте никого, не говорите зла, не радуйтесь бедствиям даже врагов, погребайте мерт-

вых и поминайте их в церкви. И меня, недостойного, на молитвах своих поминайте, пока и сами не перейдете в блаженную жизнь».

Потом блаженный Филарет благословил каждого из них и, помолившись, предал дух свой Господу, прожив на земле 90 лет.

Умилительное зрелище представляло погребение угодника Божия: тело святого провожали толпы народа; множество нищих не только из столицы, но и из других городов и селений стекалось на погребение его. Все горько плакали, лишившись столь милостивого благодетеля своего.

Его молитвами да научит и нас Господь жалеть бедных и щедро помогать им, помня святые слова: «Кто милует нищего, тот дает взаймы Самому Богу».

Святая великомученица Варвара

День памяти – 4/17 декабря

В царствование нечестивого Римского царя Максимиана жил на востоке некий человек, благородный, богатый и славный, именем Диоскор, верой язычник. У него была дочь Варвара, которую он хранил, как зеницу ока, так как у него не было других детей. Когда Варвара стала приходить

в возраст, то не было во всей той стране девицы, равной ей по красоте.

Считая, что никто из простых и незнатных людей не достоин видеть великой красоты его дочери, Диоскор построил для нее высокую башню, устроил в башне прекрасные покои и запер в них Варвару, приставив к ней хороших воспитательниц и рабынь, так как мать ее уже умерла.

Живя в высокой башне, девица утешалась, глядя с высоты на горные и дольные создания Божии, на небесную светлость и на земную красоту. Рассматривая небо, солнечное сияние, течение луны и красоту звезд, видя цветущие поля, сады и виноградники, горы и воды, Варвара спросила однажды своих воспитательниц:

— Чья рука создала все это?

И услышала от них:

— Все это создали боги.

Девушка спросила:

— Какие боги?

— Те боги, золотые и серебряные, — отвечали рабыни, — которых почитает твой отец; эти боги создали все, что ты видишь.

Услышав эти слова, девица усомнилась и говорила сама в себе:

— Боги, которым поклоняется мой отец, созданы человеческими руками. Как же эти боги, бездушные идолы, могли создать такую пресветлую высоту небесную и такую красоту земную?!

Однажды, когда Варвара долго смотрела на небо и была охвачена великим желанием узнать, кто виновник всей благолепной красоты небесной, внезапно воссиял в ее сердце свет Божественной благодати. И она сказала в себе:

— Должен быть один такой Бог, Который не создан человеческой рукой, но Сам имеет в Себе бытие и Своею рукою все творит; единый должен быть Тот, Кто простер широту небесную, основал тяготу земную и просвещает свыше всю вселенную лучами солнечными, сиянием лунным и блистанием звезд, землю же украшает деревьями и различными цветами и орошает ее источниками вод. Должен быть один такой Бог, Который все содержит, все устрояет, все оживляет и о всех заботится.

Так юная отроковица познавала Творца чрез Его творения, и сбывались на ней слова псалмопевца Давида: «В творениях рук Твоих поучахся».

Постепенно в ее сердце разгорелся огонь Божественной любви, так что не имела она покоя ни днем, ни ночью, думая лишь об одном и одного только желая, чтобы узнать Бога и Создателя всего.

Когда пришло для Варвары время замужества и многие богатые и знатные юноши, услышав о ее красоте, просили у Диоскора руки его дочери, Диоскор поднялся в башню к Варваре и стал говорить ей о необходимости вступить в брак и обручиться с кем-либо из молодых людей. Целомудренная Варвара при этих словах смутилась и покраснела, не желая не только слышать, но даже и думать о браке, и решительно отказалась от замужества. Когда же отец продолжал настаивать, Варвара сказала:

— Отец мой, если еще будешь говорить об этом и принуждать меня к браку, то я сама себя лишу жизни, а ты потеряешь свою единственную дочь.

Услышав эти слова, Диоскор ужаснулся и ушел от дочери, не смея больше принуждать ее. Он думал, что лучше будет добиться ее согласия на замужество уговорами, нежели принуждением, и надеялся на то, что время заставит ее переменить свои мысли.

Вскоре после этого нужно было ему отправиться в далекое путешествие, и он рассчитывал, что Варвара, соскучившись по нему, охотнее потом подчинится его воле. Поэтому он и воспитательницам приказал не препятствовать ей, когда она захочет сойти с башни и делать, что ей будет угодно. Он думал, что его дочь, встречаясь и беседуя со многими людьми и видя своих сверстниц, выходящих замуж, и сама захочет вступить в брак.

По отъезде Диоскора святая Варвара, получив свободный выход из своего жилища и возможность говорить, с кем пожелает, познакомилась и подружилась с некоторыми христианскими девицами и от них старалась узнать подробнее о Господе Иисусе Христе. Те рассказали ей о Его воплощении от Пречистой Девы Марии, о вольных страданиях, смерти и

воскресении, о будущем суде и вечной муке, ожидающей идолопоклонников, и о нескончаемой радости верных христиан в Царстве Небесном. Услышав все это, Варвара услаждалась сердцем и горела любовью ко Христу и всею душою желала святого крещения.

Случилось в это время одному иерею придти в город, где жила Варвара. Варвара призвала его к себе и научилась от него истинам Христовой веры. Потом, будучи просвещена крещением, еще больше разгорелась Божией любовью и подвизалась в посте и молитве день и ночь, работая Господу своему, Которому обручилась, дав обет блюсти свое девство.

Когда Диоскор вернулся из своего путешествия, он снова начал говорить дочери о замужестве. Но Варвара мужественно заявила отцу, что она — невеста Небесного Жениха, Христа, Которому она себя навеки обручила. Услышав, что дочь его стала христианкой, Диоскор пришел в страшную ярость. В гневе извлек он свой меч и хотел ударить святую Варвару. Варвара бросилась бежать, а Диоскор погнался за ней, как волк за овцой, с об-

наженным мечом в руке. Вдруг высокая каменная гора, как стена, преградила ей путь. Собрав все свои силы и призвав имя Господне, святая дева по уступам скалы поднялась на самый верх ее и спряталась в пещере. Диоскор долго искал ее и, наконец, по указанию одного пастуха, нашел. Как зверь, бросился он на свою добычу, схватил за волосы и стал немилосердно бить. Затем повлек к своему дому, затворил в тесной и темной комнате, приставил стражу и морил свою родную дочь голодом и жаждою.

После того Диоскор пошел к начальнику области Мартиану и рассказал ему все о своей дочери, как она отказывается от богов и верует в распятого Христа; просил подвергнуть ее различным мукам, чтобы склонить к отеческой вере.

Получив обещание начальника, Диоскор вывел святую Варвару из затвора и, передавая в руки правителя, сказал:

— Отрекаюсь от нее, потому что и она отреклась от моих богов. И если не обратится снова к ним и не поклонится им со мною, то

уже не будет мне дочерью, а я не буду ей отцом. Ты же, державный правитель, подвергни ее мучениям, как захочет твоя власть.

Правитель, видя необычайную красоту девицы, пришел от нее в восхищение и начал говорить с нею кротко и ласково, хваля ее красоту и знатность.

— О, прекрасная девица! — говорил он. — Будь милосердна сама к себе и поспеши принести с нами усердную жертву богам, ибо я хочу быть милостивым к тебе и пощадить тебя, жалея предать на муки такую красоту. Но если ты меня не слушаешь и останешься непокорной своему отцу, то узнаешь мою жестокость.

Святая Варвара отвечала:

— Я кланяюсь только моему Богу. Ему одному я приношу мои жертвы-молитвы и сама хочу быть Ему жертвой, ибо Он — один Бог истинный, создавший небо и землю, а ваши боги — ничтожество, и суетна на них надежда ваша.

Когда святая произнесла эти слова, начальник разгневался и повелел обнажить ее, что

было для чистой, целомудренной и святой девицы мучением, не меньшим тягчайших ран.

Затем мучитель велел положить ее на землю и бить крепкими воловьими жилами так долго, что земля обогрилась ее кровью. Ее раны растирали волосяными лоскутьями и острыми черепками усиливали боль. Однако все эти муки не поколебали крепкой веры мученицы, основанной, как на камне, на Христе Господе, ради Которого она с радостью терпела такие страдания.

После этого начальник приказал отвести святую в темницу, пока он не придумает новых лютых мук для нее.

Еле живая от ран, святая Варвара, будучи в темнице, молилась со слезами возлюбленному Жениху, Христу Господу, чтобы не оставлял ее, и говорила, как Давид: «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене, вонми в помощь мою».

И когда она так молилась, воссиял вдруг великий свет, и святая ощутила в сердце своем неизъяснимую радость. Господь, явившись ей, сказал:

— Дерзай, невеста Моя, и не бойся! Я с тобою и храню тебя, взирая на твой подвиг и облегчая твои страдания. Вечная радость ждет тебя в Моем небесном чертоге.

Так утешил Господь Свою возлюбленную невесту Варвару и исцелил ее от ран, так что не осталось даже следа от них на теле ее.

Наутро, когда святая Варвара предстала вновь перед правителем, все увидели, что девица здорова и лицом светла и видом прекраснее своей первой красоты, — и дивились этому. Начальник же сказал ей:

— Видишь, девица, как заботятся о тебе наши боги! Вот ты вчера была жестоко израна, сегодня же они исцелили тебя и дали здоровье лучше прежнего. Будь благодарна им за это, поклонись и принеси жертвы!

Святая ответила:

— Что говоришь ты, начальник! Твои боги, будучи слепыми, немыми и не имеющими никакого чувства, не могут исцелять больных и воскрешать мертвых. Не могли они и меня исцелить. За что же их благодарить? Исцелил меня Иисус Христос, Господь Бог мой, врачу-

ющий всякие болезни и подающий жизнь мертвым. Ему я с благодарением кланяюсь и приношу саму себя в жертву.

Эти слова святой мученицы привели в ярость правителя. Он повелел повесить ее на дереве и строгать ее тело железными крючьями и опалать горящими свечами. Святая Варвара терпела все это с непоколебимым мужеством. Тогда стали бить ее молотом по голове, и не было бы возможным не только юной девице, но и крепчайшему мужу оставаться в живых, если бы не укрепляла святую мученицу сила Христова.

Мучитель, видя, что ничем нельзя победить терпения святой Варвары и заставить поклониться идолам, осудил ее на смерть. Диоскор же, жестокосердый отец Варвары, не только не болел сердцем, видя великие муки своей дочери, но не постыдился стать и ее палачом. Он взял одной рукой дочь, а другой — обнаженный меч и повел ее на место казни, которое было назначено вне города.

Доро́гой святая Варвара молилась Богу:

— Безначальный Боже! Услышь меня, рабу Твою! Услышь и дай благодать Твою всякому человеку, кто будет вспоминать мои страдания. Да не приблизится к нему болезнь внезапная, и смерть нечаянная да не постигнет его.

Когда она так молилась, слышен был голос с неба, обещающий ей исполнить ее просьбу. И мученица пошла на смерть с великой радостью, желая скорее разрешиться от тела и отойти ко Господу.

Достигши назначенного места, агница Христова Варвара преклонила свою святую голову под меч и была усечена руками своего немилосердного отца.

Диоскора же и правителя Мартиана внезапно постигла Божия кара: первого, когда он сходил с горы, а второго — у себя дома убила молния и сожгла так, что даже и праха их не могли найти.

Был же в том городе некий благочестивый муж по имени Галентион. Он взял честные мощи святой великомученицы, внес их в город и похоронил их с подобающей честью.

Потом была построена над ними церковь, и многие чудеса совершались от святых мощей благодатию Отца и Сына и Святого Духа, единого в Троице Бога, Ему же слава вовеки. Аминь.

Житие
преподобного
Иоанна Дамаскина

Память его — 4/17 декабря

одиною святого Иоанна был город Дамаск в Сирии. Отец его занимал высокое место у правителя Дамаска и достиг большого благополучия. Вместе с женою они отличались благочестием и преданностью православной вере. Когда Иоанн начал

подрастать, отец его много сил и средств потратил, чтобы дать ему наилучшее образование. Сам Господь помог в этом: послал ему мудрого и многознающего старца-инока по имени Косма.

Сей инок знал философию греческих мудрецов Аристотеля и Платона, изучил геометрию и астрономию, постиг искусство музыки, был силен в диалектике, знал в совершенстве христианское богословие. Несколько лет провел Иоанн в ученье у старца Космы; все изучил, все науки прошел с таким успехом, что однажды старец Косма сказал отцу Иоаннову:

– Вот, желание твое исполнилось: отрок твой уже превосходит меня своей ученостью и не нуждается больше в учителе. Прошу тебя, отпусти меня теперь в монастырь, чтобы пред смертью научиться мне самому высшей духовной мудрости для спасения души.

После ухода старца Космы прошло несколько лет, и скончался отец Иоаннов. Правитель Дамаска призвал к себе Иоанна и назначил его на должность, большую даже, чем занимал его отец.

В это время в Царьграде начались гонения на святые иконы. По приказу царя Льва Исаврянина всех, кто почитал святые иконы, подвергали мучениям, заключению в темницы, ссылкам. Сами иконы велено было вынести из храмов и уничтожить. Царские воины ходили по домам, собирали св. иконы и всенародно сжигали их. Стон и вопли стояли по всей империи.

Да и как было не плакать, когда святые лики Спасителя и Божией Матери, пред которыми так привычно было становиться на молитву, с кощунством и издевательствами предавались огню?!

О гонениях на св. иконы скоро стало известно Иоанну. С горячим вдохновением он написал несколько посланий в защиту их. Эти послания очень поддержали и утешили благочестивых людей, но в то же время раздражили еретиков-иконоборцев и прежде всего царя Льва. (Напомним здесь, что Дамаск был в руках арабских халифов, а не византийских царей.)

Царь Лев закипел яростью против Иоанна и решил погубить его самым низким и бесче-

ственным образом. Он приказал искусному писцу изучить почерк Иоанна и написал письмо, как бы его рукой, к нему, царю Льву. Это фальшивое письмо было составлено в таких словах: «Сообщаю тебе, царю великой христианской державы и покровителю всех христиан, что наш город плохо охраняется. Если ты, царь, пошлешь свое войско, оно без труда овладеет Дамаском. Я же тебе окажу всяческую помощь, ибо все здесь находится в моем ведении».

И другое письмо, уже от себя, велел написать царь Лев арабскому халифу в Дамаск. В этом письме царь писал: «Некий христианин, живущий в твоём городе, побуждает меня к войне с тобою и изменнически обещает свою помощь. Чтобы ты не сомневался в моих словах, посылаю тебе одно из посланий этого христианина. Отыщи его и поступи как хочешь».

Когда эти письма были доставлены Дамасскому халифу, он без труда узнал почерк Иоанна. Тотчас же послал за ним и, не говоря ни слова, показал ему фальшивое письмо. Иоанн сказал: «Почерк мой, но не моя рука

**Преподобный Иоанн просит Божию Матерь об исцелении
своей руки, отсеченной по ложному обвинению.**

это писала. Нужно быть подлым человеком, чтобы решиться на измену своему государю». Халиф не поверил Иоанну и велел отсечь ему правую руку.

Отсеченная рука была вывешена на площади, на страх всем, кто дерзнул бы еще отважиться на такое дело. А Иоанн, изнемогавший от боли, отведен был в свой дом. Вечером, в надежде, что гнев халифа уже остыл, Иоанн послал к нему слугу просить отсеченную руку. Получив ее, он вошел в свою спальню, пал на колени пред иконой Божией Матери и стал горячо молиться и просить исцеления. Ночью ему было видение: явилась Божия Матерь, смотревшая на него милостивым взглядом, и слышал он слова Ее: «Вот, рука твоя здорова!»

Проснувшись, Иоанн убедился, что действительно отсеченная кисть руки приросла. Не было границ радости Иоанна. Весь дом его наполнился ликованием. Все пели благодарственные песни Богу. И халиф узнал о чуде с рукой Иоанна. Он пожалел, что так опрометчиво и необдуманно поступил с ним, и ре-

шил вознаградить его, сделав своим первым советником. Но у Иоанна созрела другая мысль: оставить мир с его суетой и тревогами и уйти в монастырь. Как ни уговаривал его халиф, Иоанн остался непреклонен.

Придя домой, он тотчас же созвал родственников и объявил о своем решении. Свои богатства он оставлял им и велел отпустить всех рабов на свободу, дав каждому столько денег, чтобы он мог начать новую жизнь.

Одевшись в самое простое платье, взяв в суму лишь несколько сухих лепешек, а в руку — посох, вышел Иоанн из своего дома ранним утром как странник, направляя свой путь к Иерусалиму. Поклонившись святым местам, он удалился за Иордан, в пустыню, где в лавре св. Саввы спасались иноки. Игумен тотчас узнал Иоанна и рад был, что такой человек смиренно молит принять его в число братии.

Но кто же осмелится быть старцем и наставником прославленному Иоанну? Все отказывались. Наконец, нашелся некий старец, простой, но мудрый, который согласился взять к себе Иоанна на послушание.

Первой заповедью старца было: ничего не делать по собственной воле, приносить Богу продолжительные молитвы и непрестанно плакать о своих грехах. Долгое время жил Иоанн у старца, бережно соблюдал все его наставления, слушал его без ропота и прекословия. А старец радовался, видя, с какою скоростью восходит Иоанн все к большему и высшему совершенству.

Однажды старец, желая испытать послушание и смирение Иоанна, собрал много корзин, которые они вместе плели, и послал его продать их в Дамаск. «Только смотри, — сказал он, — не отдавай по цене меньшей, чем какую я назначаю». А назначил он цену много большую, чем они стоили.

И пошел Иоанн, ни слова не сказав старцу о том, что цена слишком высока, что путь далек, что за меньшую цену их можно было бы продать и в Иерусалиме, что, наконец, ему стыдно идти с корзинами на спине в город, где все его знали по прежней богатой жизни. Сказал он только: «Благослови, отче!» — взял корзины и пошел.

Ходил он, нищенски одетый, по площадям и улицам Дамаска, предлагая корзины, но никто не покупал, узнав их цену. Смеялись даже над ним, говоря: «В своем ли ты уме, требуя таких денег?» Никто, конечно, не мог узнать в этом загорелом, запыленном и худом иноке советника халифа Иоанна. Только один человек, прежде бывший слугою у Иоанна, присмотревшись, догадался, кто это такой. Больно сжалось его сердце при виде своего бывшего господина в нищенском облике. Как бы ничего не зная, подошел он к Иоанну и купил все корзины, дав ту цену, какую Иоанн просил.

Радостным вернулся Иоанн в обитель, чувствуя, что он одержал победу над своим самолюбием.

Но как после приятного и теплого лета приходит мокрая осень, а за ней суровая зима; как часто смех и радость сменяются слезами; как после успехов нередко следуют неудачи — так после хорошо выполненного поручения в Дамаске пришлось Иоанну претерпеть тяжелое испытание.

Среди иноков той лавры, где подвизался Иоанн, было два родных брата, крепко любивших друг друга. Случилось одному из них умереть. Оставшийся неутешно плакал об усопшем. Иоанн утешал его, но скорбь его была так сильна, что против нее бессильны были слова Иоанна. И начал скорбящий инок упрашивать его сложить такую надгробную песнь, которая успокоила бы его душу. Иоанн помнил наказ своего старца — ничего не делать самовольно — и отказывался. Но инок с такой настойчивостью, с такими слезами умолял его, что он не удержался. Скорбь об усопшем брате так была сильна, что передалась Иоанну, и он составил дивное песнопение, которое и сейчас поется в церкви при похоронах:

*Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели, —
Какая слава на земли*

*Стоит тверда и непреложна?
Все -- пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все, как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны и бессильны.
Рука могучего слаба,
Ничтожны царские велья --
Прими усопшего раба,
Господь, в блаженные селенья!*

Старца в это время не было в келии. Возвращаясь домой, он услышал голос Иоанна и, войдя, начал строго выговаривать ему: «Так-то скоро забыл ты свои обеты; вместо плача я слышу твои песни...» Иоанн пробовал объяснить своему авве причину пения, показывая ему написанный им тропарь, наконец, пал ему в ноги и просил прощения. Но авва не хотел ничего слышать и прогнал от себя Иоанна. Целый день провел Иоанн у келии аввы, плача, рыдая и умоляя о прощении. Старец был неумолим.

Другие старцы, любившие Иоанна за его кротость и смирение, просили тоже за него и говорили старцу:

– Наложити епитимию на согрешившего, но не лишай общения с собою, не гони от себя!

Старец на это ответил:

– Если Иоанн хочет получить прощение, пусть своими руками выгребет все нечистоты в лавре.

Услышав эти слова, Иоанн не только не огорчился, но с радостью приступил к назначенному делу.

О, дивное смирение истинного послушника!

Узнав о глубине смирения и послушания Иоаннова, авва его умилился душою, прибежал к Иоанну, обнял его, целовал те самые руки, которые только что прикасались к нечистоте, и восклицал в радости: «О, какого послушника даровал мне Христос!»

Спустя немного времени явилась старцу в ночном видении Сама Пречистая Владычица и повелела ему разрешить Иоанну слагать хвалы и гимны Господу Богу. И потекли с тех пор песни высокого вдохновения из-под пера Иоаннова. Лучшим гимном можно считать пасхальный канон:

– Воскресения день, просветимся, людие: Пасха, Господня Пасха: от смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас приведе, победную поющая.

Духовный восторг, которым бывают охвачены богомольцы в пасхальную ночь в иерусалимском храме Воскресения Христова, звучит в этом каноне. Свидетелем этих восторгов часто бывал святой Иоанн, приходя в святой город из своего монастыря, и запечатлел их в дивных стихах, которыми и мы наслаждаемся в светозарную пасхальную ночь.

Прожил святой Иоанн Дамаскин 104 года и отошел ко Господу, в иной мир, где нет ни печали, ни вздыханий, но радость и жизнь бесконечная.

**Святая
преподобномученица Евгения**

Память ее – 24 декабря/6 января

вятая Евгения была родом римлянка, дочь знатных родителей-язычников. (Отец ее Филипп был правителем г. Александрии в Египте.) Прекрасно образованная, с привлекательной внешностью, Евгения легко могла бы устроить свое счастье, выйдя замуж за одного из знатнейших людей своего круга,

но она не увлекалась мечтами ни о замужестве, ни о блестящей будущности. Ее любимым занятием было — уйти куда-нибудь в дальний угол их загородной виллы с книгой в руках и там, переверачивая листы Тита Ливия или Овидия, уноситься мыслями в далекое прошлое Римской империи или переживать вместе с автором фантастические превращения его героев.

Как-то раз попали ей в руки послания святого апостола Павла. Это чтение переменяло весь ход ее мыслей. До сих пор ей казалось, что в жизни есть лишь два пути — путь долга, когда человек живет для выполнения своих обязанностей к семье, к обществу, к родине, и путь личных удовольствий, когда человек стремится удовлетворить все свои желания, насладиться всем возможным на земле счастьем. А у ап. Павла она прочла, что он от всего отказался и все вменил в сор, чтобы только приобрести Христа (Флп. 3, 8).

Но кто такой Христос? И почему при одном имени Его у нее так трепетно бьется сердце? Отчего она до сих пор ничего не слы-

шала о Нем от своих учителей? На эти вопросы не было ответа, пока Евгения не познакомилась с христианами.

Однажды Евгения, окруженная своими слугами, прогуливалась за городом. Вдруг она услышала пение многих голосов. В тихой мелодии пелось о Христе, истинном Свете, просвещающем всякого человека, грядущего в мир.

— Это христиане? — спросила Евгения.

— Да, это они поют гимны своему Богу, — сказала одна из служанок. — Если госпожа желает, я познакомлю ее с этими чудными людьми, которые не боятся бедности, всегда радостны, всех любят, за всех молятся и живут между собою как братья.

С этого вечера начались тайные прогулки Евгении к христианам. И чем больше она узнавала о Христе, тем большей любовью горело к Нему ее сердце. Случалось ей поздней ночью возвращаться с одной только служанкой (которая была тайной христианкой) по полю и спящему городу к себе домой. Ничто не страшило ее. На устах ее было имя Христово, и оно

наполняло ее душу спокойствием и радостью. Но она была еще язычница, еще не принадлежала к Церкви Христовой, и не было надежды, что родители согласятся на ее крещение. Опасаясь всякого препятствия с их стороны, Евгения решается тайно оставить родительский дом. Переодевшись в мужское платье, Евгения с двумя из своих слуг, которых она посвятила в свои планы, одним поздним вечером ушла из родного дома в пустыню к отшельникам. Там все трое, выдав себя за родных братьев, стали жить подвижнически. Скоро они приняли святое крещение и стали иноками.

Трудно было, по первому началу, иноческое житие для Евгении. Ее девические руки не знали физического труда: никогда она не питалась такой скудной и грубой пищей, как в монастыре; никогда не приходилось ей проводить ночи на голой земле, покрытой лишь циновкой. Но ее желание ради Христа распять свою плоть со страстями и похотями было так сильно, что она победила все эти трудности. Скудная пища, постоянная работа на открытом воздухе, часто под палящими

лучами южного солнца, короткие часы сна (большую часть ночи она проводила в молитве) сделали то, что от прежней красавицы не осталось и следа. В худом, загорелом иноке никто бы не узнал прежней Евгении.

Случилось игумену монастыря, где подвизалась Евгения, заболеть и отойти ко Господу. Когда иноки собрались для избрания нового игумена, то невольно взоры всех обратились на Евгению. Она готова была скрыться, уйти на время в пустыню, чтобы избежать избрания, но не успела. Она могла бы открыть свою тайну, что она женщина, но тогда бы ей пришлось совсем покинуть обитель, с которой она уже успела сродниться и где все ей было дорого.

Пришлось подчиниться общему желанию, и святая Евгения стала игуменом обители.

Бог подкреплял Свою святую подвижницу в ее необычайных трудах и удостоил дара чюдотворений. Все, кто ни обращался к св. Евгении, получали по ее молитвам исцеления. Святая Евгения сделалась известной на всю округу. Но вместе со славой пришли и скорби, ее неразлучные спутники, — вражда и клевета.

Когда слух о чудесах ее распространился по окрестности, одна богатая вдова, Меланфия, пригласила Евгению к себе для врачевания ее от болезни, от которой она страдала более года. Св. Евгения помазала больную освященным маслом, и та исцелилась. С того времени богатая вдова стала благодетельницей обители, присылала в нее щедрые дары и сама часто приезжала помолиться и побеседовать с игуменом. И как некогда дьявол внушил жене Пентефрия преступные мысли в отношении Иосифа Прекрасного, так теперь такие же скверные намерения возымела Меланфия к святой Евгении, не подозревая, что она — женщина. Однажды она стала склонять Евгению ко греху, обещая за это отдать в монастырь все свои богатства.

— Замолчи, женщина! — с негодованием отвечала Евгения на льстивые слова Меланфии, — и знай, что не для того мы оставили мир, чтобы, став иноками, прельщаться богатством. Общение с людьми у нас только — в общей ко Христу любви и богатство наше — в познании истины!

Меланфия сильно разгневалась и, желая отомстить Евгении, пожаловалась правителю города, будто Евгений-инок, пришедши к ней в дом, пытался обольстить ее.

Правитель — родной отец Евгении — приказал всех иноков, и Евгению в том числе, заключить в темницу и назначил день, чтобы судить их. Когда он со множеством народа вышел на площадь, приведены были иноки. Обратившись к Евгении, правитель сказал:

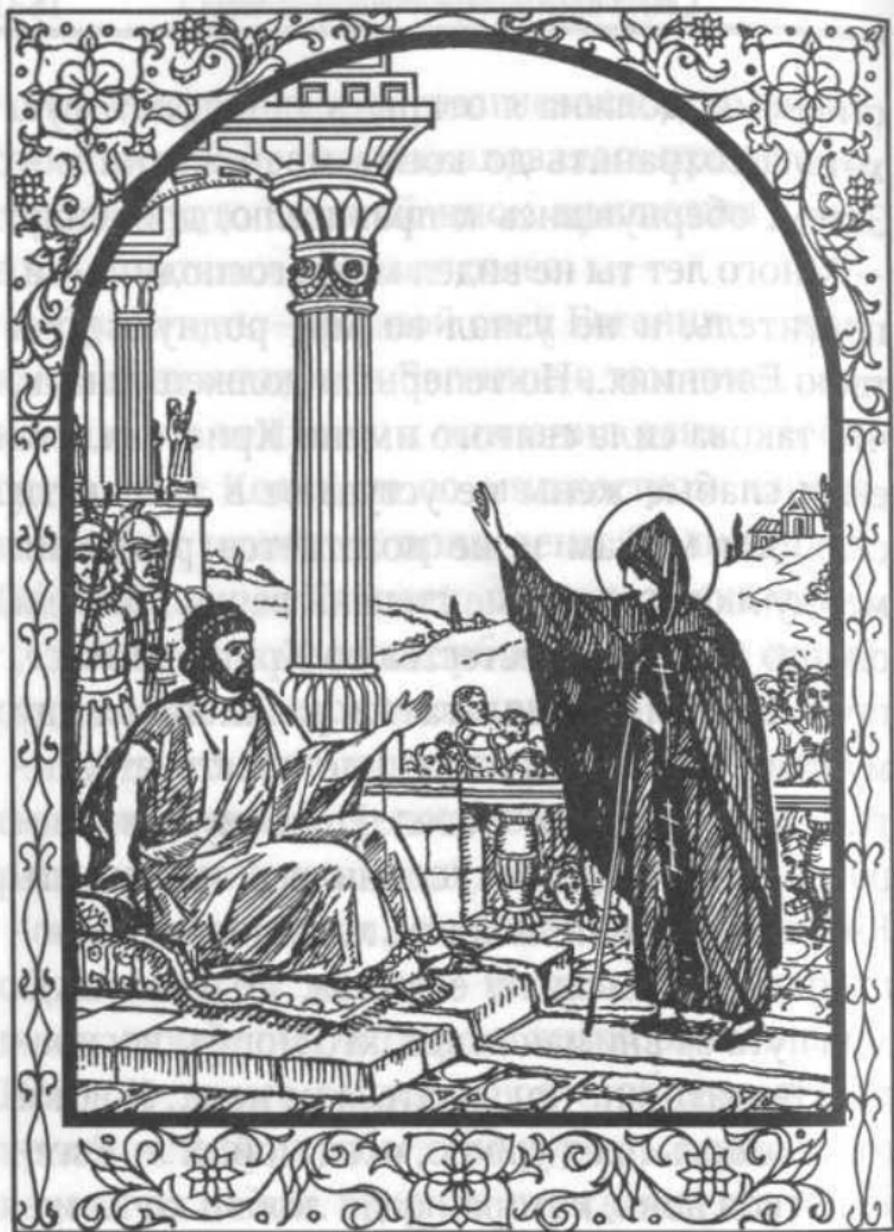
— Как ты смел оскорбить знатную вдову своим гнусным предложением?

Тогда-то, чтобы спасти не столько жизнь, сколько честь иноческого звания, св. Евгения решилась открыть свою двойную тайну.

— Настало время, — воскликнула Евгения, обратившись к толпе, — настало время нарушить молчание, которое долго хранила я! Пришло время высказаться свободно и открыть истину, чтобы обнаружить ложь, возведенную на нас. Не ради тщеславия, но ради славы имени Христова и ради того, чтобы не допустить торжества беззакония над невинностью и незаслуженного поругания над хри-

стианами, должна я открыть тайну, которую хотела сохранить до конца моей жизни... — Затем, обернувшись к правителю, добавила: — Много лет ты не видел меня, господин мой, правитель, и не узнал во мне родную дочь твою Евгению... Но теперь ты должен узнать, что такова сила святого имени Христова, что ею и слабые жены не уступают в твердости сильным мужам и не полагается различия между людьми, кроме степени веры... Все мы одного духовного естества во Христе Иисусе, пред Которым не полагается различия между мужами и женами, как свидетельствует учитель христианский Павел. Поэтому и я, уверовав в Христа, не усумнилась послужить Ему, избрав деятельность, хотя и превышающую силы женского естества, но утаившую мой путь от внимания тех, кто мог бы воспрепятствовать мне подвизаться на нем... И вот я открываюсь пред тобою, отец мой! Я — Евгения, твоя дочь, которая ради любви ко Христу отрешилась от всяких земных утешений.

Едва успела Евгения высказать это, как отец ее, узнавая ее, по мере того как она гово-

**Св. Евгения открывает свою тайну правителю-отцу.
Вслед за этим правитель Филипп со всем домом своим
и множество народа приняли веру Христову.**

рила, и придя в себя от охватившего его волнения при таком неожиданном открытии, припал к ней, слезами неопикуемой радости обливая такую дочь свою. В эту минуту он постиг ее христианское совершенство и истину избранного ею пути.

Кто может измерить и радость матери, когда, извещенная о случившемся, она поспешила увидеть дочь свою, которую уже давно считала погибшей?!..

Не только родители Евгении, но и весь народ, бывший свидетелем, восторженно восклицал: «Велик Христос, Бог христианский! Он один — истинный Бог, творящий чудеса, открывающий сокровенное, защищающий правду и посрамляющий ложь!»

Вслед затем правитель Филипп со всем домом своим и множеством народа приняли веру Христову. Когда узнали об этом гонители христиан, то правитель был принуждаем или отречься от веры, или быть отрешенным от звания правителя. Филипп предпочел последнее и был вскоре поставлен в епископа. Но недолго ему пришлось послужить христи-

анам в сани святителя: он был умерщвлен по повелению нового правителя.

После смерти Филиппа семья его возвратилась в Рим, где сыновья его поступили на государственную службу, а вдова его, Клавдия, с блаженной дочерью своей Евгенией поселилась в своем имении за городом, где и жили, стараясь распространить веру Христову среди своих знакомых жен и девиц. За это, и в особенности за обращение ко Христу одной знатной девицы, Василлы, Евгения была предана мукам. Долго с непоколебимым мужеством переносила она различные истязания; наконец, была обезглавлена вместе с Василлою в самый день Рождества Христова в 262 году.

«Говорю вам, друзьям Моим, — сказал Христос, — не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать» (Лк. 12, 4).

Преподобный Серафим Саровский

*Дни памяти – 2/15 января
и 19 июля/1 августа*

**Преподобный Серафим
кормит медведя**

вятой Серафим Саровский с раннего детства посвятил себя Богу. Когда ему исполнилось 17 лет, он попросил свою мать благословить его уйти в монастырь. Боль-

шим медным крестом благословила мать своего сына на монашеский подвиг, и до самой смерти носил он потом этот материнский крест на своей груди.

Саровская обитель, куда пришел Серафим, была со всех сторон окружена большим дремучим лесом. Здесь, в лесной чаще, построил он себе маленькую избушку и вдали от мира стал проводить в молитве дни и ночи. Часто св. Серафим терпел холод и голод и всякую нужду. Так он провел много лет. Когда он, наконец, открыл двери своей келии, люди толпами стали приходить к нему и просили его молить. Они приносили святому восковые свечи, чтобы он ставил их во время своей молитвы перед иконами: ведь свечи горят перед иконами, как души людей перед Богом. И день и ночь столько горело в этой маленькой келии свечей, что даже зимой, в самые холодные, морозные дни в ней было от них жарко: печь никогда и не топилась.

— Я не могу, — говорил святой Серафим, — несколько раз в моей молитве поминать пред Богом имена всех, кто просил меня молиться за них, потому что их слишком много; а зажи-

гаю их свечи и молось: «Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за души которых я, убогий, зажег Тебе эти свечи и лампы!»

Святой Серафим непрестанно молился Богу. От этого сердце его разгоралось все большей и большей любовью. И любил он не только Бога, но и все Божье творение, всю природу, Богом созданную. И так очистил он себя от всякого греха постоянной молитвой и памятью о Боге, что жизнь его стала похожей на жизнь первых людей в раю, где звери слушались человека и не делали зла ни друг другу, ни человеку.

В ночное время приходили к келии святого звери: медведи и волки, зайцы и лисицы, подползали даже змеи, ящерицы и другие гады. Святой Серафим выходил из келии и начинал кормить их из своего лукошка, в котором он хранил недельный запас хлеба. Сколько зверей ни приходило к старцу, хлеба всегда и на всех хватало.

И вот что случилось однажды.

Одна монахиня пришла к святому Серафиму и увидела, что он сидит близ своей келии на обрубке дерева и подле него стоит огром-

ный медведь. Она так и обмерла от страха и закричала во весь голос: «Батюшка! Смерть моя!» — и упала. Старец Серафим, услышав ее голос, ударил медведя легонько и махнул ему рукой. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда показал о. Серафим, в густоту леса. Монахиня, видя все это, трепетала от ужаса. Старец Серафим подошел к ней и сказал: «Не ужасайся, не пугайся!» Она все-таки продолжала кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал: «Нет, матушка, не смерть, и смерть от тебя далеко. А это радость!» И затем он повел ее к той самой колоде, на которой сидел прежде. Помолившись, он посадил монахиню на колоду и сам сел. Не успели они сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из чащи леса, подошел к св. Серафиму и лег у его ног. Монахиня, видя такого страшного зверя вблизи себя, была сначала в большом страхе и трепете. Отец же Серафим обращался с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже стал кормить его из своих рук хлебом. Тогда и монахиня стала мало-помалу приободряться. Лицо великого

***Преподобный Серафим обращался с медведем
без всякого страха, как с кроткой овечкой.***

старца было в это время особенно чудно. Оно было светло, как у ангела, и радостно.

Наконец, когда монахиня совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь свой хлеб, он подал ей оставшийся кусок и велел покормить медведя. Но она отвечала: «Боюсь, батюшка: он мне и руку отъест!» Старец Серафим посмотрел, улыбнулся и сказал: «Нет, матушка, верь, что он не отъест твоей руки». Тогда она взяла поданный хлеб и скормила его весь с такой радостью, что желала бы еще кормить его, потому что зверь был с ней кроток, по молитвам святого. Когда преподобный Серафим увидел, что страх у монахини совсем прошел, он сказал: «Помнишь, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму (так он всегда, по своему смирению, себя называл) медведь служит. Вот и звери нас слушают! А ты, матушка, унываешь! А о чем нам унывать? Вот, если бы я взял ножницы, то и остриг бы его».

Вот что делает любовь! Нет большей силы в мире, чем любовь! Только любовью и держится мир, только любовью движется жизнь.

Нападение разбойников на преподобного Серафима

Русский народ с особенной любовью чтит св. Серафима как одного из самых великих святых нашей Родины. Воспитанный своей благочестивой матерью в любви к Богу и к нашей святой Православной Церкви, св. Серафим с раннего детства любил бывать в храме Божиим. Он особенно нежно и благоговейно чтил Божию Матерь, Которая исцелила его от тяжкой болезни на десятом году его жизни чрез прикосновение к Ее чудотворному образу — Курской-Коренной.

Усердно помогая матери в ее трудах, св. Серафим на 18-ом году жизни ушел, с ее разрешения, в Саровскую обитель, окруженную дремучим лесом. Здесь он стал подвизаться в посте и молитве и жил в маленькой избушке, которую выстроил собственными руками в глухом лесу.

Раз в неделю приносили ему из обители скудную пищу: кусок хлеба и немного капусты. Дни и ночи проводил св. Серафим в неустанной молитве, и Господь удостоил его дара

**Небесные и земные врачи
у постели преподобного Серафима.**

чудес. Слава о его святой жизни стала быстро распространяться, и, когда он вышел из затвора по повелению Божией Матери, люди во множестве стали приходить к нему, прося его благословения и святых молитв, принося больных, чтобы он исцелил их.

Всегда светлый и радостный, святой старец принимал людей с лаской и любовью, называя каждого «радость моя». И все уходили от него утешенными, неся ему за это различные дары, которые он тотчас же раздавал бедным.

Прослышали о нем злые люди и, думая, что у св. Серафима много денег, решили ограбить его. Однажды, когда он рубил в лесу дрова, подошли три мужика и стали требовать от него денег.

— К тебе ходят мирские люди и деньги носят, — говорили они; но подвижник отвечал: «Я ни от кого ничего не беру».

Грабители не поверили, и один из них кинулся на св. Серафима сзади, чтобы свалить его на землю, но вместо того сам упал.

Прп. Серафим смолоду отличался большой физической силой и теперь, вооружен-

ный топором, мог бы смело и с успехом защищаться, но святой подвижник вспомнил слова Спасителя: «Все взявшие нож ножом погибнут», опустил топор на землю, сложил руки крестообразно на груди и сказал: «Делайте, что вам надобно». Он решил безвинно потерпеть страдания.

Один из злодеев, подняв топор, сильно ударил св. Серафима обухом по голове. Из рта и ушей св. подвижника хлынула кровь, и он в беспамятстве упал на землю. Злодеи потащили его к сеням его келии и по дороге били топором и кольями. Связав руки и ноги св. Серафима, грабители оставили его в сенях, а сами бросились в келию, думая найти там деньги. В убогом жилище пустытника они все перерыли, разломали печь, подняли пол и ничего не нашли... Страх напал на них. Они поняли, что безвинно и напрасно избili святого человека, и в ужасе бросились вон...

Между тем, св. Серафим едва мог прийти в чувство от полученных жестоких побоев. Кое-как развязал он себе руки и ноги, помолился, чтобы Бог простил обидчиков, и, про-

ведя ночь в келии среди ужасных страданий, утром побрел в монастырь.

Вид св. подвижника был ужасен. Волосы на голове и бороде были спутаны, смочены кровью, покрыты пылью и сором; лицо и руки — в синяках, несколько зубов вышиблено; окровавленные одежды по местам присохли к ранам.

Ужаснулась братия, увидев св. Серафима в таком состоянии. Попросив пригласить о. настоятеля и монастырского духовника, преподобный слабым голосом с трудом мог рассказать все, что с ним случилось.

Первые восемь дней прп. Серафим страшно страдал — не мог принимать ни пищи, ни питья, не мог даже спать от страшной боли. В обители не надеялись, чтобы он остался в живых. На седьмой день болезни настоятель послал в ближайший город за врачами. Когда врачи собрались для совещания у постели страдальца и обсуждали положение больного, преподобный уснул и в тонком сне сподобился дивного видения. Явилась ему Богоматерь с апостолами Петром и Иоанном. Она подошла к одру больного с правой стороны и, об-

ратившись в сторону врачей, сказала: «Что вы трудитесь?» Потом, взглянув на св. подвижника, произнесла: «Сей — от рода нашего». Видение на этом кончилось. Больной проснулся. В это время пришел настоятель и предложил больному воспользоваться помощью врачей. Но, к немалому удивлению всех, прп. Серафим решительно отвечал, что не желает пособия от людей, предоставляя свою жизнь Господу Богу и Пресвятой Богородице.

Между тем, после чудесного видения преподобный исполнился неизреченной радости, и его восторженное состояние продолжалось часа четыре. Потом он успокоился, вошел в свое обычное состояние и почувствовал облегчение от болезни. Силы стали возвращаться к нему: он встал с постели, начал ходить по келии и в девятом часу вечера, в первый раз после избияния, принял немного пищи. С этого времени здоровье саровского подвижника стало постепенно улучшаться, но следы от полученных побоев остались у него до самой смерти.

В Саровскую обитель св. Серафим явился молодым, стройным, здоровым; здесь же, в мо-

настыре, сначала за работами в лесу придавленный однажды срубленным деревом, он утратил природную статность и прямоту. А теперь, после нападения грабителей, он сделался совершенно согбенным старцем и стал ходить не иначе, как опираясь на палку или топорик.

Своих мучителей прп. Серафим не только простил от сердца, но и умолял начальство не наказывать их. Господь, впрочем, не оставил их без наказания: у них сгорели избы. Потом, когда они, раскаявшись, пришли просить прощения у кроткого старца, он от души простил их, по заповеди Христовой:

«Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6, 27–28).

Преподобный Серафим и дети

Серафим Саровский, будучи сам чист душой, кроток и незлобив, с особенной нежностью и лаской относился к детям. Любил их

преподобный, как и Христос любил детей, говоря: «Не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное!»

Помнил св. старец, что Господь хранит «малых сих», как сохранил его самого в детстве при страшном падении с колокольни.

Это было так. Мать однажды взяла его с собою на постройку храма. Вместе с нею взобрался он на самый верх колокольни и по неосторожности (там еще не было перил) стал на край — и упал вниз. В ужасе бросилась мать по лестнице, уже без надежды найти мальчика в живых. Но каково же было ее изумление и радость, когда она увидела, что сын ее стоит цел и невредим.

Господь чудесно сохранил Своего избранника, зная, сколько радости принесет он потом людям.

Однажды, за год до кончины преподобного, когда он уже заметно ослабел и не всегда принимал посетителей, пришла к нему большая толпа богомольцев. Святого старца не было в келии. Кто-то из саровских монахов сказал посетителям:

— Ищите его в лесу! Только вряд ли найдете. В кусты спрячется, в траву заляжет. Разве что сам откликнется на детские голоса. Забирайте детей побольше, да чтоб наперед вас шли!

И вот толпа паломников углубляется в дремучий саровский лес. Деревья — все выше и гуще... Лесная сырость и тишина охватывает всех. Под высокими сводами громадных елей совсем темно. Жутко в бору... Но вдруг солнечный луч блеснул между деревьями. Все ободрились и скоро очутились на залитой солнцем полянке.

Около корней отдельно стоящей на полянке ели работает низенький, худенький старец. Заслышав шорох, старичок быстро приподнялся, взглянул в сторону монастыря и затем, точно спугнутый заяц, шарахнулся к чаще и скрылся из виду.

— Отец Серафим! Отец Серафим! — чуть не в 20 голосов закричали мы, — пишет в своих воспоминаниях Н. Аксакова, бывшая тогда в толпе детей. Заслышав детские голоса, о. Серафим не выдержал, и чрез какую-ни-

будь минуту его голова показалась из травы. Приложив палец к губам, он умильно поглядывал на нас — детей, как бы упрашивая нас не выдавать его старшим.

Протоптав к нам дорожку по траве, преподобный поманил нас к себе. Самая маленькая из нас — Лиза — первая бросилась к нему на шею, прильнув щекой к его плечу.

— Сокровища, сокровища! — приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей груди.

Между тем подросток-пастушок Сема побежал со всех ног к монастырю, крича: «Здесь, сюда! Вот о. Серафим! Сюда!» Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показались нам и выкрикивания наши, и объятия.

На обратном пути та самая Лиза, которую св. Серафим обнял первою, щебетала своим детским лепетом: «Отец Серафим только кажется старичком, а на самом деле он ребенок».

Много лет спустя, вспоминая только что рассказанный случай из своего детства, Н. Аксакова пишет, что она во всю жизнь не видала таких детски ясных глаз, как у прп. Серафима,

Дети нашли преподобного Серафима в лесу.

такой улыбки, как его улыбка, которую можно сравнить разве что с улыбкой спящего младенца, когда его, по словам нянек, тешат во сне ангелы.

Расскажем и еще случай.

Вот пред запертыми дверями Серафимовой келии стоит толпа посетителей. Пробуют некоторые из них творить молитву: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!» Но «аминя» не слышно, и дверь не отворяется. Тогда одна из женщин обращается к стоящей тут же даме с маленькой девочкой и просит:

— Пусть ваша девочка скажет молитву: тогда он откроет!

И действительно, как только девочка сотворила молитву, изнутри послышалось «аминь» и дверь келии отворилась.

Как же все были рады видеть святого старца!

Милые дети! В жизни много горя:

*У одних могила рано мать взяла,
У других нет в зиму теплого угла.*

Каждый из вас может заболеть. Еще хуже, когда заболевает кормилец семьи — отец или когда у него несчастье на работе. А когда мама долго болеет, трудно тогда всей семье. Да и у вас, детей, бывают свои маленькие огорчения: сегодня задали трудную задачу, а там придут экзамены, или когда с товарищем поспорите — в эти моменты вспомните, что есть у Господа святой Серафим. Призовите его в ваших молитвах, попросите помолиться за вас, помочь вам! И он, такой ласковый, полный любви к детям, тотчас же откликнется.

«Много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16).

Святая мученица Татьяна

День памяти – 12/25 января

одилась св. Татьяна в Риме около 200-го по Р. Х. Родители ее были богатые и знатные граждане – тайные христиане.

Трудно было тогда быть христианином. Рим был полон языческих храмов, и общественная жизнь была тесно связана с религией. Возвращались ли римские легионы

после победы над врагами — все должны были приносить жертвы богам. Вступал ли на престол новый император — все граждане шли в храмы и воскурjali фимиам перед «гением императора». Начинаясь ли новый год — всем следовало умилоствлять богов жертвоприношениями. А сколько было других случаев в жизни, когда нужно было на виду у всех показать, что ты не безбожник, что ты чтишь богов, что ты исполняешь все обряды народной религии?!

Казалось, велика ли важность — бросить щепотку фимиама на жертвенник или поклясться гением императора, — но христиане и это считали изменой Христу, актом отречения от Него и потому под разными предлогами старались уклоняться от участия в общенародных праздниках; им приходилось таиться и скрывать свою веру в истинного Бога. Когда же вспыхивало гонение на христиан, когда их принуждали открыто похулить Христа и принести жертвы идолам, тогда и тайные христиане объявляли о своей вере, терпели страдания и лишались жизни, как это и случилось с отцом святой Татьяны.

Татьяну с самых ранних лет ее родители стали приучать к благочестию. Брели с собой на тайные богослужения, совершавшиеся ночью в катакомбах. Пробираясь по узким коридорам катакомб, едва освещенным масляными светильниками, она видела, что стены этих коридоров хранят в себе мощи мучеников, тела усопших в вере и преданности Христу. В дни их памяти она слышала гимны, прославлявшие их подвиги, и трепетным сердцем внимала рассказам об их святой жизни и страданиях. Ей самой захотелось быть такой же, как эти святые мученики, так же любить Христа и так же отдать за Него свою жизнь.

Часто, еще будучи маленькой девочкой, св. Татьяна, проснувшись среди ночи, поднимала руки и приносила Богу свои детские молитвы:

— Я хочу быть святой, — шептала она. —
Научи меня, Господи, не любить ничего и никого так крепко, как Тебя! Научи меня, Господи, делать только то, что Тебе угодно; сделай меня Твоей служительницей!

Когда св. Татьяна выросла, эта ее мечта исполнилась. За благочестивую жизнь, за пре-

данность Богу и постоянную готовность что-то сделать для других ее посвятили в диакониссы. Ее обязанностью было учить верооглашенных женщин и девушек — готовить их ко святому крещению, прислуживать при совершении этого таинства, заботиться о бедных, о больных и сиротах.

В это время вспыхнуло в Риме гонение на христиан. Велено было, чтобы все граждане принесли жертвы богам. Среди схваченных во время богослужения христиан оказалась и св. Татьяна.

— Принеси жертву Аполлону! — сказали ей.

Вместо этого св. Татьяна стала молиться Христу. И вдруг земля заколебалась, статуя Аполлона упала и разбилась на мелкие куски, стены храма задрожали, и слышались стоны.

— Это стенают духи зла и лжи, — сказали про себя христиане, — чувствуя, что приходит конец их обманам.

Между тем, св. Татьяну повлекли на место пыток. Там ее стали бить по лицу и терзать железными крючьями. Святая дева, мужественно терпя страдания, молилась за своих мучителей

и просила Господа открыть им душевные очи и научить истине. Молитва ее была услышана. Небесный свет озарил их, и они увидели четырех ангелов, окружавших святую. Тогда они пали к ногам св. Татьяны и стали молить ее:

— Прости нас, служительница истинного Бога! Прости нас, ибо не по нашей воле мы терзали тебя.

Разозленные судьи приказали тотчас же схватить этих воинов и предать их смерти. Новообращенные мученики громко славили Христа и после краткого, но жестокого мучения все они, числом восемь, были усечены мечом и, приняв крещение в собственной крови, отошли ко Господу.

На другой день взялся судить св. Татьяну сам правитель Рима Ульпиан. Когда ее привели из темницы, все были поражены тем, что на ней не было видно даже следов вчерашних мучений. Лицо ее было спокойно и радостно. Ульпиан стал убеждать св. деву принести жертву богам, но она отказалась. Тогда он приказал обнажить ее и острыми бритвами резать ее тело. Как знамение ее чистоты, из ран вместе с кровью истек-

до молоко, и воздух наполнился благоуханием, подобным благоуханию св. мира, ибо Татьяна, подобно св. миру, была исполнена Св. Духа.

Затем ее растянули на земле и долгое время били жезлами, так что мучители теряли силы и часто сменялись. Она же пребывала непоколебимой, ибо ангелы Божии, как и прежде, невидимо стояли около нее, ободряли ее и отводили удары на тех, кто пытался причинить ей страдания. Наконец, девять палачей пало мертвыми, а остальные, еле живые, остались лежать на земле неподвижно.

Святая же, встав, обличила судью и его служителей, говоря, что боги их — бездушные идолы, она же служит единому истинному Богу, творящему чудеса.

Так как уже приближался вечер, то святую отправили в темницу. Здесь она провела ночь, молясь Господу и воспевая Ему хвалу. Небесный свет озарил ее, и ангелы Божии славословили Господа вместе с нею.

Утром ее снова привели на суд, и снова все были поражены ее прекрасным видом. В этот день святая своей молитвой сокрушила храм

богини Дианы и снова вытерпела страшные мучения. На другое утро св. Татьяну привели в цирк и выпустили на нее атласского льва. Арена Колизея и других римских цирков была уже обильно напоена мученической кровью. Постоянно совершались там кровавые зрелища, когда бестрепетных христианских мучеников отдавали на растерзание зверям. Но теперь зверям была брошена дочь одного из знатнейших римлян. Это еще более возбуждало всеобщее любопытство.

Однако выпущенный из клетки лев не коснулся святой. Он ласкался к ней и покорно лизал ее ноги. Толпа, подумав, что это был какой-либо ручной или слабосильный лев, заволновалась и потребовала, чтобы его убрали с арены. Некоторые зрители, и между ними один знатный римский сановник, кинулись исполнить пожелание толпы. Но лев, бросившись на сановника, растерзал его. Святую Татьяну увели после того с арены и снова подвергли мучениям; наконец, бросили в огонь. Но огонь не коснулся не только ее святого тела, но и роскошных волос, которы-

**Выпущенный из клетки лев не коснулся св. Татьяны.
Он ласкался к ней и покорно лизал ее ноги.**

ми св. мученица, как бы плащом, покрывала свою наготу во время мучений. Язычники пришли тогда к заключению, что эти чудеса совершаются силою чудесных волос Татьяны. Ее остригли и заключили в храме Зевса.

Когда на третий день в храм пришли жрецы, они увидели, что идол Зевса лежит разбитый на мелкие части, а святая пребывает в радости, молясь Богу.

Тогда Ульпиан произнес смертный приговор, и святая Татьяна была обезглавлена. Вместе с нею был казнен и ее отец, объявивший себя христианином. Видя страдания своей дочери, он не пожелал оставаться тайным христианином и решил пострадать вместе с дочерью. Произошло это в 225 г.

«Кто нас отлучит от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим. 8, 35.)

Эти слова св. апостола Павла буквально исполнились в жизни св. Татьяны: ничто не смогло поколебать ее веры в Господа Иисуса Христа, Которому она отдала свою молодость, свою красоту, свою жизнь.

**Житие святой
равноапостольной Нины,
просветительницы Грузии**

Память ее — 14/27 января

вятая Нина была единственной дочерью знатных и благочестивых родителей. Отец ее был родственником св. Георгия Победоносца, а мать — сестрой патриарха Иерусалимского. С ранних лет святая Нина отличалась любовью к Богу, и для нее

не было большего удовольствия, чем слушать, когда ей рассказывали о жизни Господа Иисуса Христа. Когда св. Нине было 12 лет, она вместе с родителями пришла в Иерусалим, святой город, в котором каждый уголок напоминал ей евангельскую историю и где Христос Господь «нашего ради спасения» претерпел крестные муки и смерть на Голгофе. Здесь случилось, что отец ее, по особой любви к Богу, ушел в пустыню и стал монахом, а мать была поставлена в диакониссы для служения нищим и больным женщинам. Нину же взяла к себе на воспитание одна благочестивая женщина по имени Нианфора. Любила она Нину, как родную дочь, и воспитывала ее в правилах веры и благочестия. Очень часто они вместе совершали прогулки по святому городу, останавливаясь на тех местах, о которых упоминается в Евангелии.

Однажды, спускаясь по узким улочкам с Голгофы, где они провели несколько часов и читали Евангелие о страданиях Христовых, Нина спросила свою воспитательницу:

– А где же теперь находится тот хитон Христа Спасителя, о котором сказано, что во-

ины, когда делили между собою одежды Христовы, бросили о нем жребий?

Ниянфора рассказала, что воин, которому достался по жребию хитон Господень, унес его на Кавказ и что сейчас, как слышно, эта риза Христова хранится в городе Мцхете, в Иверии (по-нынешнему — Грузии). Кроме того, наставница поведала Нине, что жители этой страны, как и все горные племена Кавказа, еще не слышали евангельской проповеди и пребывают во тьме язычества.

Глубоко запали в душу св. Нины эти сказания. С того времени не проходило дня, чтобы она не помечтала об этой далекой, неведомой стране и о городе с таким странным названием. Часто она, становясь на молитву и произнеся имя Богоматери, вдруг останавливалась и уносила мысль в Назарет. Пред ее глазами рисовалась картина мирной жизни в скромном жилище старца Иосифа: старец плотничает, юноша Иисус помогает ему, а святая Дева Мария занята тут же в углу работой на домашнем ткацком станке. Еще немного, и работа будет окончена: осталось положить

синюю кайму по нижнему краю хитона — и Ее Сын сможет надеть новый хитон в первую же субботу, когда они, все вместе, пойдут в синагогу на молитву.

— Наверно, это тот самый хитон, — подумала св. Нина, — который сняли воины с осужденного на распятие Христа! Какое было бы счастье хотя бы прикоснуться к этой одежде, сотканной пальцами Пречистой Девы и обогреленной кровавым потом Христовым!

И св. Нина с пламенной молитвой обратилась к Пресвятой Богородице:

— Владычица, — говорила она в своем сердце, — дай мне осязать своими руками, дай мне видеть своими очами одежду, в которой принял начало мук Своих Христос! Дай мне увидеть эту далекую страну, вступить в загадочный Мцхет!

Ее молитва была услышана. Пресвятая Дева явилась ей во сне и сказала:

— Нина, иди в Иверию и проповедуй там Евангелие, и Я буду твоим покровом!

— Как я, слабая дева, — возразила Нина, — смогу совершить столь великое дело?

Тогда Владычица подала ей крест, сплетенный из виноградных лоз, и сказала:

— Возьми сей крест! Он будет тебе защитой от видимых и невидимых врагов. Его силою ты пронесешь благую весть о Господе Иисусе Христе по всей стране Иверской.

Проснувшись, увидела св. Нина чудный крест в своих руках и стала целовать его со слезами радостного умиления. Тотчас же она пошла к своему дяде патриарху и рассказала ему о чудном видении. Несмотря на юный возраст своей племянницы, патриарх не только не стал отговаривать ее от столь трудного дела, но, наоборот, увидел во всем этом волю Божию и благословил св. Нину на далекое путешествие.

Долог и труден был путь святой Нины. Холод, голод, жажду и смертельные опасности от диких зверей и злых людей претерпела святая дева, пока, наконец, не достигла Иверии. Остановилась она в карталинском горо-

де Урбниси и прожила там около месяца в еврейской семье, знакомясь с языком и нравами нового для нее народа.

Узнав однажды, что все жители собираются в город Мцхет на праздник, св. Нина затрепетала от радости: исполнялась ее вторая мечта — быть в загадочном Мцхете, и притом на языческом празднике. Сам Господь укажет ей там, что делать и как начать проповедь святого Евангелия.

Около самого Мцхета обогнал ее царский поезд. На белом коне ехал сам царь Мириан, а за ним бесчисленная свита на разукрашенных конях и мулах. Все спешили на гору, где стоял истукан и где должно было совершиться кровавое жертвоприношение. Увлекаемая толпой народа, св. Нина достигла вершины горы и увидела идола. Это была статуя огромного роста, с золотым шлемом на голове и таким же панцирем на груди; один глаз был яхонтовый, другой — изумрудный, оба необыкновенной величины и блеска. Народ, вместе со своим царем, стоял в глубоком молчании перед идолом, а когда принесены были

кровавые жертвы и загремели трубы, все пали ниц перед бездушным истуканом.

Св. Нина смотрела на все это глазами, полными слез: сердце ее ныло от жалости к народу, который она уже успела полюбить и который, не зная истинного Бога, кланялся идолам. Подняв глаза к небу, она стала молиться:

— Всесильный Боже! Воззри с милостию на народ сей: Ты его создал по образу Своему и подобию, чтобы он знал только Тебя, своего истинного Бога, а он поклоняется бездушному камню. Пожалей его, Господи! Избавь его от власти князя тьмы — дьявола. Сотвори так, чтобы и сей народ, и все концы земли стали кланяться Тебе, единому предвечному Богу!

Еще не окончила св. Нина своей молитвы, как грозные тучи стали заволакивать небо. Сразу все потемнело. Вместо ослепительного солнца, дотоле сиявшего, заблестала молния; послышались раскаты грома. Народ в страхе бросился бежать. Сам царь искал убежища в расщелине скалы. Страшным ударом молнии истукан был разбит во прах, и проливной дождь унес остатки его в реку. Потом снова засияло светозарное

солнце, и в природе наступила тишина. Напрасно царь и народ искали своего бога: не осталось и следа от идола и жертвенника, на котором только что были принесены ему жертвы. В страхе и ужасе народ говорил:

– Велик бог наш, однако есть какой-то другой Бог, больший его, Который и победил нашего. Что же такое совершилось и что еще ждет нас?

Спустя некоторое время св. Нина под видом странницы вошла во Мцхет. Жена царского садовника по имени Анастасия встретила ее с радостью, как будто знакомую и давно ожидаемую, привела в свой дом и предложила угощение. Анастасия и муж ее упросили Нину остаться жить у них: они были бездетны и очень скорбели о своем одиночестве.

Поселилась св. Нина в небольшом шалаше, который устроил для нее муж Анастасии в углу сада. Там она поставила крест, врученный ей Приснодевою, и проводила дни и ночи в мо-

**Жилище св. Нины во Мцхете. Отсюда воссиял свет
Христовой веры на всю Иверию (Грузию).**

литве и пении псалмов. С этого места воссиял свет Христовой веры на всю Иверию. Первыми христианами стали приютившие св. Нину садовник и его жена, у которых, по молитвам святой Нины, родилось много детей.

Одна женщина с громким плачем носила по улицам города своего умирающего ребенка, взывая ко всем о помощи. Взяв больного дитя, св. Нина положила его на свое устроенное из листьев ложе. Помолившись, она возложила на малютку свой крест из виноградных лоз и потом возвратила его матери живым и здоровым.

С этого времени св. Нина начала открыто проповедовать Евангелие и призывать всех к покаянию и вере во Христа. Ее праведная и целомудренная жизнь привлекала к ней сердца народа, и все слушали ее с наслаждением. Понемногу, в особенности женщины, обращались ко Христу, и скоро вокруг св. Нины образовался кружок ее учениц-почитательниц. Одной из них была Сидония, дочь первосвященника карталинских евреев Авиафара. Она привела к Нине и своего отца,

который, когда услышал толкование св. Нины на древние пророчества о Христе, поверил им и сам сделался христианином. Он был свидетелем многих чудес, которые именем Христовым совершила св. Нина, и говорил:

— Если бы с этой девой не было силы Божией, то она не могла бы этого творить.

Часто беседуя с Авиафаром, св. Нина однажды услышала от него следующий рассказ:

— Много-много лет тому назад, — говорил Авиафар, — моему прапрадеду Елиозу пришлось быть в Иерусалиме в год смерти Иисуса Христа и даже присутствовать при распятии Его. Хитон, снятый с Христа пред распятием, так понравился моему прапрадеду, что он за большие деньги купил его у воина, которому тот достался по жребию, и принес в Мцхет. Возвращение Елиоза из Иерусалима было большим событием для всех карталинских евреев. Все хотели узнать новости о своем священном городе, о котором каждый из них в своих ежедневных молитвах повторял слова псалма: «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!»

Долго рассказывал Елиоз про жизнь в Иудее, про всеобщее ожидание Мессии, про Христа, Который, по общему мнению, был пророк, сильный в деле и в слове пред Богом и всеми людьми, и как предали Его первосвященники и начальники для осуждения на смерть и распяли Того, Который должен был избавить Израиль. При этом рассказе сердца слушателей горели от необычайного волнения. Всем казалось, что если бы они были в то время в Иерусалиме, они бы не дали совершиться этому преступлению, они защитили бы Праведника, Который не только никому не сделал зла, а, наоборот, являлся всеобщим благодетелем.

Рассказывая о последних минутах жизни Христа, Елиоз показал своим слушателям хитон Его. Сестра Елиоза Сидония, взяв хитон, стала целовать его со слезами, прижала к груди своей и тотчас умерла. Никакими усилиями не удалось вынуть из рук умершей священную одежду; так и похоронили ее со святым хитоном в руках. На месте ее могилы впоследствии вырос тенистый кедр, к которому стекались со

всех сторон окрестные жители, движимые какой-то неведомой силой к этому святому месту.

Узнав эту историю, и св. Нина стала по ночам приходить молиться под этот кедр. Там Господь удостоил ее многих чудных видений, из которых св. Нина поняла, что скоро все окрестные народы просветятся святым крещением, а на месте кедра будет воздвигнут храм истинному Богу.

Между тем, св. Нина продолжала трудиться в проповеди Евангелия и многих обратила ко Христу, совершая именем Христовым многие дивные знамения. Сама царица, супруга царя Мириана, усердная идолопоклонница, исцеленная святой Ниной, сделалась христианкой.

Случилось так, что царица сильно разболелась; и чем больше лечили ее царские врачи, тем больше усиливалась болезнь, так что уже ожидали ее смерти. Тогда приближенные к ней женщины стали упрашивать ее позвать к себе св. Нину, которая одной молитвой к своему Богу исцеляет всякие болезни. Царица приказала привести св. Нину. А св. Нина, испытывая веру и смирение царицы, сказала посланным:

– Если царица хочет быть здоровой, пусть придет ко мне, и я верую, что она получит здесь исцеление силою Христа, Бога моего.

Царица смирилась и велела нести себя к шалашу святой. Положив ее на свое ложе, св. Нина стала на колени и горячо помолилась Богу. Потом, взяв свой крест, она приложила его к голове больной, к ногам и плечам, сделав таким образом знамение креста над больною. Как только она совершила это, царица тотчас стала здоровой. С этого момента царица полюбила св. Нину, приблизила ее к себе и всюду громко исповедовала Христа как истинного Бога. Великое множество народа обратилось по примеру своей царицы ко Христу, но царь Мириан медлил и даже одно время воспылял ненавистью к христианам. Господь же, пожалев его, призвал к вере таким образом.

Однажды царь Мириан охотился в лесу. Вдруг светлый день обратился в непроглядную ночь, и поднялась буря. Блеск молнии ослепил царя, а гром рассеял всех его спутников. В отчаянии царь стал взывать о помощи к своим богам, но в ответ слышались лишь

завывания ветра и раскаты удаляющегося грома. Тогда он понял, что это — наказание ему за неверие, и воскликнул:

— Боже Нины! Рассей мрак пред очами моими, и я прослаблю имя Твое!

И тотчас стало светло, и буря утихла.

Изумляясь такой силе имени Божия, царь поднял руки к небу и со слезами взывал:

— Боже, Которого проповедует раба Твоя Нина! Ты один поистине Бог над всеми богами. И вот ныне я вижу великую Твою благодать ко мне, и мое сердце чувствует отраду, утешение и близость Твою ко мне. Боже благословенный! На сем месте я воздвигну святой крест, чтобы на вечное время было памятно явленное Тобою мне ныне знамение!

Когда царь возвращался в столицу и шел по улицам города, он громко восклицал:

— Прославьте, все люди, Бога Нины, Христа, ибо Он — Бог вечный, и Ему единому подобает всякая слава во веки.

Царь искал св. Нину и спрашивал:

— Где та странница, Бог которой — мой избавитель?

Святая совершала в это время вечерние молитвы в своей палатке. Царь и вышедшая навстречу ему царица, сопровождаемые множеством народа, пришли к этой палатке и, увидев святую, припали к ногам ее.

— О, мать моя, — воскликнул царь, — научи и сделай меня достойным призывать имя великого Бога твоего, моего Спасителя!

В ответ ему из очей св. Нины потекли неукротимые слезы радости. При виде ее слез заплакали царь и царица, а вслед за ними громко зарыдал и весь собравшийся там народ.

Обращение ко Христу царя Мириана было решительным и непоколебимым. Он немедленно послал в Грецию просьбу прислать к нему епископов и священников, чтобы крестить народ, научить его вере Христовой и утвердить в Иверии святую Церковь Божию.

Царь пожелал еще до прихода священников построить храм Божий и выбрал для этого место, по указанию св. Нины, в своем саду, именно там, где стоял уже упомянутый кедр.

Кедр был срублен, и из шести его сучьев было вытесано шесть столбов, которые и были

без всякого труда утверждены на предназначенных им местах. Когда же захотели поднять седьмой столб, вытесанный из самого ствола кедра, то, как ни бились, сдвинуть его с места не могли. При наступлении вечера опечаленный царь пошел домой, размышляя, что бы это значило. Разошелся и народ. Только св. Нина со своими ученицами осталась на всю ночь на месте постройки, горячо молясь Богу открыть ей тайну этого кедра. Ранним утром явился св. Нине дивный юноша и сказал ей на ухо три таинственных слова, услышав которые, она упала на землю и поклонилась ему. Потом юноша поднял высоко над землей седьмой столб, блиставший как молния, и поставил его так, что он стоял прямо, никем не поддерживаемый. Из-под этого столба стало истекать благовонное миро, и многие больные получили от него исцеление. Мать одного мальчика, семь лет тяжело болевшего, принесла его к столбу и умоляла св. Нину исцелить его. Лишь только св. Нина коснулась столба своей рукой и положила ее на больного мальчика, как он тотчас же выздоровел.

Необычайное стечение народа к целительному столбу побудило царя поставить вокруг него ограду. И это место с того времени стали чтить не только христиане, но и язычники. Тут же был построен и первый в стране христианский храм.

Вскоре после этого прибыли из Антиохии священники и с ними архиепископ Евстафий (около 326 года). Царь Мириан, царица и все дети их в присутствии всех вельмож приняли святое крещение. Для военачальников и царских вельмож была устроена крещальня на реке Куре; чуть пониже этого места священники крестили народ. С великим усердием и радостью шел он креститься, помня слова св. Нины, что кто не получит возрождения от воды и Святого Духа, тот не увидит жизни вечной, но душа его погибнет во мраке ада.

Священники ходили по окрестным населенным местам и крестили всех, и таким образом уверовала во Христа вся Карталинская страна, уже подготовленная к этому трудами своей благовестницы, св. Нины. А св. дева, избегая славы и почестей, которые воздавали

ей царь и народ, ушла в горы, к истокам реки Арагвы, и стала там молитвою и постом готовиться к новым трудам.

Кавказ и в наше время, в век железных дорог, автомобилей и самолетов, посредством которых человек проник в самые глухие уголки его, поражает путешественников своей нелюдностью, а в годы св. Нины он был еще более дик и суров. Леса, покрывавшие склоны горы, были полны диких зверей. Редкие аулы отстояли друг от друга на десятки верст. Бурные потоки, свергаясь с вершин, покрытых вечным снегом, часто заставляли путника долгое время искать переправы. Быстрые реки текли в глубоких и узких ущельях, в которых они мчались с оглушительным гулом и ревом. Но св. Нину ничто не устрашало. С молитвой на устах, с крестом в руках она преодолевала все трудности и не боялась опасностей.

Дикие горцы той области скоро открыли пребывание святой проповедницы в своей стране и стали толпами приходить к ней. Под влиянием ее проповеди и чудес, совершавшихся именем Христовым, они приняли святую

веру и крестились. Обратив всех ко Христу, св. Нина направилась к югу Кахетии и там поселилась около селения Бодби. Устроив себе на склоне горы палатку, проводя дни и ночи в молитве пред св. крестом, — тем самым, который она получила из рук Богоматери, — св. Нина скоро привлекла к себе внимание окрестных жителей. Они стали постоянно собираться к ней, чтобы послушать ее трогательные поучения о Христовой вере и о пути к вечной жизни. В Бодби в это время жила царица Кахетии София. Однажды послушав св. Нину, она уже не хотела потом уходить от нее и скоро сама со всем своим двором и множеством народа приняла святое крещение.

Здесь, в Кахетии, св. Нина получила от Бога откровение о своей близкой кончине. Она тотчас же сообщила об этом царю Мириану. Святая призывала на него и на его царство благословение Божие и закончила свое письмо такими словами:

— Я, как странница, скоро оставлю этот мир и пойду путем отцов моих. Прошу тебя, царь, пришли ко мне епископа, чтобы приго-

товить меня к вечной жизни, ибо близок уже день моей смерти.

По прочтении письма царь, все вельможи его и духовный клир во главе с епископом поспешно отправились к умирающей. Они застали ее еще в живых, окруженной плачущим народом. Невыразимо трогательное то было зрелище: на постели из сухих листьев лежала святая подвижница и тихим, чуть слышным голосом, рассказывала, по неотступной просьбе своих учениц, о своем происхождении и своей жизни. Одна из учениц, едва удерживаясь от рыданий, записывала эту святую повесть. Святая Нина говорила:

– Пусть будет описана моя бедная и ленивая жизнь, чтобы она была известна и детям вашим, равно как и вера ваша и любовь, которою вы возлюбили меня. Пусть даже отдаленные потомки ваши знают о тех знамениях Божиих, которые вы удостоились видеть своими глазами... Мне уже недолго осталось быть с вами. Когда я умру, похороните меня здесь же, в этой убогой моей хижине, и пусть никто не думает, что я ушла от вас навеки, что остались вы сиротами.

Затем она благоговейно причастились спасительных Тайн Тела и Крови Христовых и с миром отошла ко Господу.

Тело Христовой благовестницы было погребено, по ее завещанию, на месте ее блаженной кончины и скоро прославилось многочисленными знамениями и чудесами. За эти знамения, за святую жизнь и апостольские труды Иверийская Церковь установила праздник святой Нины 14-го января и чтит ее как свою просветительницу.

Редкому народу пришлось на протяжении веков вытерпеть столько гонений за веру, как грузинам. Но никакие натиски магометан не сокрушили в нем того Православия, которое было насаждено там могучей духом христианской девушкой. И, наравне с чудными иконами, какими благословил Бог иверскую землю, и с мощами мучеников грузинских, хранится в Мцхете тот дивный крест, который Пречистая Дева Небесная вручила деве земной, посылая ее на неисполнимый, казалось, подвиг. В летописях христианских заметное место займут эти девичьи чистые мечты о хитоне Христо-

вом: юные мечты стали основой огромного дела всей жизни святой Нины, за которое она, наравне с другими немногими женщинами, получила имя «равноапостольной».

Но какова же судьба хитона Господня? Нашла ли его святая Нина? Видела ли она его?

Грузинское предание говорит, что светносный юноша, сказавший святой Нине три таинственных слова, открыл ей тайну святого хитона: уверил ее, что риза Христова действительно находится под корнем срубленного кедра. Так думают потому, что с этого времени святая Нина никогда уже не помышляла удалить корень кедра и открыть гроб Сидонии, равно как не искала и в другом каком-либо месте столь дорогого для нее хитона Господня.

Многие сотни лет прошли со дня кончины святой Нины. Живоносный столб продолжал источать благовонное миро: бесчисленные исцеления свидетельствовали, что благодать Божия не оставляет этого места. И только в XIII веке, когда, по воле Божией, хитон был вынут из земли, истечение мира прекратилось. Произошло это в тяжкие для всей Грузии годы

нашествия монголов. Около 1228 года полчища Чингисхана вторглись в Грузию и овладели ее столицей Тифлисом, предавая все огню и мечу. Затем они бросились на Мцхет, жители которого бежали в леса и в недоступные ущелья гор. Тогда один благочестивый человек, предвидя гибель Мцхета и не желая оставить на поругание святыню, открыл гроб Сидонии, вынул хитон Господень и передал его высшему архипастырю своей Церкви. Впоследствии (около середины XV века) он был перенесен в мцхетский собор, где и оставался до XVII века. В 1625 году Персидский шах завоевал Грузию и, чтобы угодить Русскому царю, защитнику Православия, послал ему в дар хитон Христов, положив его в золотой ковчег, богато украшенный драгоценными камнями. Благочестивый царь Михаил Феодорович, приняв этот великий дар, повелел устроить особое место в московском Успенском соборе, что в Кремле, и туда положить это бесценное сокровище. Сия святыня находилась там до самой революции 1917 года.

Житие преподобного Иоанна Кущника

Память его — 15/28 января

ного-много лет тому назад в Царьграде при дворе царском жил благородный вельможа по имени Евтропий с женой Феодорой. У них было три сына, из которых младшего звали Иоанном. С раннего возраста он выделялся своими способностями и удивительной кротостью характера. Его любимым

занятием было чтение священных книг и посещение церковных служб. Постепенно его сердце наполнилось такой любовью к Богу, что жить дальше в миру он не мог. Его потянуло в монастырь, где, как он слышал, время проходит в молитве и посте, в трудах и подвигах для спасения души.

Но как уйти из родительского дома, где его так любят, где только и мечтают видеть его на царской службе, окруженного почетом и славой?! Как найти такой монастырь, в котором можно было бы скрыться от мирской суеты и служить только Господу?!

Тут Сам Господь приходит Иоанну на помощь и посылает к нему инока из отдаленного монастыря. Сей инок загорелся желанием сходить в Иерусалим и поклониться святым местам. По дороге он зашел в Царьград и встретился там с Иоанном. Мальчик долго расспрашивал инока о монашеской жизни и тут же решил, что при возвращении инока в монастырь и он уйдет с ним.

Между тем, Иоанн, стараясь во всем жить по Евангелию, просит своих родителей пребре-

сти ему эту священную книгу, чтобы не только в церкви слышать отрывками слова Господа Иисуса Христа, но и постоянно иметь их с собою, как бы свидетелей своей жизни. Родители с радостью исполнили просьбу Иоанна: наняли искусного писца, изготовленный им список Евангелия украсили драгоценным переплетом и в таком виде подарили сыну. Не было границ радости Иоанновой. Не отрываясь от книги, он просиживал целые дни. Его душа полна была желанием нераздельно принадлежать Христу. Пред его глазами, как бы написанные огненными буквами, стояли слова Спасителя: «Если кто любит отца или мать больше, чем Меня, — недостоин быть Моим учеником».

Но вот приходит инок. Тайком оставляет Иоанн родительский дом, еще не зная, как тяжела ему будет эта разлука и сколько горя причинит он этим своим родителям.

После недолгого плавания по морю прибыли они — отрок Иоанн с иноком — к оби-

тели неусыпающих, где молитвы и псалмопения не смолкали день и ночь.

Видя крайнюю молодость Иоанна, игумен сказал ему:

— Сын мой! Не под силу будет тебе наше житие: трудны иноческие подвиги, изнурительны строгие посты... Поживи у нас, присмотришься, испытай себя...

Не дал окончить речи игумену блаженный отрок. Со слезами бросился к ногам его, умоляя не медлить с постригом. Игумен, тронутый усердием и слезами Иоанна, сжалился над ним и согласился принять его в число монахов. Иоанн, когда желание его, наконец, исполнилось, с ревностью устремился к иноческому житию. Исполнял все, что ему приказывали, с усердием и смирением и скоро достиг такого совершенства в добродетели, что стал примером для других в непрестанной молитве, в кротком послушании и терпеливом перенесении самого строгого поста. Часто он в течение многих дней ничего не вкушал, кроме пречистых Тайн Христовых, — и этим только поддерживал себя. Удивлялся Иоанну даже сам игумен и говорил ему:

– Сын мой! Смотри, как бы тебе не ослабеть телесными силами! Как бы тебе не расстроить здоровья; тогда не сможешь ты служить Господу нужным образом.

На это Иоанн, смиренно кланяясь игумену, отвечал:

– Прости, святой отец, меня, негодного раба, и помолись за меня, ленивого и малодушного, чтобы Господь помог моей слабости.

Прошло шесть лет такой жизни. От непомерных подвигов ослабел Иоанн душой и телом. И стали все чаще мучить его помыслы о родителях, о великой любви их к нему, о том, как он нехорошо поступил, тайком оставив родительский дом. Приходили на память братья, с которыми делил он в детстве часы досуга и детские игры. Вспоминалось богатство и почести, которыми они теперь окружены. Днем и ночью не давали покоя Иоанну эти воспомина-ния, так что он до крайности ослабел; тело его иссохло и сделалось слабее тростника, колеблемого ветром. Игумен, видя это, сказал ему:

– Не говорил ли я тебе, сын мой, что Бог не требует от нас непомерного труда, но хо-

чет, чтобы каждый служил Ему по силам своим. Ты не послушал меня в свое время — и вот ты теперь изнемог от неумеренного поста и от непосильных трудов.

— Не пост иссушил меня, отец мой, — отвечал Иоанн, — и не труды изнурили меня, но помыслы, внушаемые лукавым, мучают меня и днем и ночью в течение уже долгого времени.

При этом Иоанн признался игумену, какого рода помыслы терзают его. Заплакал игумен от жалости к Иоанну и, по внушению Божию, решил не препятствовать ему вернуться к своим родителям.

Недолги были сборы в путь и состояли не в чем другом, как только в молитвах, поклонах и слезах. Придя на другой день к игумену, Иоанн пал к ногам его и умолял не гневаться за уход из монастыря, но благословить и проводить с молитвами.

Прощаясь с иноками, Иоанн говорил:

— Знаю, что дьявол хочет совсем удалить меня из этого святого места под предлогом свидания с родителями. Но я надеюсь на Бога и на ваши святые молитвы. Они помогут

мне и с родителями увидеться, и дьявола победить. Вас же, отцы и братия, принявших меня в свою святую семью, которой теперь лишаюсь по своему недостойнству, да спасет Господь Бог.

С этими словами он вышел из монастыря. Отойдя на некоторое расстояние, Иоанн оглянулся и, увидев обитель, горько заплакал. Упал на землю и, орошая ее слезами, стал молиться Богу. Потом, вставши, снова пошел, поручая себя Богу и возлагая надежды на Его покровительство.

Был вечер, когда Иоанн достиг Царьграда. Увидев издали родительский дом, он упал лицом на землю и застонал:

– Господи Иисусе Христе, не оставь меня!

В полночь же, подойдя к своему дому, снова пал на землю и молился:

– Господи Иисусе Христе! Вот дом отца моего, видеть который я так желал. Но непусти мне лишиться из-за него Твоей благодати. Молю Тебя, Владыко, даруй мне помощь свыше и силу победить дьявольское искушение; не дай ему восторжествовать на-

до мною, но помоги мне доблестно окончить на этом месте жизнь свою.

Так он молился всю ночь до рассвета.

С наступлением дня открылись двери, и вышел управитель дома. Увидев Иоанна, он принял его за нищего и приказал ему уйти прочь, так как вскоре должны выйти из дому господа его.

— Как видишь, — кротко сказал ему Иоанн, — я — нищий, не имею, где приклонить головы; прошу тебя, господин мой, сжался надо мною, не гони меня отсюда: я никому не сделаю зла.

Спустя немного времени вышли из дому и родители Иоанна. Увидев их, он заплакал и так говорил сам себе:

— Вот, Иоанн, желание твое исполнилось. Но если ты откроешься, и они введут тебя в дом, и ты снова станешь жить мирской жизнью, забыв свои монашеские обеты, то погибнет душа твоя.

И он снова от всей души воззвал к Богу:

— Господи Иисусе Христе, не оставь меня до конца!

Блаженный Иоанн стал жить у ворот родителей своих не узанный никем. Отец его, видя лежащего у ворот бедного нищего, начал посылать ему кушанья со стола своего, говоря:

– Какое терпение у этого нищего! Он переносит холод, жару и непогоду, оставаясь без крова круглый год. Кто знает, может быть, такую же нищету терпит и наш любимый сын Иоанн, о котором мы даже не знаем, где он. Ради этого несчастного, которому мы оказываем милость, может быть, Господь и нас спасет, раз мы делаем этому нищему то самое, чего желали бы своему сыну от других.

Так говорил благородный Евтропий. А жена его, наоборот, совсем не жалела нищего. Увидев его однажды, лежащего в лохмотьях на куче мусора, она сказала слугам:

– Уберите отсюда это противное существо: не хочу видеть этого безобразия!

И слуги оттащили Иоанна подальше от дома. Управитель же дома, сжалившись над несчастными, построил, по просьбе его, небольшой шалаш (кущу), в которой святой и стал

жить. Отец продолжал посылать ему пищу со своего стола, а он отдавал ее другим, таким же нищим, как и сам, оставаясь голодным целыми днями. В течение трех лет Иоанн вел такую жизнь, не открывая никому своей тайны. Укрывшись в куще от взоров людских, он проводил дни и ночи в молитве. Особенно горяча была его молитва о родителях.

— Господи Боже мой, — взывал блаженный, — помилуй моих родителей и очисти грехи их!

По прошествии трех лет Господь открыл Иоанну, что близок конец его трудам и терпению. Тогда святой попросил управителя дома позвать к нему госпожу его.

Та же сказала:

— Что ему от меня надо? Я и смотреть-то на него не могу, а он еще и беседовать хочет со мною.

Но когда она рассказала об этом мужу, тот стал уговаривать ее:

— Иди, жена моя, не гнушайся нищим, ибо Сам Господь избрал нищих и назвал их блаженными.

Тут мать Иоанна стала колебаться; и скорее из любопытства, чем из послушания мужу, согласилась, чтобы к ней привели нищего.

— Скоро, госпожа моя, — начал свою речь Иоанн, — я перестану нуждаться в вашей помощи и приюте; вам за это уготована награда, по слову Христову: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Тебе, госпожа, хотел бы я оставить нечто на память, но прежде — умоляю тебя — обещай мне, что исполнишь мою просьбу, и тогда получишь благословение.

Она обещала. Тогда блаженный Иоанн стал просить похоронить его на том месте, где стоит его куща, и не покрывать никакими другими одеждами, кроме тех рубищ, что сейчас на нем. После этого он протянул ей Евангелие со словами:

— Пусть эта святая книга будет тебе утешением в настоящей жизни и добрым путем в вечность!

Взяв Евангелие, она стала рассматривать его со всех сторон, думая про себя:

Праведный Иоанн, незнанным поселившийся возле дома родителей под видом нищего, протягивает своей матери Феодоре Евангелие, подаренное ему в детстве отцом.

– Как это Евангелие похоже на то, которое муж мой подарил нашему сыну!

Потом она показала его своему мужу. Оба они вернулись к Иоанну и заклинали его сказать, откуда он взял это Евангелие и не знает ли он чего об их сыне.

Будучи не в силах скрывать более муку своего сердца и удерживаться от слез, Иоанн воскликнул:

– Я — ваш сын Иоанн, и это — то самое Евангелие, которое вы мне подарили. Я, правда, виноват в причиненной вам скорби, но ваше Евангелие научило меня любить Христа больше всех и терпеливо нести Его благое иго.

Услышав это, Евтропий и Феодора припали к изголовью своего сына, обнимали его и орошали обильными слезами. Велика была их радость, что нашелся, наконец, их любимый сын. Но и не меньшей была скорбь от того, что в течение трех лет они смотрели на собственного сына как на нищего, гнушались им и оставляли лежать у ворот в нищете и убожестве.

Зато, когда они похоронили Иоанна на том самом месте, где он завещал, то выстроили над гробом его церковь и большой странно-приимный дом, отдав все свое богатство на содержание странников и пропитание нищих.

«Блажен, кто печется о нищем и убогом: в день бедствия избавит его Господь» (Пс. 40, 1).

Святой мученик Никифор

Память его — 9/22 февраля

сли кто говорит, что он любит Бога, а брата своего ненавидит — тот лжец (1 Ин. 4, 20).

Правду этих апостольских слов мы лучше всего поймем, когда прочтем житие св. мученика Никифора. Был у него друг — священник, именем Саприкий, с которым у Никифора была такая

дружба, что все изумлялись и даже считали их родными братьями. Не проходило дня, чтобы они друг с другом не виделись; при встрече смотрели друг на друга с любовью, и каждый хотел сделать что-нибудь приятное для другого. Казалось, что только смерть может разделить их.

Но как в раю дьявол позавидовал счастью первых людей и толкнул их на грех, так и здесь — после многих лет крепкой дружбы у Никифора с Саприкием, по наущению дьявольскому, возникла вражда. Никто из них не мог сказать, с чего она началась, только перестали они ходить друг к другу. А когда случайно встречались, то отворачивались, избегали взаимных поклонов и всюду друг про друга говорили плохие слова. Одним словом, они возненавидели друг друга с такой же силой, с какой раньше любили.

Прошло довольно много времени. Никифор начал думать о примирении и стал подсылать к Саприкию своих друзей.

— Прости его, — говорили они Саприкию, — видишь, как он жалеет и раскаивается во всем, что случилось!

Но Саприкий не хотел и слышать о примирении.

И еще два раза посылал к нему Никифор своих друзей все с той же просьбой о прощении, но Саприкий оставался неумолим. Хотя он и знал слова Христовы: «остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», но как будто они не для него были написаны.

Никифор же, скорбя о потерянной дружбе, решил сделать последний шаг. Пошел к Саприкию, поклонился ему до земли и сказал:

— Прости меня, отче! Прости ради Христа!
И заплакал.

Но Саприкий даже не взглянул на него. Ни земной поклон, ни слезы не тронули его черствого сердца. Казалось, что в нем не осталось и тени прежней привязанности к Никифору.

В это время вспыхнуло гонение на христиан. Саприкий был схвачен и представлен на суд игемона.

— Ты христианин?
— Да.
— Ты клирик?

– Да, я — пресвитер.

– Император повелел, чтобы христиане принесли жертвы богам. Ты принесешь?

– Нет! Разве ты не знаешь, о игемон, — воскликнул Саприкий, — что есть один истинный Бог, Творец неба и земли, моря и всего, что в нем, а ваши боги — бесы?

В ответ на эти слова игемон велел растянуть Саприкия и безжалостно мучить. Но какие ужасные пытки ни применяли к нему, он оставался непреклонен и только говорил:

– Над моим телом вы имеете власть, но не над душой. Владыка моей души — Господь Иисус Христос, создавший ее. И я Ему пребуду верен.

Сколько после того ни мучили Саприкия, он все вытерпел мужественно и не отрекся от Христа. Видя его твердость, игемон произнес ему смертный приговор.

В то время как Саприкий шел на казнь, Никифор, уже считая его мучеником за Христа, бросился к нему навстречу и сказал:

– Мученик Христов, прости меня: я согрешил пред тобою!

Св. Никифор просит прощения у Сатрикия.

Но не было на эту смиренную просьбу никакого ответа.

Через какое-то время блаженный Никифор снова припал к ногам Саприкия и умолял его о прощении:

– Мученик Христов, прости меня, в чем я согрешил против тебя как человек! Вот, на тебя нисходит с небес венец мученичества. Неужели ты не пожалеешь меня в эту минуту!

И на это не было ответа.

Саприкий, закаменевший в своем ожесточении, даже не повернулся в сторону Никифора. Видя эту сцену, мучители удивлялись и говорили Никифору:

– Такого странного человека, как ты, мы никогда не видели. Зачем ты просишь прощения? Разве он после смерти может тебе чем-нибудь повредить? И зачем тебе нужно примирение с тем, кто сейчас умрет?

На это святой Никифор ответил:

– Не знаете вы, чего я прошу у исповедника Христова, а Бог знает.

Когда же пришли они на место казни, то Никифор еще раз обратился к Саприкию:

– Молю тебя именем Христовым, за Которого ты страдаешь, прости меня! Господь сказал: «просите — и дастся вам», — и вот я умоляю тебя последней просьбой: «дай мне прощени!» Неужели ты, идя ко Христу, не хочешь исполнить Его слово?!

Но Саприкий остался и на эту слезную мольбу глухим, как аспид.

И тогда Господь лишил его благодати Своей, которая до сих пор помогала ему терпеть мучения и оставаться верным Христу.

Когда мучители велели Саприкию стать на колени и приготовиться к отсечению главы, он воскликнул:

– Не убивайте меня, я готов поклониться богам и принести жертву.

Слыша эти слова из уст своего друга, Никифор вскрикнул:

– Не делай сего, о возлюбленный брат! Вот, Владыка Христос нисходит с небес, чтобы принять твою душу, увенчать ее знаком победы и ввести в жизнь вечную!

Саприкий остался нем и на эти слова своего друга. Одно мгновение — удар меча — отде-

ляло его от вечной жизни, но, лишенный помощи Божией за свое жестокосердие, он потерял мужество, принес жертву идолам и погиб для жизни вечной.

Святой же Никифор, видя что Саприкий совершенно отпал от веры и отрекся от Христа Господа, начал громким голосом взывать к мучителям:

— Я христианин! Я верую в Господа Иисуса Христа, от Которого отвергся Саприкий; итак, казните меня вместо него!

Услышав это, игемон приказал Саприкия отпустить, а Никифора вместо него усечь мечом.

Так святой мученик умерщвлен был за Христа и, радуясь, отошел ко Господу, дабы приять от Него венец победы и предстать Ему в лике святых мучеников, славящих Отца и Сына и Святого Духа, единого в Троице славимого Бога, Ему же подобает честь и поклонение ныне и в бесконечные веки.

«Если семь раз в день согрешит против тебя брат твой и семь раз в день обратится и скажет: каюсь; прости ему» (Лк. 17, 4).

Сказание о святом Герасиме

Память его — 4/17 марта

ного лет тому назад жил один старый монах по имени Герасим. Всю жизнь свою Герасим провел в молитве, посте и трудах и к концу жизни своей достиг великой святости. Имел жалость к зверям, был милосерд к людям, но больше всего на свете он любил Бога.

Чтобы всегда иметь память о Нем в своем сердце, он решил поселиться в той далекой палестинской земле, по которой когда-то ступали пречистые ноги Господа Иисуса Христа.

Покинув свой родной город в Малой Азии, он поселился недалеко от Иерусалима, за рекой Иорданом, в пустыне.

Днем пустыня была сухая и знойная, точно вся золотая от раскаленного на солнце песка, а ночью спускалась прохлада, и яркие крупные звезды сияли над спящей землей.

Тихо было в пустыне, безлюдно. Изредка только пройдет караван верблюдов с товарами да пробежит за добычей шакал или лев.

Герасим построил себе малую келью в пустыне и днем работал в ней — плел на продажу из пальмовых веток корзины, а по ночам молился Богу, один, в тишине.

Скоро молва о его святой жизни разошлась кругом по окрестности, и стали к нему приходить издалека другие монахи, чтобы вместе с ним жить, молиться Богу и работать. Так вокруг старца собралось до ста монахов.

Герасим построил для них монастырь на горе, среди пустыни, недалеко от реки Иордана. Монахи занимались плетением корзин, которые носили потом продавать в Иерусалим.

Герасим купил им также осла, на котором носили воду в бочонках из Иордана.

В монастыре скоро стало мало места монахам и начали они, по примеру Герасима, ставить себе кельи в самой пустыне.

По воскресеньям за литургией все причащались пречистых Христовых Таин, услаждались беседою старца и вместе делили трапезу. После трапезы, взяв с собою на неделю немного воды и малую толику хлеба, они расходились по кельям в пустыню для подвигов веры, труда и молитвы. Жили все дружно, в любви и согласии и брали со старца пример для жизни, Богу угодной. Старец же все более возрастал и укреплялся в любви Божией и достиг такой святости, что не только люди его почитали и учились у него прилежанию, смирению, любви и терпению, но и звери ему подчинялись и слушались его, как когда-то Адама в созданном Богом раю.

Шел однажды Герасим по Иорданской пустыне и видит: лежит перед ним, растянувшись на раскаленном песке, огромный лев. Присмотрелся старец позорче, придвинулся ближе к зверю, а лев и не движется, грустно глядит на Герасима, поднял с трудом переднюю лапу и протянул ее к старцу, точно его о чем умоляя. Опустился Герасим на песок, осмотрел внимательно львиную лапу и видит, что в нее вонзился огромный шип и что вся она распухла и загноилась.

Старец очистил рану, вынул шип, обвязал лапу куском полотна. А лев кротко смотрел на Герасима, благодарно лизал ему руки, не умея словами выразить ему своих чувств.

С тех пор лев не покидал старца, принимал пищу из его рук и ходил за ним, как верный ученик, и все вокруг дивились благодарности зверя.

— Пусть будет он в числе нашей братии, — решил старец, — пусть вместе с нами несет послушание монастырское.

И поручил ему старец охранять осла, который носил для монастыря воду из реки Иордана, а когда осел пасся на берегу, лев должен был сторожить его.

Но случилось однажды, что лев отошел от осла и уснул, разморенный солнцем. Шел в это время мимо караван верблюдов из Аравии. Увидели погонщики осла одного и увели за собой.

Вернулся лев с понурым и виноватым видом вечером в обитель один.

— А где же осел? — спросил его старец.

Лев еще более понурил голову, точно прося у старца прощения. Старец подумал, что лев съел осла, и строго сказал:

— Раз нет теперь у нас осла, то ты будешь делать для обители то, что делал он.

И стали с тех пор навьючивать на льва, как прежде на осла, бочонки и посылать его на Иордан за водой, и лев покорно исполнял эту работу и безропотно нес свое новое послушание.

***Лев, спасенный старцем Герасимом,
возвращает украденного купцами осла.***

Через некоторое время купец из Аравии, уведший осла, вновь проходил с караваном верблюдов, нагруженных товарами. С ними был и осел. Случайно на берегу Иордана им встретился лев. Увидев осла, лев тотчас узнал его и бросился к нему. Купец и его спутники, заметив льва, в страхе разбежались в разные стороны. А лев, схватив осла за повод, как делал это прежде, повел его вместе с привязанными один за другим верблюдами к старцу в обитель. Громким ревом и рыком выражал он притом свою радость, что нашел потерянного осла.

Увидев его, ведущего гордо за собой караван нагруженных верблюдов, а за ними — осла, старец тихо улыбнулся и сказал удивленной этим зрелищем братии:

— Напрасно мы бранили льва, думая, что он съел нашего осла. Лев неповинно понес наказание. Зверь бессловесный, а людям подает пример послушания.

С тех пор старец Герасим и лев еще больше привязались друг к другу. И прожил так лев около пяти лет, не отлучаясь из монастыря.

Когда старец Герасим скончался и был погребен братией около церкви монастырской, льва в это время не оказалось в обители. Пришел он лишь через несколько дней и начал искать старца. Увидев льва, монахи сказали ему:

– Нет нашего старца, отошел ко Господу!

Стали монахи давать ему пищу, чтобы хоть этим утешить его. Но лев пищи не принял, озирался кругом и скорбно рычал. А монахи, глядя его по спине и жалея, все повторяли:

– Нет нашего старца, оставил нас сиротами.

Лев же все больше печалился, все громче ревел, точно плакал. Тогда старший из братии сказал:

– Ну вот, ты не веришь, что ушел от нас старец. Так иди с нами, мы покажем тебе место, где он теперь лежит.

И пошли с ним к гробнице. Преклонив колени, стали монахи плакать и громко скорбеть, потому что очень любили старца и жалели о кончине его. Услышав их плач, и лев протяжно и громко завыл. Лег потом на гробницу, испустил в последний раз сильный рык и сдох.

Сильно жалели о нем монахи и не знали, чему больше дивиться: праведной ли жизни и кончине старца или благородству и преданности его верного льва.

Вольную жизнь лев променял на ярмо, и просторы пустыни — на общество старца. Трудился и жил для него и самую жизнь свою принес к его гробу. И прославили монахи Бога, открывшего им дивную тайну Своей любви, в которой слиты единой связью и человек, и зверь, и вся природа.

И увидели они славу Божию, сияющую над миром, и льва, словно ягненка, лежащего у ног человека.

**Святой Алексий —
человек Божий**

Житийное сказание в стихах

Память его — 17/30 марта

*В дни кесарей великих в древнем Риме
жил кесарский сановник именитый,
Благочестивый муж Евфимиан,
с женой благочестивой Аглаидой.
Уж много лет они счастливо жили
В согласии, богатстве и почете;
Господь их всем благословил всещедро,*

*Лишь одного не даровал им блага —
Не посылал им чад, давно желанных.
И много лет молилась Аглаида,
Чтоб разрешил Господь ее неплодье,
Чтобы детище им милое послал
На украшенье жизни одинокой
И на подпору в старости грядущей.
И услышал Господь ее молитву
И даровал им сына — и супруги
Исполнились радостью великой,
И плакали, и Бога прославляли,
И нарекли младенца Алексием.*

*Стал подрастать младенец Алексей
Стал отроком прекрасным, кротким, тихим;
Не по летам он разумом был мудр
И к книжному ученью прилеплялся.
И возлюбил он с самых ранних лет
Храм Божий, и божественные книги,
И клиросное пенье, и молитву,
И детскую казну свою тайком
Стал расточать на помощь нищей братье.
Прошли года, возрос он, возмужал.
Родители, с любовью радея
О счастье единственного сына,*

Нашли ему достойную невесту
Из царственного, кесарского рода,
Прекрасную лицом, умом и сердцем,
И обручили с нею Алексия,
И в церкви Божьей честно повенчали.
Стыдливый взор склонивши боязливо,
Недвижно новобрачная сидела.
И подошел к ней тихо Алексий
И, сняв с перста свой обручальный перстень,
Он с кротостью во взоре ей сказал:
«Возьми свой дар! Пусть будет между нами
Стоять незримо ангельская сила
И для иных даров нас сохранит:
Для оных дней, когда преобразимся
И разумом, и сердцем, и душой,
И презрим мир, и горних взалчем благ».

Сказав сие, он вышел из ложницы
И, выждав час, когда забылись сном
Отец, и мать, и слуги, и привратник,
Покинул дом родительский украдкой,
Оставил Рим и, продолжая путь,
Он на корабль с молитвою взошел
И с кораблем приплыл в Лаодикию.
Не отдохнув от дальнего пути,

Возвращение св. Алексия в Рим.

*Уж в новый путь пошел убогий странник
И прибыл он во град святой Эдессу;
И с той поры на паперти церковной
Он пребывал в молитве непрестанной,
Меж нищими питаясь подаяньем.
И много лет в молитве и посте
Он у дверей церковных оставался.
И раздавал он щедро нищей братье
Все, что ему давали Христа ради;
Питался он все дни единым хлебом
И жажду лишь водою утолял;
Во всем свои желанья подавляя,
И хлеба он досыта не вкушал,
И даже сном он забывался редко,
Молитвою дремоту прогоняя.
А той порой в дому Евфимиана
Печаль и плач всечасно обитали;
Никто не знал, что случилось с Алексием.
И долго ждал его Евфимиан
И разослал рабов по разным странам
Искать его... Пришли они в Эдессу,
И видели не раз там Алексия,
И за себя просили помолиться,
И милостыню подали ему,
Но в страннике согбенном ни один*

*Не мог признать святого Алексея.
В обратный путь отправились рабы
И в Рим пришли с нерадостною вестью:
Поведали они Евфимиану,
Что Алексей нигде им не встречался,
Что и следов его нигде не видно.
И стал еще печальнее отец,
А мать, сорвав с себя все украшенья,
Вся в черную одежду облеклась,
И приняла она обет суровый
Не оставлять печальную одежду
И за порог ложницы не ступать,
Пока к ним в дом их сын не возвратится.
Тогда пред ней простерлась со слезами
Несчастливая невеста Алексея:*

*«Молю тебя, — она ей говорила,
Позволь ты мне от нынешнего дня
С тобой в одном покое поселиться
И горькую печаль с тобой делить!»
И с той поры остались неразлучны
Вдова и мать — и вместе слезы лили,
Беседуя о милом Алексии.
А он меж тем усердно, неустанно
В трудах своих великих подвизался.*

*И стали все трудам его дивиться
И чтить его подвижником святым.
И разнеслась молва о нем далеко:
Из ближних стран, из дальних городов
Народ к нему стекался повседневно;
Во прах пред ним склонялися главой
Сановники и знатные вельможи,
И богачи дары ему несли,
И многие из жен благочестивых
Стопы его лобзали с умилением.
Но Алексий, в смиренье тверд и крепок,
Не обольстился славою людской.
И вышел он украдкой из Эдессы,
Как некогда из Рима, — и прошел
Дамаск и Тир, и в дальней Кесарии
Обрел корабль, в Египет снаряженный,
И, помолясь, пустился в дальний путь.
Попутный ветер тихо веял в парус,
И плыл корабль два дня благополучно.
На третий день вдруг буря поднялась,
И черной тучей небо все покрылось,
И ветер заревел, и море вздулось,
И затрещали снасти, и корабль
По сторонам метался — падал в бездну,
Всплывал наверх и снова опускался.*

*И кормчий, путь в испуге потеряв,
Пустил корабль идти по воле Божьей,
И долго по неведомым водам
Корабль носился. И в великом страхе
Молились люди, смерти ожидая.
Вдруг в сторону корабль рванулся с треском
И потянулся медленно и тихо,
Как будто шел он по песку морскому,
И, покачнувшись, стал, как на мели.
И Алексий, и кормчий, и все люди
Не ведали, что с ними, где они,
Что Бог им дал — спасенье иль погибель.
Все стали ждать рассвета. Рассвело.
Глядят: корабль в реке остановился.
И вдаль взглянул невольно Алексий.
И перед ним предстал из-за тумана
Великий град — необозримый, пышный,
И благовест от города несется...
И Алексий смотрит, очам не верит,
Узнал он свой родимый город Рим.
И слезы полились из глаз обильно,
И зарыдал отшельник, как дитя,
Родимые места свои увидев.
«Так Господу угодно, — он сказал, —
Чтоб в отчий дом теперь я возвратился*

*Для новых испытаний и трудов.
Да будет же Его святая воля!»*

*Вошедши в Рим, в виду родного дома
Он повстречал отца с толпой прислуги.
«Брат во Христе, воззри ты милосердно
На странника, живущего без крова,
Дай угол мне в твоём дворце просторном.
Там буду жить, питаясь от крупниц,
Спадающих от трапезы обильной.
Будь милостив! Тебе Господь воздаст
Сторицею и в той, и в этой жизни!
И если кто из сродников твоих
Или друзей, в чужой земле скитаясь,
Останется без пищи и без крова,
Господь пошлет ему и кров, и пищу.
И странника чужие люди призрят,
Как призришь ты здесь странника — меня».
Слова сии отозвались глубоко
В душе отца: о сыне вспомнил он
И к страннику с любовью обратился:
«Иди в мой дом, — сказал он Алексию, —
Рабы тебе обитель отведут,
В ней навсегда ты оставайся с миром
И пищею одной со мной питайся».*

*И отвели рабы ему приют
В привратничьей, давно забытой клетки,
В полуразрушенной, и ветхой, и сырой;
И Алексей в той клетки поселился.
Стал посылать ему Евфимиян
От трапезы своей роскошной яства,
Но Алексей питался только хлебом
И раздавал другие яства нищим.
Тогда ему предстали испытанья:
Стал ненавистен он рабам своим,
И всячески они над ним ругались,
И били, и в лицо ему плевали,
И на главу его помои лили,
И все сносил без гнева Алексей.*

*Так жил он долго в келии своей,
Незнаемый никем, терпя обиды,
И, наконец, исполнилася мера:
Суровый пост и тяжкие труды
Плоть брENNую, осилив, сокрушили —
И посетил его недуг великий.
Заслышал он кончины приближенье
И, вымолив у старшего раба
Трость для писанья, хартию, чернила
И описав все житие свое,*

*Он стал творить последнюю молитву;
И по молитве долгой и усердной
Возлег на одр, взял хартию в десницу
И возведя с любовью очи к небу,
Преставился.*

*В то время патриарх
Пред кесарем, при множестве народа
Сам совершал в соборе литургию.
И вдруг среди молитвенного пенья
Над алтарем раздался некий глас
И возвестил всем предстоящим людям,
Что в этот миг в сем царствующем граде
Отходит праведник великий в лоно Божье.
И всех объял благоговейный страх.
И с плачем все молились, да откроет
Всевышний им, где праведник почил.
И снова глас над алтарем пронесся
И указал на дом Евфимиана.
Тогда сам царь державный, и народ
И патриарх, и сонмы иереев —
Все в полном облачении церковном —
С кадилами, с горящими свечами,
И с пением, и с колокольным звоном
По стогнам Рима шествие свершая,*

Пришли во двор палат Евфимиана.
Завидев и царя, и патриарха,
Евфимиан их встретить поспешил
И, вестью чудесной изумлен,
Он созвал всех рабов и домочадцев
И спросил, не знают ли они,
Кто, жизньнюю высокою известен,
В дому его преставился в сей день?
И долго все молчали. Наконец,
Старейший раб, об Алексии вспомнив,
Все рассказал, что знал он о пришельце,
Который жил в гнилой и ветхой клети:
О том, как он постился и молился
И как сносил побои и обиды.
И потекли и царь, и патриарх
Вслед за рабом в обитель Алексия.
Отверзли дверь — и разлилось далече
От праведных мощей благоуханье.
И повелел владыка-патриарх
Одр отыскать в дому Евфимиана
Роскошнейший и самый многоценный,
Покрыв парчой, среди двора поставить
И возложить на нем святые мощи.
Исполнили веленье патриарха.
Тогда, крестом трикраты осенясь,

Взял хартию из длани Алексия
Святой отец и прочитал пред всеми
Безвестного пришельца житие.
И возрыдал Евфимиан несчастный,
Уразумев, кто был почивший странник.
И пал пред ним и горько возопил:
«О, горе мне несчастному, о, горе!
Когда б я знал, что ты — мой сын любезный,
Не жил бы ты в хлевине мрачной, смрадной,
Ты б не терпел обид и поруганий!»

Так говорил Евфимиан, и вдруг
Вопль из толпы отчаянный раздался.
Все вздрогнули — то был ужасный голос,
Плач матери, все в жизни потерявшей:
«Пустите, люди добрые, пустите!»
Она к толпе взывала в исступленьи.
«Раздайтесь, дайте матери дорогу,
Взглянуть хоть раз на сына мне дозвоьте!»
Толпа пред ней раздвинулася вмиг.
И, вся в слезах, в растерзанной одежде,
Предстала мать, дрожа и задыхаясь.
И, увидав труп сына бездыханный,
Вдруг вскрикнула пронзительно она
И, жалобно стенья, к нему взывала:

*«Ах, сын мой несравненный, ненаглядный,
Дитя мое родное!.. Алексей!*

*Что сделал ты со мною, безутешной,
Зачем ты мне при жизни не открылся?
Как сердце не почувало мое,*

Что от меня так близко-близко ты?!»

*И вот, давно стоявшая в молчанье,
Приблизилась походкою неспешной
Прекрасная и верная невеста*

И тихо плача, говорила:

*«Когда бы прежде я узнать могла,
Что это ты — супруг мой, господин мой,
По ком так горько плакала и плачу,
Утешилась бы я в моей печали;
К тебе бы каждый день я приходила
И тихо-тихо, притаив дыханье,
Склонившись в прах и умилясь душой,
Молилась бы с тобою, преподобный!»*

*Внимая плачу горестной семьи,
Все плакали — и патриарх, и кесарь,
И весь народ, толпившийся кругом.
Когда же стихли вопли и стенанья,
То патриарх и царь благочестивый
На рамена свои подняли одр,*

Где почивало праведника тело,
И понесли торжественно по Риму
И с пением пред церковь соборной
На площади Народной опустили,
Дабы возмог свободно весь народ
К святым мощам устами приложиться.
И к площади весь потянулся Рим,
И с рвением великим все стремились
Угоднику святому поклониться.
И многие, недужные, слепые
Мгновенно исцелялись, прозревали,
К его святым останкам прикоснувшись.
И целую неделю денно-нощно,
От утренней зари и до вечерней,
Была полна вся площадь городская.
В восьмой же день святейший патриарх,
При кесаре, над телом, всенародно
На площади литию отслужив,
Так возгласил с высокого амвона:
«Державный кесарь и народ весь римский!
Мы ныне все свидетелями были
Чудес великих, въяве совершенных
Останками честными Алексия!
Велик Господь! Он Своему рабу
Открыл тщету и тлен всего земного

*И дух его к небесному направил,
И Алексий, отвергнувшись князя мира,
Всем сердцем и душой отдавшись Богу,
Воистину стал Божьим человеком.
И был он мал и нищ здесь на земле,
Но стал велик и славен после смерти,
Зане Господь к Себе его приял
И одарил сокровищем нетленным
На небесах, а на земле пред нами,
Нам, грешным, в назидание святое,
Он осиял его великой славой.
Итак, мы все, собравшиеся здесь,
Державнейший Гонорий, кесарь Август,
И я, смиренный пастырь Иннокентий
И, Божьей милостью, первосвященник Римский,
И православный весь народ, здесь суций,
Все признаем, что праведно почивший
Новопреставленный раб Божий Алексий
Достоин быть причислен в лик святых
Святой апостольской соборной Церкви».
«Аминь!» — провозгласил державный кесарь,
«Аминь, аминь!» — за ним народ воскликнул.*

«Аще кто любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин» (Мф. 10, 37).

Страдания святых мучеников Хрисанфа и Дарии

Память их – 19 марта/1 апреля

третьем веке, когда жестоко преследовали христиан, один знатный человек по имени Полемий приехал из Александрии в Рим для воспитания сына своего Хрисанфа. В Риме его приняли с почетом, и император дал ему звание сенатора. Молодой Хрисанф стал учиться у знаменитейших учите-

лей и, будучи от природы весьма способным, быстро успевал во всех науках и был очень прилежен к чтению книг. В числе прочих книг попало Хрисанфу и святое Евангелие, которое он прочел со вниманием. Это чтение сильно подействовало на душу юноши, и он стал усердно изучать слово Божие. Доверие его к прежним учителям поколебалось; он понял, что кто не знает Христа, тот еще ничего не знает, тот еще блуждает во тьме, ибо без Христа все мы, как овцы, не имеющие пастыря. И стал Хрисанф искать себе учителя, который наставил бы его в законе Христовом. Вскоре ему удалось познакомиться с христианским отшельником, который жил в уединенном месте и проводил время в посте и молитве.

Старцу-отшельнику очень понравился Хрисанф. С большой любовью он встречал всегда молодого человека, который напоминал ему того евангельского юношу, что спрашивал у Спасителя, какую жизнь ему вести, чтобы спастись. У Хрисанфа было тоже сильное желание знать такой путь жизни, который бы привел его ко спасению.

Многие юноши живут, не задумываясь над тем, для чего им дана жизнь и чем она кончится. Но не таков был Хрисанф. Он при первой же встрече со старцем-отшельником стал спрашивать его о том, что будет с человеком после смерти и неужели будет одна судьба для добрых и для злых, почему между людьми одни живут в полном довольстве, а другие — в бедности и отчего так много зла на земле?

Святой отшельник на все эти вопросы ответил Хрисанфу длинным рассказом. Он говорил ему о сотворении мира Богом, когда все было «добро зело»; о грехопадении первых людей, о болезнях и страданиях, которые вошли в мир из-за греха Адама и Евы. Потом он рассказал Хрисанфу о Христе Иисусе, Который, будучи Сыном Божиим, сошел на землю и научил людей верить, что они дети Божии, что Бог любит праведников, а грешников жалеет и не хочет, чтобы кто-либо из них погиб, но чтобы все покаялись и спаслись. Еще рассказал, что всякому верующему в Иисуса Христа — Сына Божия дается надежда воскреснуть и царствовать со Христом вечно.

Убедившись, что Хрисанф искренно уверовал во Христа, отшельник крестил его во имя Отца и Сына и Святого Духа. Из купели крещения вышел Хрисанф обновленный духом и полный любви к Богу. Он действительно отрекся от сатаны и всех дел его и соединился со Христом.

Хрисанф стал новым человеком. Когда его звали пойти в языческий храм, он отказывался и говорил:

– Что мне там делать?

Когда его приглашали разделить товарищескую пирушку, он отвечал словами апостола Павла: «Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд!» Всюду, где ни заходила речь о почитании богов, Хрисанф смело говорил, что идолы не боги, что это бесы и что он, как христианин, никогда не согласится принести им жертву. Это дошло до родственников его и сильно встревожило их.

– Смотри, что делает сын твой, — говорили они Полемию, — о, как бы не взыскали с тебя за его вину. Он хулит богов и говорит, что какой-то Иисус Христос есть истинный Бог. Если

царь узнает об этом, не спасишь тебе от его гнева, потому что хулящий богов противится царю.

Полемий встревожился. Он призвал сына и стал убеждать его держаться прежних богов и не менять их на Христа. Видя, что слова его бессильны, он решился прибегнуть к мерам строгости: он запер Хрисанфа, надеясь лишениями и заключением отклонить его от святой веры. Но эта мера ни к чему не привела; напротив, в уединении Хрисанф еще усерднее предался молитве. Тогда родственники сказали Полемию:

— Что ты делаешь? Ты этим средством не отворишь сына от христианской веры. Христиане не боятся мучений и темницы: они охотно переносят страдания за Бога своего, а гонения еще более воспламеняют их усердие. Ты лучше окружи Хрисанфа роскошью и удовольствиями; среди радостей мира он скорее забудет Бога своего.

Полемий послушался совета. Он богато украсил дом свой, освободил Хрисанфа из заключения и окружил его всеми удовольствиями,

какие только мог придумать. Целый день музыка и пение не умолкали в доме, наполненном молодыми людьми и девицами. Столы были уставлены роскошными блюдами и дорогими винами. Одним словом, приняты были все меры, чтобы развлечь юношу и привить ему любовь к наслаждениям. Но юный Хрисанф не поддавался искушениям, просил у Бога помощи, и Бог помог ему устоять против соблазна и сохранить чистоту души и твердость веры.

Отец его в отчаянии уже не знал, что делать. Тогда друзья сказали ему:

– Есть в храме богини Минервы молодая девица Дария; она необыкновенно красива и умна; обручи ее сыну, и она сумеет обратить его к богам.

Полемий попросил родственников своих сходить к Дарии и уговорить ее выйти замуж за Хрисанфа. Дария согласилась и переехала в дом Полемия, который со слезами упрашивал ее спасти его сына.

Дария была удивительно хороша собой и делала все, чтобы понравиться юноше. Одевалась она в лучшие наряды и старалась оча-

ровать Хрисанфа блеском ума и привлечь его к себе ласковыми речами. Но Хрисанф, всем сердцем стремившийся к Богу, оставался равнодушным к обольщениям Дарии.

— Девица! — сказал он ей однажды. — Как ты тщательно украшаешь себя, какие употребляешь старания, как расточаешь сладкие речи, чтобы отвести душу мою от благого начинания и привлечь к себе мое сердце, полное иной любви! Лучше бы тебе постараться обрести благоволение Бога вечного, Господа Иисуса! Как ты теперь украшаешь тело свое многоценными одеждами, так укрась душу свою чистотою и верою — и тогда обретешь Самого Христа, Который уготовит тебе вечную обитель, впишет твое имя в книгу жизни и даст тебе радость нескончаемую!

С изумлением слушала девица эти слова. Ум и сердце ее не были просвещены верою и истиною, она не знала о жизни вечной и, воспитанная в язычестве, считала, что счастье земное есть цель нашей жизни. Она стала говорить о радостях земной жизни, о поклонении богам, о великих мудрецах языческих, ко-

торые изучили природу и знают много тайн.

На все ее увещевания Хрисанф отвечал словами христианской мудрости, и, наконец, свет истины озарил душу молодой язычницы. Она уверовала и пожелала быть христианкой. Тогда Хрисанф объявил отцу, что он соглашается на брак с Дарией. А между собою они уговорились вести святую жизнь, вполне преданную Богу.

Вскоре после этого Полемий скончался. Тогда Дария приняла святое крещение, и стали они жить только для служения Богу и ближним. Они поселились в двух отдельных домах, устроенных наподобие монастырей. В одном Дария принимала уверовавших девиц, молилась с ними и изучала закон Божий. В другом доме жил Хрисанф с новообращенными христианами, которые, подобно ему, отреклись от мира и семейной жизни, чтобы целиком посвятить себя Господу.

Так прошло несколько лет. Наконец, градоначальнику римскому донесли, что Хрисанф и Дария проповедуют Христа и что обращенные большей частью избирают безбрачную

жизнь. Велено было схватить Хрисанфа и Дарию и предать мучениям. Но Бог чудесно охранял служителей Своих: крепкие узы, которыми связывали их, сами собой разрывались, и железные оковы распадались. Хрисанфа посадили в мрачную темницу, и темница вдруг озарилась необыкновенным светом. Испуганные сторожа донесли об этом трибуну Клавдию, и он сам пришел увидеть, так ли это. Приписывая чудеса волшебству Хрисанфа, трибун говорил ему:

— Оставь волшебство твое и ложную твою веру и поклонись богам, как прилично всякому знатному человеку.

— Неужели ты не понимаешь, — отвечал Хрисанф, — что мне помогает не волшебство, а сила Божия? Ты скоро поймешь это, ибо Господь ищет и твоего спасения!

Между тем, Клавдий приказал воинам привязать Хрисанфа к столбу и жестоко бить его палками, но удары не оставляли даже следов на теле св. мученика. Все были изумлены, и Клавдий, наконец, понял, что Хрисанфа охраняет сила свыше. Он сказал

Святые мученики Хрисанф и Дария в темнице. Бог чудесно сохранял служителей Своих: крепкие узы, которыми связывали их, сами собой разрывались, и железные окопы распадались.

воинам:

– Перестаньте мучить его; я понимаю теперь, что Бог его велик и силен. Нам нечего больше делать, как просить у него прощения за нанесенные ему оскорбления.

И Клавдий с воинами, упав к ногам св. мученика, сказал ему:

– Воистину твой Бог есть единый всемогущий Бог. Молим тебя, приведи и нас к Нему и соделай рабами Его!

Хрисанф начал объяснять им, что Бог близок ко всякому человеку, кто сердцем ищет Его. Он говорил о Его могуществе, о милосердии и благодати Его. Они все слушали его с глубоким вниманием и потом стали приводить и сродников своих. Через несколько дней множество язычников уверовало в Бога. Клавдий, жена его Илария, два сына его и весьма многие из воинов приняли святое крещение. Это дошло до слуха императора. Он приказал Клавдия утопить в море, а сыновей его и воинов-христиан казнить. Все они радостно пошли на смерть и были усечены мечом.

Между тем, Хрисанфа и Дарию предали

новым мучениям, но, как и прежде, сила Божия чудесно хранила их, и знамения, которые Господь являл ради их, привели многих язычников к вере в истинного Бога. Наконец, их вывели за город и живыми закопали в землю.

Часто потом христиане собирались для молитвы на том месте, где св. мученики были заживо погребены, и тут совершались чудесные исцеления.

«Кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее» (Мф. 10, 39).

Царица-мученица, святая Александра

Житийная повесть

Память ее — 23 апреля/6 мая

то было в последние годы царствования Римского императора Диоклетиана. В присутствии государя приносилась торжественная жертва богам. В капище был полумрак. Колеблющееся пламя светильников бросало кровавый отблеск на

мертвенно-бледные, неподвижные лица мраморных богов. И стояли эти боги, холодные и равнодушные ко всему тому, что около них происходило.

А происходило что-то необыкновенное! Только что привели в храм жертвенное животное, увитое цветами и яркими лентами.

Под звуки языческих песен его убили с обычными при этом обрядами, но потом жрецы растерялись, смешались и не знали, как объяснить себе непонятное для них явление. Рассматривая внутренности животного, чтобы по ним открыть людям волю богов, жрецы-прорицатели не находили в этих внутренностях нужных им таинственных знаков и видели, что на этот раз гаданье не удастся: боги не дают предсказаний.

Взволнованные, стояли они перед молчавшей в ожидании толпой, и предчувствие чего-то недоброго, зловещего, как страшная грозовая туча, повисло над всеми. Чем прогневаны великие боги?

В ужас пришел верховный жрец Тагис, но все-таки велел приносить жертву. Закурили

благовония. Жертва была принесена. Но и после того боги не открыли своей воли.

— Боги отказываются от жертвы! — в ужасе закричал Тагис. — Это потому, что тут находятся люди, мешающие их появлению ненавистным для них знаменем.

Все знали, о каких людях говорил Тагис и какое знамение они разумели. Кто-то заметил, что христиане, которых было много в свите императора, осенили себя крестным знаменем, когда закалывалось животное, в знак того, что они не принимают участия в этом жертвоприношении. А там, где были христиане, не только жрецы, но и сами боги оказывались бессильными!

Император вышел из святилища мрачнее тучи. Радовался один Галерий, соправитель Диоклетиана и злейший враг христиан. Он уже давно склонял императора к гонению на исповедников веры Христовой, но Диоклетиан медлил, воздерживаясь от пролития крови тех, которые всегда были верными слугами государства.

Неудавшееся жертвоприношение было одним из предвестников нового гонения на христиан.

Через некоторое время оракул при храме Аполлона высказался о христианах как о врагах государства, и это еще ближе придвинуло черную тучу... Диоклетиан постепенно поддавался влиянию Галерия. Еще раньше Галерий добился от него указа, чтобы все воины принимали участие в жертвоприношениях. Христиане, служившие в войске, отказались подчиниться этому требованию — и одни были уволены от своих должностей, других постигла смертная казнь.

Но это были еще только первые предвестники тех ужасов, которые предстояло пережить христианской Церкви, и христиане мужественно готовились к ним.

Это ведь было далеко не первое гонение на Церковь с тех пор, как раздалась в мире проповедь о Христе Спасителе.

Впервые в царствование императора Тиверия, почти тотчас же после вознесения Иисуса Христа на небо и сошествия Святого Духа на апостолов, раздалась в древнем языческом мире благая весть о спасении людей, о воскресении и вечной жизни. И в продолжение почти

трех веков Римское государство и языческое общество вели страшную борьбу с новой верой.

Всеми силами старалось язычество уничтожить веру во Христа, но это не удалось: с каждым днем все громче и громче звучало в древнем мире благовестие о Христе. Язычество чувствовало, что оно должно уступить место смиренным и кротким по духу «галилеянам», но не хотело уступить без борьбы.

Самой главной причиной ненависти язычников к христианам было то, что христианское учение требовало от человека полного изменения жизни. Язычник привык жить в роскоши, в пирах, которые стоили безумных денег. У него было множество рабов, которые не только работали на него и служили ему, но которые для его потехи должны были проливать свою кровь на арене цирка.

Понятно, что, принимая учение Христа, человек сразу должен был перемениться. Богач добровольно отдавал свои сокровища бедным; человек, привыкший к роскоши и наслаждениям, становился почти нищим и постником; люди, которые раньше были его друзьями, те-

перь становились ему далекими и чуждыми. Словом, человек, став христианином, уходил из языческого мира, и уходил навсегда. Этого язычники, конечно, не могли простить ему.

Упорно боролось язычество с христианством. На протяжении двух с половиной столетий Церковь Христова переживала пору кровавых гонений. Но кровь мучеников давала все новые и новые всходы. Ко времени вступления Диоклетиана на престол христиане встречались во всех классах общества и исполняли все виды общественной и государственной службы. Язычество напрягало все свои последние силы, чтобы задавить христианство.

Злой Галерий настраивал императора против христиан, и Диоклетиан постепенно уступал. Христиане чувствовали, что гроза надвигается. Чувствовали это и в самом дворце два близких и дорогих императору существа — его жена Александра-Приска и дочь Валерия.

Когда, при каких обстоятельствах познакомилась супруга императора с христианским учением, мы не знаем, но видим ее уже христианкой, или, по крайней мере, располо-

Св. мученицы Александра и дочь ее Валерия.

женной к христианству, тихой и мужественной, сумевшей воспитать и свою дочь в преданности Христу.

Мы едва можем представить себе, какое это было постоянное мученичество — среди языческого дворца, имея супругом язычника, в руках которого была власть над жизнью и смертью не только членов своей семьи, но и всех подданных, — быть христианкой и сберечь для Христа еще одно сокровище: живую душу собственного ребенка!

Валерии предстояло тяжелое испытание: кроткую, любящую, нежную, верующую, ее отец отдал грубому соправителю Галерию в жены. Она не противилась, понимая, что это бесполезно.

Но какие муки переживала она? И какие муки переживало сердце той, которая так берегла ее для Христа?!

В те минуты, когда душа человеческая изнемогает в скорби, к ней приходит на помощь Сам Бог. И вот в душу царицы Александры влилась именно эта нечеловеческая сила, эта безграничная вера, это всецелое упование на

Господа. Отдавая дочь в замужество, она мысленно отдавала, вверяла ее Господу. И Господь не постыдил ее надежды: такой же чистой, такой же верной Христу осталась Валерия и замужем, какой была при матери. И как отблеск тихого вечернего света, лучи ее духовной красоты, ее горячей набожности и ее непрестанной молитвы падали иногда даже на испорченного и развращенного Галерия.

Теперь, по случаю отъезда Галерия в Ни-комидию, бывшую столицей восточной империи, она опять была при матери.

Обе знали, какие планы строил Галерий; обе знали, к каким мерам против христиан склонялся Диоклетиан, и обе знали также, что только «верному до смерти дается от Господа венец жизни».

Обе готовились к великому исповеданию имени Христова, готовились со страхом и трепетом, готовились с радостью и с победной песнью: «Аллилуйя».

Было раннее утро 23 февраля 303 года по Р. Х. Весь город в этот день справлял языческий праздник, и этот день был избран началом страшного гонения на Церковь Христову.

Не успели еще погаснуть на небе ночные звезды, не успела загореться на востоке заря, как вспыхнула соборная церковь в Никоми-дии. Из окон своего дворца Диоклетиан и Галерий смотрели на пылающий храм, видели, как воины разломали церковные двери, как ворвались внутрь храма, как бросились на перепуганных христиан, собравшихся для утреннего богослужения, как предавались огню священные книги христиан и церковная утварь.

Правители видели все это, но не думали, что на это же зрелище из того же дворца смотрят две христианки, обе бессильные помочь своим страдающим братьям, обе молчаливые и покорные и обе великие в своей безмерной скорби. Это были — царица Александра и дочь ее Валерия.

24 февраля был издан указ: 1) прекратить христианские собрания, 2) разрушить все

христианские церкви, 3) уничтожить их священные книги, 4) требовать от христиан отречения от их веры под страхом тяжелых наказаний. Тем, кто занимал высокое положение, грозило лишение всех прав; людям низшего класса — обращение в рабство; рабам — потеря надежды на возвращение свободы.

Какой болью должно было сжаться сердце царицы, когда она узнала об этом ужасе! Но через несколько дней ей пришлось пережить еще больший ужас. Во дворце стало известно о горячем и необдуманном поступке одного христианина. В порыве негодования какой-то христианский юноша порвал императорский указ, который висел на главной площади города.

Что могло ожидать виновного? Его сожгли живьем. Что могло ожидать всех его единоверцев, заподозренных в соучастии с ним? Об этом могли догадываться все, и, конечно, лучше всех должна была знать царица. Диоклетиан смотрел на свою власть как на власть, ничем не ограниченную, не выносил противоречий — и подобный поступок мог вызвать в нем взрыв страшного гнева.

Гонение началось.

Христиане оказались мужественными, и это уже раздражало Диоклетиана, а тут вдруг во дворце еще вспыхнул пожар. В поджоге обвинили христиан. Гнев императора обрушился на христианское население Никомидии. Епископ и другие служители Церкви, их семьи и друзья, даже слуги их были схвачены и замучены.

И вот в это-то страшное время раздался тихий, кроткий упрек всесильному императору из уст его жены. Это была просто робкая защита христиан, это была попытка удержать Диоклетиана от слепого гнева на тех, кто ни в чем не был виновен.

Но для Диоклетиана несколько слов жены, осмелившейся его порицать, были непростительным оскорблением. Одна мысль, что Александра-Приска могла тоже принадлежать к презренной секте назареев, — как иногда называли христиан, — привела его в бешенство.

Не помня себя, он с кинжалом в руках бросился на жену. Галерий схватил Валерию — и через несколько минут мать и дочь уже стояли перед языческим алтарем.

Разве могли они отречься от Христа?

Они не помнили себя от страшного испуга, а между тем Диоклетиан и Галерий насильно заставили их оскверниться жертвоприношением, тряся их руки над жертвенником и, таким образом, вынуждая рассыпать зерна ладана, как бы воскурить фимиам...

Императрица принесла жертву богам!

Императрица и дочь ее отреклись от Христа!

Сколько радости было у языческих жрецов, сколько слез у христиан! Сколько жгучей муки, горя и раскаяния в невольном отступлении от Христа пережила сама царица Александра!

А гонение между тем принимало ужасающие размеры. Четыре указа императора, изданные один за другим, все больше и больше ухудшали положение христиан. Уже третьим указом объявлялось, чтобы епископы, священники, диаконы и чтецы или принесли жертвы богам, или были преданы смерти. После четвертого указа гонение сделалось еще ожесточеннее.

Было приказано, чтобы все, по всей империи, совершали всенародно жертвы и возлия-

ния идолам. Кровь христиан лилась ручьями.

Самые приближенные к Диоклетиану лица из христиан беспощадно наказывались или убивались. Нельзя было без содрогания смотреть на это зрелище. Те, которые еще накануне окружали царский трон, сегодня влеклись на казнь. Священники без всяких допросов предавались в руки палачей. Простых граждан бросали в огонь, и так как их было много, то их сжигали массами, других топили в море. Не было пощады никому. С каждым днем выдумывались все новые и новые казни.

Один христианский писатель, современник этих событий, говорил: «Если бы у меня была сотня рук и железный язык, то и тогда я не мог бы исчислить всех мучений, какие терпели верующие».

Так свирепствовал Диоклетиан, но его гонение только усиливало ревность христиан. Они смотрели на смерть как на победу и принимали ее без всякого страха.

«Побеждающий облечется в белые одежды, и не изглажу имени его из книги жизни и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред

ангелами Его» (Апок. 3, 5). Христиане знали, что это обещал Господь любящим Его и страдающим за Него, и умирали с верой, что они идут в жизнь вечную, в «чертог украшенный», «на брачную вечерю Агнца»... Оттого так светла и прекрасна была их смерть.

В числе святых исповедников, подвергшихся допросу, а затем мучительным пыткам и смерти, был юный и доблестный воин Георгий. Он занимал видную должность, был близок к императору и пользовался его расположением. Пред ним открывалась самая блестящая будущность. Но, с детства воспитанный в христианстве, Георгий видел пред собою другой путь. Сопровождая императора в его путешествиях, присутствуя на заседаниях его совета, Георгий, конечно, знал, что ожидает христиан. И в то время, когда им готовилась горькая чаша скорбей, он не мог оставаться спокойным и наслаждаться земными благами. Раздав все свое имущество

бедным, он стал готовиться к подвигу мужественного исповедания Христа. И вот, когда наступил день последнего совещания о том, как поступить с христианами, Георгий выступил неожиданным защитником их и смелым обличителем жестокости Диоклетиана.

— Ваши идолы — не боги! Есть один только Бог — Христос! Он — один Господь, Творец неба и земли. Духом Его Святым все живет и движется. Познайте же истину и научитесь благочестию у христиан!

Так горячо говорил Георгий.

Оправившись от изумления, император стал уговаривать своего любимца опомниться, отречься от Христа, не лишать себя воинской славы и чести и принести жертву богам. Диоклетиан обещал забыть его дерзкую речь и осыпать его еще большими, чем прежде, почестями.

Но, конечно, эти обещания и уговоры не могли поколебать святой решимости Георгия отдать жизнь свою за дело Христово.

— Я искренне желал бы, чтобы и ты, государь, познал чрез меня Бога истинного и принес Ему жертву хвалы! — вдохновенно отве-

чал он на слова Диоклетиана.

Тогда от уговоров и ласки перешли к истязаниям.

Георгия заключили в темницу, забили ноги в колодки, на грудь положили тяжелый камень. Его зарывали в яму, наполненную известью; надевали на ноги сапоги с острыми гвоздями внутри и так водили по городу, — но сила Божия хранила и поддерживала мученика, и он оставался невредим, а слово его, горячее и вдохновенное, зажигало сердца колеблющихся и малодушных христиан, радовало твердых в вере и обращало к Богу самих язычников.

Не зная пределов своей ярости, Диоклетиан приказал подвергнуть Георгия зверскому мучению. Принесено было колесо с острыми зубьями и ножами. К нему привязали юношу и стали вращать.

Два-три поворота — и все тело мученика было истерзано и залито кровью, но из уст Георгия неслись не стоны, а славословия Христу.

Император сидел на троне, облеченный в шитую жемчугом одежду, в короне, сияю-

щей драгоценными камнями. Приближенные, подходя к нему, падали ниц, касаясь лицом земли, и он сам чувствовал, что поражает своих подданных почти божественным величием.

Кругом в белых одеждах с пурпуровыми каймами сидели знатные сенаторы, консулы, преторы, жрецы, весталки, а на высоком помосте, окруженная свитой, сидела императрица.

Что испытывала, что переживала в эти минуты душа Александры? Последняя робость таяла в ее душе — и великая, святая решимость быть верной до конца наполняла ее. Потрясенная ужасным зрелищем, царица не видела никого и ничего, кроме мученика, жизнь свою отдающего за Христа... Сама мертвенно-бледная, она едва сдерживалась, чтобы громко не исповедать себя христианкой... Она вся стремилась в раскрывающиеся пред ней врата вечности, вся загоралась любовью ко Христу. Придти к Нему хотя бы путем вот таких же страданий, путем скорби, путем жестоких мук и смерти — вот чем полна была душа царицы...

А Георгий между тем слабел все больше

и больше и, наконец, совсем умолк.

— Георгий, где же Бог твой? Что же не пришел Он избавить тебя? — проговорил Диоклетиан, глядя на израненное и безжизненное тело еще недавно цветущего юноши. — Жаль, что так безумно пожертвовал своей молодой жизнью раб Христа, но хвала богам, которые не дали посрамить себя!

Диоклетиан поднялся со своего места, чтобы отправиться в храм Аполлона и принести жертву, как вдруг страшный удар грома оглушил его и всех, бывших на площади. Небо, покрытое облаками, вдруг озарилось ослепительно яркой молнией, и многим послышался голос: «Не бойся, Георгий: Я с тобой!»

В то же время небесное сияние окружило колесо, и в этом сиянии палачи увидели светлого юношу, который, положив руку на плечи мученика, сказал: «радуйся!»

Еще минута — и сияние исчезло, а Георгий, здоровый и радостный, сам сошел с колеса. И такой страх, такое изумление охватило всех, что они в смятении молчали и смотрели на Георгия, как на призрак, как на выходца

с другого света.

Прежде чем Диоклетиан узнал об ее поступке, она уже удалилась во дворец. Но путь, которым ей предстояло идти, был ею назначен уже бесповоротно. Ее душа уже обручилась Христу, и никакие силы не могли ее оторвать от Него...

Участь Георгия была решена, но Диоклетиан последний раз попытался склонить его к отречению от Христа.

— Возвратись к богам — и я разделю с тобой мое царство и сделаю тебя моим соправителем! — говорил император.

— Тебе, государь, следовало бы сначала оказать мне такую милость, а ты вместо того отдал меня на мучения, — отвечал Георгий.

Обрадованный император обещал, что теперь вознаградит мученика за все его страдания.

С разрешения Диоклетиана Георгий вошел в храм Аполлона. Все ждали, что он принесет жертву богам, но он обратился к идолу Аполлона и другим идолам со словами:

— Как вы смеете оставаться здесь, когда

сюда явился я, служитель Бога истинного?

И тотчас со страшным шумом и жалобным стоном идола упали и разбились. Как бурное, разъяренное море, поднялся народ, взбешенный дерзким поступком Георгия. Одни сторонились его как волхва. Жрецы требовали смерти его... Диоклетиан не помнил себя от гнева и оскорбления...

— Так-то ты приносишь жертвы богам? — спросил, наконец, император.

— Да, именно так привык я почитать тех, кого ты считаешь богами, — отвечал Георгий, — устыдись же теперь и ты сам, государь! Разве ты можешь ждать себе какой-либо помощи и милости от тех, которые не только не могут спасти самих себя, но и не выносят присутствия рабов Божиих?

Яростный вопль толпы, требовавшей смерти Георгия, заглушал его слова, но ничто не могло заглушить того громкого крика, который вдруг раздался в капище:

— Боже Георгиев, помилуй меня! Ты — один Бог истинный и всемогущий!

И затихли от этого крика народные вопли,

содрогнулось от ужаса не одно сердце, захватило дыхание у императора: у ног Георгия лежала Александра, супруга Диоклетиана.

То, что годами медленно созревало в ее душе, теперь, наконец, вылилось наружу. Чаша была переполнена. Пламенная, несокрушимая вера охватила все ее существо. Безбоязненно она исповедала свою веру во Христа, прославляла Его и порицала богов языческих.

Бледный, взволнованный Диоклетиан мог спросить только:

– Что сделалось с тобой, Александра, что ты увлеклась чарами этого волхва и бесстыдно порицаешь и отвергаешь наших богов?

Но царица не отвечала.

Разве мог император понять то, что теперь открылось ей? Уже давно чувствовалось, что между ними легла бездна, и теперь эта бездна окончательно отделила их друг от друга.

Через несколько минут Диоклетиан приказал усекнуть мечом Георгия и увлеченную его чарами царицу Александру.

Не только христиане, но и язычники плакали о царице, а она, светлая и радостная, как аг-

ница Христова, пошла на смерть, славя Бога.

Обоих осужденных повели за город. И вдруг телесные силы изменили святой мученице. Страшная усталость охватила ее, и она должна была сесть. Но, едва сев и прислонясь головой к стене, она потеряла сознание, и всем показалось, что она умерла.

Благодаря Бога за легкую кончину, какой Он удостоил Свою исповедницу, св. Георгий один пришел на место казни и был усекнут мечом.

А безжизненное, похолодевшее тело царицы Александры было отнесено во дворец, и главный министр императорского дворца Лукиан, бывший христианином, скрыл его от глаз любопытных.

Однако то, что все приняли за смерть, было лишь глубоким обмороком, и святой мученице суждено еще было вернуться к жизни, чтобы до конца испить чашу скорбей.

Лукиан уговорил императрицу скрыться на время от гнева Диоклетиана. Это было тем удобнее, что в сентябре 304 года император отправился из Никомидии в Рим, чтобы там отпраздновать двадцатилетие своего царст-

вования.

Потом он узнал, что жена его осталась жива, узнал даже, где она находится, но, очевидно, ужасы гонения потрясли его самого, и он ее не преследовал. Тяжелое бремя власти томило его и, возвратясь в Никомидию, он решил отказаться от престола.

В декабре он заболел. Не было никакой почти надежды на его выздоровление, но крепкий от природы Диоклетиан устоял и 1-го марта опять уже вышел к народу. Но это был бледный, исхудалый, разбитый старик.

1-го мая он подписал отречение и уехал в свою родную Далмацию.

Вместе с ним должен был уйти от власти и его соправитель Максимиан, который правил западной частью Римской империи, в то время как Диоклетиан управлял восточной.

Теперь на востоке вся власть оказалась в руках Галерия, который взял себе в соправители Ликиния, а на западе императором стал Констанций Хлор с соправителем Максимином.

Выдвинув Галерия и сделав его своим помощником, Диоклетиан ценил в нем военные

способности. И действительно, Галерий был прежде всего солдатом. Став императором, он и на престоле остался таким же грубым, жестоким, каким был на войне по отношению к подчиненным ему воинам.

Ненавидя христиан, он ревностно поддерживал гонение, которое стало при нем особенно жестоким. По словам современников, он вообще отличался свирепостью. Обыкновенными казнями при нем были: предание огню, распятие на кресте, растерзание зверями. Можно себе представить положение христиан!

И вдруг в 311 году этот непримиримый враг христианства издает указ:

«Мы, по сродному нам человеколюбию, имея привычку всегда прощать людям, соблаговолили оказать им знаки нашей милости. Вследствие этого мы дозволяем им исповедовать христианскую веру и иметь свои собрания, лишь бы только не происходило на них чего-либо незаконного. Пользуясь нашим снисхождением, да молят они Бога своего о нашем здравии, благоденствии империи и о собственном их сохранении, дабы империя вечно про-

цветала и они жили в ней спокойно».

Этот внезапный перелом в мыслях и настроении Галерия был вызван тем, что его постигла какая-то страшная болезнь, от которой все тело его стало заживо гнить. Но это позднее и неискреннее раскаяние Галерия не было принято Богом, и он умер в ужасных мучениях.

Возможно, что последний указ Галерия появился под влиянием жены его, Валерии. Теперь она осталась одна и снова соединилась с матерью.

Святой царице Александре, которая была ангелом-хранителем своей дочери в годы ее детства и юности, опять пришлось быть ее опорой и поддержкой.

Теперь уже до самой смерти они не разлучались. И если много горьких минут пришлось еще испытать Валерии, то тем сильнее болело за нее материнское сердце Александры. Обе они, по смерти Галерия, искали убежища и защиты у Максимиана, которому Галерий раньше делал много добра.

Максимин, вместо того чтобы оказать по-

кровительство одиноким царственным женщинам, стал требовать, чтобы Валерия стала его женой. Валерия отвечала отказом: она еще не сняла траурного платья вдовы и не могла, конечно, думать о новом замужестве. Тогда Максимин сослал мать и дочь в одну из глухих деревушек в Сирии.

Как странницы, скитались здесь те, которые когда-то стояли так высоко!

Но ни ссылка, ни одиночество, ни лишения не могли пугать их: с ними был Господь, у Кого они могли черпать силы для перенесения всех трудностей жизни.

Диоклетиан узнал о жалком положении своей жены и дочери и требовал у Максимиана отпустить их к нему. Но на это никто не обратил внимания.

Смерть Максимиана изменила судьбу цариц. Обе они тайно прибыли в Никомидию и обратились к Ликинию с просьбой о помощи. Ликиний казался покровителем христиан и сначала принял их очень ласково. Но скоро обнаружилось его настоящее настроение: он убил сына Галерия, Кандидиана, к которому

Валерия относилась с материнской любовью.

Царица Александра и Валерия в ужасе бежали из дворца.

Прошло еще несколько времени, и Ликиний уже не скрывал своей ненависти к христианам, стал гнать и преследовать их.

С полгода царица с дочерью скрывались. Наконец, обе были схвачены. Скорбный путь их подошел к концу. Святая царица Александра вместе с дочерью была осуждена на смерть. Толпа народа с плачем провожала ее к месту казни, а она шла на смерть так же мужественно, так же радостно, как десять лет тому назад.

Без всякого страха, с молитвой на устах склонила она под меч свою царственную голову и предала дух свой Христу Богу. Вместе с ней пострадала и Валерия. Тела их бросили в море.

Мученическая кончина святой царицы Александры вспоминается Православной Церковью вместе с памятью св. великомученика Георгия Победоносца 23 апреля.

Преподобный Сергий Радонежский

*Дни памяти – 5/18 июля
и 25 сентября/8 октября*

ного столетий назад, когда не было еще ни поездов, ни автомобилей, ни самолетов, когда немного было городов, — в России были огромные, дремучие леса.

Деревни и села находились далеко друг от друга. Жили люди в деревянных домах, па-

хали землю, охотились в лесах, ловили рыбу в реках и озерах.

Недалеко от города Ростова Великого жили хорошие, добрые люди — Кирилл и Мария. Они были очень благочестивыми, т. е. любили Бога, старались всегда помогать бедным и часто ходили в церковь. Особенно были они ласковы к странникам, к бедным, у которых не было своего дома. Они принимали таких нищих к себе, кормили, поили и оставляли у себя ночевать.

У Кирилла и Марии было несколько детей — Стефан, Петр и Варфоломей. Мать заметила с самого рождения, что младший был особенным мальчиком, не похожим на других.

Когда Варфоломею (будущему Сергию) исполнилось семь лет, его отдали вместе с братом Стефаном в школу. Школа эта была при церкви. В то время в России люди были очень богомольны: любили длинные церковные службы, хорошее пение и своих детей начинали учить с молитв и псалмов. Азбука тогда была без всяких картинок и стишков, и учиться по ней было не так легко, как теперь. Учите-

лем обычно был дьячок и строго наказывал детей, которые плохо занимались. Часто ставил их в угол на колени, и детям было стыдно, когда товарищи смеялись над ними, а родители очень огорчались, если дети их плохо умели читать слово Божие.

Стефан учился хорошо, а маленькому Варфоломею грамота плохо давалась. Он старался всеми силами, даже плакал потихоньку ночью, так ему было грустно, что не дается ему эта трудная азбука. В свободное время мальчики, хотя были еще небольшими, уже помогали, чем могли, своим родителям. У боярина Кирилла было несколько лошадей. Обыкновенно мальчикам поручали отводить лошадей в поле, и они с удовольствием садились верхом и гнали их в поле и обратно.

Однажды отец послал маленького Варфоломея одного в лес за лошадьми. День был жаркий, в поле пахло цветами, и громко пели птички. Пришел Варфоломей туда, где паслись всегда их лошади, и видит — нет их. Стал мальчик искать, взбирался на пригорки, покрытые мелким березняком и елочками; вы-

ходил к озеру, где синела вода, отражая бегущие облака. Коней не видно! Мальчик даже устал, бегая и разыскивая лошадей. Но он был такой хороший, что не стал кричать и плакать, что сделали бы на его месте другие дети; он только молился Богу, чтобы Он помог ему найти лошадок.

И вдруг на опушке леса увидел Варфоломей старичка, седенького, с длинной бородой. Старичок ласково улыбался.

— Что тебе нужно, мальчик, — спросил он его, — о чем ты молишься?

Маленький Варфоломей не испугался незнакомого человека. Он почувствовал, что это не простой монах, а святой, которого послал ему на помощь Господь.

— Я хочу хорошо учиться, — ответил мальчик, — мне хочется одолеть трудную азбуку, которая мне не дается.

— Стань рядом со мной, будем вместе молиться!

А когда они помолились, вынул старец из-за пазухи ящичек, взял оттуда кусочек просфоры, благословил ею Варфоломея и

**Маленький Варфоломей не испугался незнакомого человека.
Он понял, что это не простой монах, а святой,
которого послал Господь ему на помощь.**

приказал съесть. И тут вдруг вышли и лошади на лужайку. Хотел было старец проститься с Варфоломеем, но он уговорил его пойти к ним в дом. «Мои родители, — сказал мальчик, — любят святых людей».

Дома после ужина старец велел Варфоломею взять книгу и читать псалмы.

— Да я же не умею читать! — сказал чуть не плача Варфоломей.

Но старец раскрыл книгу и еще раз велел читать. Тогда мальчик, всегда послушный старшим, взял в руки псалтирь — и что же? Вдруг начал читать совсем хорошо и правильно. И все поняли, что это было Божье чудо. А родителям странник сказал: «Теперь он будет хорошо учиться и будет знать Священное Писание, а когда вырастет, многие придут к нему и научатся от него заповедям Божиим».

Переночевал старец у Кирилла и Марии, на другой день благословил всех и ушел. А Варфоломей с того дня так стал хорошо учиться, что скоро перегнал в школе всех товарищей. Он все больше и больше любил молиться Богу, в постные дни — среду и пятницу — ел

только хлеб и пил одну воду, всегда был послушным и ласковым. Никогда он не сердился на братьев, даже когда они его обижали; никого сам не обижал, не жаловался на других, все кротко терпел и не плакал. Когда он видел бедного или несчастного, то отдавал ему все, что было под руками. И чем старше становился, тем больше его тянуло в лес, чтобы там быть совсем одному и молиться Богу.

Часто в то время уходили богомольные люди в дремучие леса, строили там себе избушки и целыми днями стояли на молитве. Вот и Варфоломею захотелось так уйти, но родители сказали: «Мы уже старенькие, не оставляй нас, поживи еще с нами!» И он послушался и остался. Но через несколько лет сами родители захотели пойти в монахи, и Варфоломей смог тогда исполнить свое заветное желание. Брат его Стефан решил уйти вместе с ним.

Шли они дремучим лесом и вдруг увидели пригорок, который так им понравился, что они решили тут и поселиться. Стали рубить деревья, построили себе избушку, а рядом с ней маленькую церковь. Когда церковь была готова,

оба брата пошли в Москву и просили митрополита освятить ее. Митрополит послал с ними священника, и освятили церковь во имя Пресвятой Троицы.

Трудно было жить в дремучем лесу, дорог не было, никто к ним не приходил, кроме брата Петра, который время от времени приносил им хлеба. Стефан не выдержал такой жизни, простился с братом и ушел в Москву, в один из тамошних монастырей. Варфоломей остался один-одинешенек. Время от времени приходил к нему для совершения божественных служб иерей Митрофан. Один раз Варфоломей сказал ему, что хотел бы стать иноком и дать монашеские обеты целомудрия, послушания и нестяжательности. Через некоторое время Варфоломей принял постриг и получил новое имя — Сергей.

И еще несколько лет прожил Сергей один среди дремучего леса. Осенью шли дожди, шумели деревья, в трубе выл ветер. Зимой избушку заносило снегом по самую крышу. Кругом бродили дикие звери. Порою жутко становилось Сергию, но он молился день и ночь и молитвою гнал от себя страх.

Однажды вышел Сергей на двор и видит — лежит возле крыльца большой медведь. Не испугался страшного зверя преподобный, вернулся в келью, вынес краюшку хлеба и накормил медведя. Зверь поел и скрылся в лесу. Но через несколько дней медведь снова появился, и Сергей снова накормил его. Стал зверь часто навещать преподобного и сделался совсем ручным. Его можно было гладить, и он лежал у ног Сергея, как собака.

Время шло, Сергей уже привык к своему одиночеству, полюбил и шум леса, и тишину его. Но вот услышали люди про него, стали приходить к нему и селиться около. Понемногу собралось несколько человек, поставили 12 келий, т. е. маленьких монастырских домиков, обнесли их забором, чтобы звери не забегали, и стала обитель.

Все эти люди назывались братьями, вместе молились, вместе работали. Сергей показывал во всем пример: сам и дрова рубил, и воду

носил, и огород развел, и плотничал. Когда собралось много иноков, уговорили Сергия стать их игуменом. Митрополит Московский посвятил Сергия в иереи, и стал он во главе своей обители, заботясь о своих иноках, как самый добрый отец. Все больше и больше иноков собиралось около преподобного. Построили новую большую церковь и много новых келий. Каждому назначил Сергей свое дело, никто не ленился, но все же монастырь был бедный. Часто не хватало даже хлеба, чтобы накормить всех монахов.

Один раз случилось так, что несколько дней сидели без пищи. Отощали иноки, пришли к игумену и говорят: «Мы так жить не можем; если еще и сегодня не будет хлеба, мы разойдемся». — «Подождите немного, — сказал им преподобный Сергей, — помолимся Богу, чтобы Он послал нам хлеба!» Все встали на молитву и вдруг услышали, что кто-то громко застучал в ворота. Монах-привратник открыл и видит — стоят возы, полные теплого хлеба, будто только что из печки. Люди, которые привезли хлеб, сказали, что

их прислали к преподобному Сергию, но откуда — не сказали. Тогда Сергей велел звонить в колокол, собрал всех иноков, и начали служить молебен, благодарили Бога за то, что Он услышал их молитвы.

Скоро про св. Сергия узнали по всей России, и все почитали его за праведника. Но он оставался по-прежнему скромным и, как всегда, работал больше всех. Одет был так бедно, что никто не признал бы в нем игумена. Один раз пришел издалека простой крестьянин, чтобы повидать отца игумена. Ходит по обители и спрашивает: «Где игумен Сергей?» Монахи ответили: «Подожди здесь, он скоро выйдет из огорода!» Ждал-ждал, а потом заглянул через забор. Видит, в огороде работает какой-то иннок, одет бедно, грядку копает.

«Где же игумен? Я пришел к нему издалека!» — снова спрашивает крестьянин. «Да вот он идет!» — ответили ему. Но он и поверить не хотел. Ожидал увидеть важного игумена, а ему показывают простого бедного инока. Прп. Сергей вышел к мужику, поклонился ему низко, как почетному гостю, и по-

вел его в трапезную. Крестьянин рассказал Сергию, как ему грустно, что он не видал игумена. Сергей ласково улыбнулся ему и сказал: «Не печалься, подожди и увидишь, кого ты хочешь».

Вдруг послышался конский топот, раскрылись ворота, и сам князь с боярами въехал во двор обители. Все встали. Спрыгнул князь с коня, преклонился перед Сергием, а преподобный благословил его, поцеловал и посадил рядом с собою. Обвел мужик глазами трапезную, ищет игумена, спрашивает: «Да где же Сергей?» Ему кто-то ответил: «Смотри, вот он сидит рядом с князем!» Тут только понял крестьянин, что убогий монах, копавший грядки в старой, заплатанной одежде, и есть игумен Сергей. Бросился к его ногам и просил прощения, что не узнал его. А преподобный обласкал его и успокоил. Одинаково прост и ласков был Сергей и с князем, и с простым мужиком, потому что Господь велел любить всех людей как братьев. Но гордых и недобрых он наказывал, не любил скупых и жадных.

Неподалеку от обители жил один богатый, но скупой человек. Раз отнял он у своего соседа-бедняка свинью и не хотел вернуть. Пошел бедняк к прп. Сергию и рассказал про свое горе. Вызвал игумен богача, уговаривал его, что стыдно и грешно обижать бедных, и велел отдать свинью. Богач обещал, но потом пожалел и зарезал свинью, а мясо спрятал в кладовую, на лед. Когда же вскоре заглянул туда, то увидел, что все оно протухло и изъедено червями. Понял богач, что это Бог его наказал за жадность и за то, что он не послушался Сергия.

Святым людям Господь иногда посылает особые видения. Так было и с прп. Сергием. Раз поздно вечером молился он у себя в келии. Вдруг слышит голос: «Сергий!» Открыл преподобный окно и видит: чудный свет разливается с неба и летают какие-то необыкновенные птицы, такие прекрасные, каких он никогда прежде не видел, и поют они необычайно сладостно. Голос, который позвал его, сказал опять: «Сергий, посмотри кругом! Сколько видишь птиц, столько будет у тебя

учеников, и если они будут жить так, как ты, то никогда число их не уменьшится».

В то время в России все учение было церковное. Книг печатать не умели, их переписывали от руки монахи по монастырям. Они же учили детей грамоте. Весь свет учения шел из святых обителей, и все русские дети должны помнить, сколько добра и пользы принесли нашей родине монастыри.

Великим князем Московским во дни преподобного Сергия был Димитрий Донской, прозванный так за победу над татарами. Князь Димитрий задумал освободить Русь от татарского ига. Он приехал к Сергию просить его благословения на бой с татарами, и преподобный благословил его, потому что любил Россию, жалел народ свой и знал, что князь идет биться за правое дело, за свое отечество, за веру православную. Он окропил князя и его дружину святой водой, отслужил молебен и дал двух иноков, Пересвета и Ослябю, которые раньше были воинами.

Хоть и страшная была сеча на Куликовом поле, хоть и много русских воинов нашли се-

бе смерть в этом побоище, но Господь даровал им победу. Димитрий Донской вернулся в Москву победителем.

Шли года. Все сильнее и жарче молился прп. Сергей, все ближе делался к Богу. Праведные старцы-монахи видели, что, когда он служит обедню, ему сослужит светлый ангел. Но Сергей, из смирения, запретил им говорить об этом при его жизни.

Незадолго до смерти было преподобному Сергию такое видение.

Как-то раз, помолившись по обыкновению, сел преподобный на скамейку и сказал своему келейнику-иноку, который жил с ним и служил ему: «Не бойся, чадо, — сейчас будет нечто чудесное!» И послышался голос: «Пречистая идет!» Преподобный вышел в сени, а келейник в страхе упал на пол и закрыл лицо одеждой. Вдруг вся келия осветилась чудным светом, и вошла Божия Матерь с апостолами Петром и Иоанном. Необычайно ласково прозвучал голос Богоматери. Она обещала, что никогда не оставит Своею помощью святую обитель.

Вскоре после этого заболел преподобный Сергей и понял, что Господь зовет его к Себе. Он велел позвать к себе всех иноков, благословил их и дал последнее наставление, как жить, молиться и угождать Господу. Велел всех любить и особенно заботиться о нищих и странниках. Затем причастился Святых Христовых Тайн и отошел ко Господу 25 сентября 1392 г.

600 лет прошло с тех пор, много-много вещей переменилось в России, вся жизнь стала другая, но стоит на том же месте Троице-Сергиева лавра, обнесенная высокой и широкой каменной стеной. Со всех концов России стекаются люди к мощам преподобного Сергия, и много чудесных исцелений совершается там, где когда-то в дремучем лесу поселился молодой Варфоломей, чтобы вдали от людей молиться Богу.

Хотя отошел на небо святой Сергей Радонежский, но всегда слышит наши молитвы, когда мы просим помочь нам. Вот почему, дорогие детки, всегда на молитве говорите так: «Преподобне отче Сергие, моли Бога о нас!»

**Преподобный Прокопий,
Христа ради юродивый,
Устюжский чудотворец**

Память его — 8/21 июля

старину свой родной город новгородцы величали «Господин Великий Новгород», гордясь его богатством. И действительно, славен и велик был старый Новгород. Расположенный по обоим берегам реки Волхова, он резко выделялся среди бедных город-

ков того времени. На левом берегу возвышалась Софийская сторона со своим кремлем, посреди которого сверкал своей ослепительной белизной Софийский собор и блестели купола и кресты многочисленных церквей.

На правом берегу тянулась Торговая сторона. Целый день там толпился народ и кипела жизнь. Иноземные купцы привозили туда свои товары: вина, тонкие разноцветные ткани, изделия из золота и серебра. У пристани, где стояли иноземные суда, стон стоял от тысячи голосов: то говорили и перекликались между собою заморские купцы. На Торговой стороне города для них были построены особые торговые дворы, в которых они жили месяцами и где возвышалась их «варяжская божница» — латинский костел.

В середине XIII в. между приезжавшими каждый год в Новгород заморскими гостями выделялся своей красотой молодой варяжский купец. Был он очень богат, привозил го-

ры всякого товару и, распродав его, не торопился уезжать домой. Сильно притягивал его Великий Новгород; притягивал не кипучей жизнью, не веселым разгулом и даже не барышами от торговли... Его прельщали прекрасные белоснежные храмы, горящие золотыми крестами на синем небе, их таинственный полумрак, мерцающие огни восковых свечей пред иконами, торжественные богослужения, стройное, за душу хватающее пение. Любил он уходить в пригородные монастыри и подолгу беседовать с иноками о православной вере, которая казалась ему прекраснее всех других.

Верстах в десяти от Новгорода, на правом берегу Волхова, стояла Хутынская обитель, незадолго пред тем основанная преподобным Варлаамом. Этот великий подвижник еще при жизни своей творил чудеса и имел дар прозорливости. И вот к этому любимому и чтимому всеми новгородцами угоднику Божию пришел однажды юный купец и поведал ему свое сокровенное желание: бросить суету мирскую, покинуть дом и друзей, раздать богатство нищим и посвятить себя Богу. Про-

зорливый старец с радостью принял молодого варяга в свою обитель. Вскоре молодой иноземец показал такое усердие в монашеских послушаниях, что преподобный Варлаам не стал медлить, присоединил его к Православной Церкви и постриг в иноки с именем Прокопий.

Прокопий построил на свои средства новый храм в обители; все, что имел, до последней копейки, раздал нищим и весь отдался служению Богу. Но Хутынская обитель была многолюдна, и в ней трудно было найти ту тишину, какую искал Прокопий. Много народа приходило в обитель: и князья, и бояре, и торговые люди, и простые крестьяне; приходили помолиться, посоветоваться со святым игуменом или найти у него утешение в трудную пору жизни. Часто среди них возникали разговоры о Прокопии:

— Знаешь ли, что сделал этот человек? — говорил один другому. — Он был славен и богат, но добровольно отказался от всех благ мира, бросил родных и друзей, чтобы всецело отдаться Богу.

И все прославляли его смирение и готовность терпеть ради Христа самые тяжелые лишения.

Эти речи смущали Прокопия; он чувствовал всю их опасность для себя: боялся возгордиться. Он знал, что враг человека, дьявол, не дремлет и только ждет удобной минуты, чтобы смутить душу подвижника и погубить его. И вот он, получив благословение игумена, решается покинуть Хутынскую обитель и искать такого глухого, забытого всеми места, где бы никто его не знал.

Однажды, по окончании вечерней молитвы, когда иноки разошлись по своим кельям, Прокопий, не замеченный никем, оставил обитель.

Еще раньше Прокопий слышал от своих товарищей-купцов о диком крае, где-то на востоке от новгородских владений. Край этот был пустынен и слабо заселен. Месяцев семь в году земля бывала покрыта глубокой снежной пеленой, а реки скованы льдом. Когда в апреле-месяце вся эта масса снега и льда начинала таять, реки и озера выходили из берегов и на огромном пространстве затопляли окрестнос-

ти, причиняя много горя и беды людям. Зато в короткие летние месяцы все преобразалось: лесные поляны и мшистые болота покрывались ягодами, а осенью — грибами.

Прокопий шел на восток, держась течения реки. Путь его был опасен и тяжел. Ему приходилось переплывать реки, вязнуть в топких болотах, продираться сквозь непроходимую лесную чащу. Скоро от его одежды остались одни лохмотья, ноги были изранены. Но Прокопий как будто не замечал ничего. Так прошел он не одну сотню верст, пока не добрался, наконец, до Великого Устюга, небольшого города, лежащего на высоком берегу при слиянии Сухоны с Югом.

В Устюге Прокопий поселился в полуразвалившейся, заброшенной хижине, но большую часть времени проводил на папертях церковных. В этом диком краю никто никогда не слышал о молодом иноземном купце, добровольно отказавшемся от всех земных благ. Да и кто смог бы узнать в этом исхудалом нищем молодого, стройного красавца купца? В Великом Устюге Прокопий был простым нищим,

**Ангел Божий укрепляет силы преподобного Прокопия
и спасает его от гибели в зимнюю стужу.**

неведомо откуда пришедшим, получающим милостыню наравне с другими нищими.

Но для его смирения и этого казалось мало: Прокопий принял на себя подвиг юродства во Христе¹. В грязном рубище, с босыми ногами, посиневшими от стужи, с длинными, спутанными волосами, без шапки ходил Прокопий по городу, возбуждая у одних жалость, а у других — грубые насмешки и издевательства. И чем хуже, чем грубее обходились с ним, тем радостнее и светлее становилось у него на душе. Он благодарил Бога за каждое новое оскорбление и тайно молился за своих обидчиков. Свой ум и свои знания он тщательно скрывал от людей, притворяясь полоумным и заставляя их смеяться и пожимать плечами над его странными, непонятными для них ре-

¹ «Юродство» — это когда человек, ради Христа, отказывается от всех удобств жизни (от семьи и дома), когда совсем не заботится о своем внешнем виде (носит самую старую рваную одежду, ходит всегда — зимой и летом — босой), когда питается чем Бог послал. По внешнему виду, юродивый — это всегда странный человек, не похожий на других ничем, и речь юродивого часто состоит из коротких, малопонятных фраз. Но внутренне — это святой человек, человек одной заботы — как бы лучше послужить Богу. Ради Христа юродивый готов терпеть и голод, и холод, и всякую обиду.

чами. Следуя обычаю юродивых, Прокопий поселился на паперти соборного храма. Там проводил он ночи, погруженный в молитву. Ночью, когда никто не мог его видеть, Прокопий преображался: в его глазах отражался глубокий мир и ум, его лицо становилось одухотворенным, сияющим небесной красотой; его уста возносили к Богу хвалы и благодарения. Он молил Создателя не только о себе, но и за весь христианский люд, за жителей Устюга, позабывших Бога, погруженных в суетность и грехи, за ненавидящих и обижающих его.

Из добрых дел блаженного Прокопия расскажем один случай.

У одной бедной вдовы не было дров. Совсем замерзала она со своими детьми. Плохо было бы ей, если бы не помог св. Прокопий. Он забежал к богатому купцу, который имел большой запас дров. Увидев купца на дворе, юродивый воскликнул:

– Вот и он! Вот и он! Он ее согреет.

– Кого это ее? — спросил купец.

– А бедную вдову... напротив-то тебя живет... дашь ей дровец! дашь!

– Купит, так дам, — ответил купец.

– Так дай, так! Тебе же легче... тебе же легче будет!

– Не пойму, что ты говоришь, — произнес купец.

– Дай, дай! — проговорил Прокопий. — Зачем тебе столько? Ведь тебя же ими палить в аду будут... меньше дров — меньше огня: тебе же легче!..

Юродивый убежал. Но купец задумался над словами его.

– Безумный, все говорят — безумный... а кто его знает, может, и правду предсказывает...

И послал купец вдове две сажени дров.

Стояло жаркое лето. Однажды в ночь под воскресенье Прокопий, утомленный долгой, усердной молитвой, забылся сном. И услышал он голос: «Прокопий, молись, молись за грешных жителей Устюга, да не поразит их гнев Божий!» Придя в себя, Прокопий понял, что ему было послано откровение свыше.

И вот, когда к обедне храм наполнился народом, Прокопий стал громко восклицать:

— Братья, — говорил он, — покайтесь в прегрешениях ваших! Умилостивьте Бога постом и молитвою: если не покаетесь, то все погибнете, ибо гнев Божий приближается!

Удивились все словам Прокопия, но никто не обратил должного внимания на слова его.

— Это юродивый, — говорили в народе, — он сам не знает, что говорит.

Прокопий вышел из храма в великой скорби и, став на паперти, продолжал умолять входящих и выходящих покаяться в грехах. Так стоял он день и ночь, молясь и рыдая, но никто не внимал ему. На третий день он оставил церковную паперть и пошел проповедовать покаяние на улицах города, восклицая со слезами:

— Покайтесь, плачьте и рыдайте о грехах! Молите Господа, чтобы Он отвратил Свой праведный гнев и не погубил города вашего, как некогда Содом и Гоморру!

Но и тут никто не обращал внимания на слова юродивого; многие даже смеялись над ним. А он, возвратившись на паперть храма, пламенно молил Бога о спасении народа и города.

В следующее воскресенье, около полудня страшная черная туча показалась над Устюгом, и началась ужаснейшая гроза. Сделалось вдруг темно, как среди ночи. Раскаты грома оглушали испуганных жителей. Тогда только понял народ, что об этом возвещал ему св. Прокопий, и бросился в церковь. Пришел и Прокопий в соборный храм Пресвятой Богородицы и начал молиться со слезами пред иконой Благовещения Божией Матери. Ему вторил народ с воплями и рыданиями. Вдруг от иконы полилось миро. В то же время гроза утихла, а мрачная туча стала удаляться и верст за 20 от города разразилась в пустынном месте страшным каменным градом, которым был поломан огромный лес.

Устюг был спасен. Во всех церквях служились благодарственные молебны. Многие больные получили исцеление от мира, текшего с лика Богоматери. Вокруг Прокопия теснился народ; его называли спасителем города, целовали ему руки, всякий хотел хотя бы прикоснуться к его рубищу. Бедный юродивый, над которым еще недавно все издева-

лись, стал вдруг первым человеком в Устюге. Его завалили подаями: кто умолял принять рубаху, кто — кафтан из тонкого сукна, кто — сапоги. Все тащили ему только что испеченные для праздника караваи хлеба. Но ничего из этого не нужно было блаженному Прокопию. Одежду, обувь, хлеб он раздал нищим, оставив себе самую ветхую рубаху, подавание одной бедной вдовы.

Годы текли за годами, безостановочно, как река, несущая свои воды в океан. Приближалась старость: тело у Прокопия высохло, руки, ноги свело от сырости и холода. Но и дожив до преклонных лет, он не изменял своего подвижнического образа жизни. В последние годы он особенно часто поднимался на высокий берег Сухоны и садился на большой камень. Он любил это место и часами следил отсюда за рыбацкими лодками, моля Бога даровать им мирное плавание. Неоднократно выражал он желание быть погребенным под этим камнем.

За год до смерти блаженного зима выдалась исключительно суровая. Стояли такие страшные морозы, что птицы на лету падали мертвыми, звери и люди замерзали в поле. Для нищих и бездомных наступило тяжкое время.

Старый, с посиневшим от стужи телом, еле прикрытый ветхим рубищем, Прокопий продолжал ютиться на соборной паперти. Наконец, и ему стало не вмоготу, и он пошел искать убежища. Многие любили и жалели блаженного старца и с радостью приняли бы его к себе, но верный до конца наложенному на себя подвигу, Прокопий пошел искать пристанища не у тех, у кого был достаток, а в убогие хижины, где ютилась беднота. Прокопий не раз делился с ними подаяниями, порой отдавая последний кусок хлеба. Но они не помнили этого, им докучали непрестанные молитвы блаженного, и они накинулись на него с криком:

– Уходи от нас, юродивый дурак! Надоели нам твои молитвы.

Заглянул Прокопий в заброшенный амбар, куда забились бездомные собаки, обра-

довался и подумал: «Вот пригреюсь около них». Но одичалые, голодные псы боялись людей и зарычали на блаженного. Поплелся обратно Прокопий на церковную паперть.

– Да будет благословенно имя Господне отныне и до века! – тихо твердил он.

Забившись в угол, скорчившись, чтобы хоть как-нибудь укрыться от стужи, он не переставал молиться: «Господи, прими дух мой с миром!»

И вдруг он почувствовал как бы теплое дунение. Он открыл глаза: перед ним стоял юноша неземной красоты, в белоснежных одеждах, и держал в руке пучок благовонных райских цветов. Он коснулся этими цветами лица юродивого. Живительная теплота разлилась по телу Прокопия, и он почувствовал приток новых жизненных сил.

Об этом чуде блаженный Прокопий рассказал своему другу, устюжскому священнику Симеону, прося его не говорить об этом никому до его смерти.

Незадолго до своей кончины Прокопий получил откровение об этом.

В ночь на 8-ое июля 1303 г. блаженный отправился в Михайловский монастырь, расположенный у самой Сухоны. Дойдя до монастырской ограды, Прокопий опустился на землю. Он знал, что час его настал, что Бог зовет его к Себе. Холодеющие уста уже не могли произносить слов молитвы, смертельная мгла покрывала глаза его, но душа продолжала славить Творца: «Да будет благословенно имя Господне!»

На заре поднялся сильный ветер. Нависли тяжелые черные тучи. Стало холодно, и пошел густой снег.

— Прогневали мы Господа, покарал Он нас за грехи наши, — говорили жители, глядя с унынием на покрытые густой снежной пеленой поля и огороды.

Среди волнений, причиненных таким необычным для лета явлением, никто не заметил исчезновения Прокопия. Хватились его только на следующий день. Вспомнили, что и накануне не видать его было ни у обедни, ни у всенощной. А ведь он никогда не пропускал ни одной службы! Стали искать —

и совсем нечаянно, на четвертый день, наткнулись на тело его, лежавшее под сугробом еще не растаявшего снега.

Весть о кончине блаженного Прокопия мгновенно облетела весь город. Отпевали его в соборном храме, при огромном стечении народа и похоронили на берегу Сухоны под тем самым камнем, на котором он так любил сидеть, наблюдая за рыбацкими лодками и молясь об их благополучном плавании.

«Кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8, 35).

Составлено по рукописи Д. П. Араповой.

**Равноапостольная
великая княгиня Российская
Ольга, во святом крещении Елена**

День памяти – 11/24 июля

вятая Ольга дорога нам потому, что она была первой русской христианкой из княжеского рода.

Однажды молодой князь Игорь, сын Рюрика, охотился на берегу реки Великой. Ему понадобилось переправиться через реку, но лодки не было.

Вдруг он видит, кто-то плывет в челноке. Это была Ольга. Он дал ей знак — и она перевезла его на другой берег. Во время этой короткой встречи Ольга произвела на Игоря сильное впечатление. Потом, когда Игорю пришло время жениться, он вспомнил о ней, послал отыскать ее — и Ольга стала русской княгиней, женою князя Игоря.

В то время она была язычницей. Когда Игорь был убит древлянами, Ольга, по тогдашнему обычаю, решила отомстить им и дважды жестоко покарала древлян. Княжич Святослав был еще малолетен; за него управляла русской землей княгиня Ольга. Она объезжала все области, наводила порядок, судила мудро и справедливо. За это приобрела всеобщую любовь и славу мудрой правительницы.

Среди киевлян в то время многие были христианами; из разговоров с ними Ольга поняла, что ее языческая вера — ложная, а христианская — истинная.

За смерть своего мужа она наказала древлян. Таков был закон ее веры. Но голос совести говорил, что она поступила слишком жестоко: за

смерть одного погубила сотни, умертвила больше невинных и беззащитных, чем виновных. А от христиан она услышала, что Господь велел прощать врагов, молиться за них, благодетворить им, даже любить их. Своим любящим сердцем Ольга почувствовала правду этих евангельских слов и решила стать христианкой.

Для этого она отправилась в Царьград, столицу тогдашнего славного Греческого царства. Ее сопровождала многочисленная свита и слуги.

Русскую княгиню встретили там с подобающею честью и большой торжественностью. Крещение было совершено самим патриархом в присутствии императора, который стал ее крестным отцом. По совершении св. таинства крещения патриарх сказал княгине Ольге:

— Благословенна ты в женах Российских, яко оставила еси тьму и взыскала Свет истинный. Отселе блажити тя начнут вси российские сыны.

Вместе с княгиней Ольгой крестились многие из ее свиты.

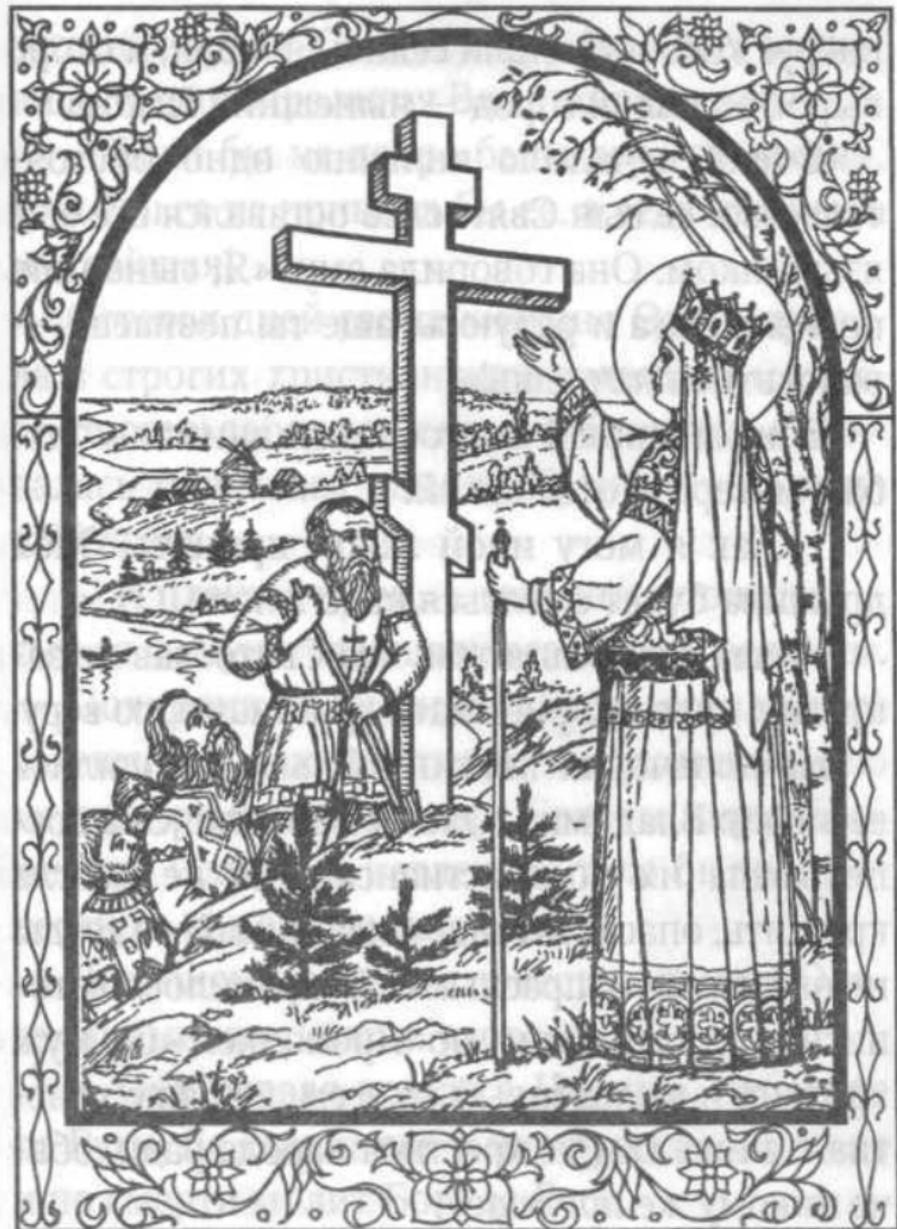
Вернувшись в Киев, княгиня Ольга немедленно приступила к построению святых Бо-

жиих церквей. По преданию, ею были построены храмы: Святой Софии, Премудрости Божией, — в Киеве; Благовещения — в Витебске и Святой Троицы — во Пскове.

Это были, по всей вероятности, небольшие деревянные церковки, где могла поместиться сотня-другая людей. Можно думать, что и убранство этих первых храмов на Руси было не особенно богатое и красивое. Но это были свечечки, зажженные рукою кн. Ольги во тьме языческой. Светили они тихим светом Христовой веры и звали наших предков обратиться от идолов, чтобы служить Богу, живому и истинному.

При посещении своей родины, вблизи нынешнего Пскова, княгиня Ольга увидела на берегу реки Великой три светящихся луча, падающих с неба на крутой берег. Княгиня водрузила святой крест на этом месте и предсказала, что здесь будет храм Пресвятой Троицы и воздвигнется большой и славный город.

И действительно — еще при жизни княгини Ольги на указанном месте был построен храм,

Святая Ольга водружает крест на месте будущего храма.

вокруг которого стали селиться люди, и скоро вырос большой город — нынешний Псков.

Очень печалило княгиню одно обстоятельство: ее сын Святослав оставался все еще язычником. Она говорила ему: «Я, сыне мой, познала Бога и радуюсь; аще ты познаешь — радоваться начнешь!»

Воинственный Святослав не внимал мольбам матери и отвечал ей:

— Как я могу иной закон принять? Моя дружина будет смеяться надо мною!

Утешалась Ольга тем, что Святослав не запрещал другим принимать христианскую веру.

На попечении княгини Ольги находились ее внуки: Владимир, Олег и Ярополк. Она воспитывала их по-христиански, но не смогла крестить, опасаясь сына-язычника. И ее труды не оказались напрасными. Сохранилось летописное упоминание об Ярополке: «бе муж кроткий и милостивый ко всем, любяще христиан; а ище сам не крестися народа ради, обаче никому же претяше».

Внук же святой Ольги Владимир, придя в зрелый возраст, сам крестился и крестил весь

русский народ в Христову веру. Об Ольге вспомнили тогда бояре князя Владимира, сказав:

— Если бы не добра была вера греческая, то и Ольга не приняла бы ее, а ведь она была мудрейшая!

Остаток дней своих княгиня Ольга провела в строгих христианских подвигах: молитве, посте и заботе о бедных и больных. Скончалась она, имея свыше 80-ти лет от роду, в 969 году.

— И плакася о ней, — говорит летописец, — сын ея и внуцы ея и люди все плачем великим.

Похоронили княгиню Ольгу, согласно ее завещанию, как христианку, на указанном ею месте. При кн. Владимире Святом, внуке блаженной Ольги, ее нетленное тело было перенесено в каменную церковь.

Летопись завершает повесть о святой Ольге такими красивыми словами:

— Она первая вошла в Царство Небесное от Руси. Ее славят все сыны русские, ибо она и по смерти молит Бога за Русь.

Святая блаженная княгиня Российская Ольга, моли Бога о нас.

Святой равноапостольный князь Владимир

День памяти – 15/28 июля

русскую историю имя князя Владимира вошло с эпитетом: «Красное солнышко». Так его называли русские люди за его доброту, за ласку, за приветливость. Таким выведен князь Владимир в наших былинах. Он сам не совершает никаких подвигов, он даже не выезжает из «стольного града Киева», но он —

центр, вокруг которого подвизаются богатыри, «стоятели и сберегатели святорусской земли». Былинные сказания сложились не ранее XIII века; это значит, что в них запечатлена и в них отразилась душа русского народа, уже крещенного в Христову веру. Неудивительно поэтому, что былины наделяют князя Владимира самыми лучшими чертами христианского характера. Народ как будто забыл, что князь Владимир пробыл много лет в язычестве и проявил себя и жестоким, и мстительным. Описывая его жизнь, мы не должны закрывать на это глаза. В житиях святых мы находим много примеров, когда даже большие грешники приходили в чувство раскаяния, оставляли прежнюю греховную жизнь и постепенно поднимались на высоту святости. Таким был путь святого апостола Павла, такова была преподобная Мария Египетская. То же произошло с князем Владимиром. Он оставил языческое нечестие, прилепился всем сердцем ко Христу и не только сам крестился (как его бабка — блаженная княгиня Ольга), но крестил в Христову веру весь русский народ. При этом в его харак-

тере произошла резкая перемена, так что он из жестокого и беспощадного стал милостивым и кротким, жалеющим даже преступников.

Святослав, отец Владимира, был убит на войне. Тотчас же между братьями начались распри, кому владеть Киевом, матерью городов русских. Владимиру, как младшему, пришлось спасаться за море, к варягам. Оттуда он вернулся через два года с сильною дружиною, отнял невесту у старшего брата своего Ярополка, умертвил ее отца и брата, князей Полоцких, хитростью овладел Киевом, убил Ярополка и с 980-го года стал единодержавным правителем русской земли. Ему была во всем удача, особенно в походах против соседей. Свои владения он расширил от Киева до самого Балтийского моря: победил ляхов, вятичей, радимичей, ятвягов и дунайских болгар. Язычник по вере, князь Владимир свои военные успехи приписывал помощи богов. После удачных походов совершались обильные жертвоприношения пред идолами; часто это были человеческие жертвы.

— И сквернилась кровью земля Русская! — восклицает летописец.

Но Господь, не желая гибели грешника, послал в душу князя Владимира жажду праведности, пробудил в ней желание узнать истинного Бога, Творца неба и земли.

Преподобный Нестор, первый русский летописец, рассказывает, как разные народы присылали к Владимиру своих послов и убеждали его принять их веру. Первыми пришли болгары, магометанской веры, и говорили князю: «Ты князь, мудр, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету!» Но когда они объяснили Владимиру заповеди своего закона: что нельзя есть свинины, ни пить вина, то это ему не пришлось по душе, и он отослал их ни с чем.

Посланцам от папы Римского князь Владимир ответил очень коротко: «Идите, откуда пришли!»

Были у него и хазары, держащиеся Моисеева закона. Они сильно склоняли князя к своей вере: «Отцы наши, — говорили они, — распяли Христа, а мы веруем в единого, вечного Бога, Бога Авраама, Исаака и Иакова». Вопрос Владимира: «А где ваша земля?» — сму-

тил хазар. Они ответили, что Бог, за грехи отцов, рассеял их по разным странам. Тогда Владимир сказал: «Если бы Бог любил вас, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам вы того же хотите?»

Прислали и греки в Киев проповедника своей веры, истинно Христовой, Православной, мудрого и благочестивого философа. Он рассказал князю о сотворении мира, о грехе первых людей, об изгнании их из рая и об Искупителе, Которого Бог, по милосердию Своему, послал на землю в лице Сына Своего едиnorodного, Господа нашего Иисуса Христа. Когда философ в своем рассказе дошел до всеобщего воскресения и Страшного Суда, он развернул пред глазами князя свиток. «Когда Христос придет судить живых и мертвых, — сказал он, — то поставит праведников направо от Себя и дарует им вечное блаженство; грешников же пошлет в ад на муку без конца». Князь вздохнул и сказал: «Хорошо тем, кто справа; горе же тем, кто слева». На это философ заметил: «Если, князь, хочешь быть с праведниками — крестись!» Князю Владимиру за-

Послы киевского князя в Царьграде.

пала на сердце эта мысль, но он сказал: «Подожду еще немного». Ему думалось, что в таком серьезном деле нельзя поступать торопливо, не посоветовавшись ни с кем. И созвал князь своих бояр и старейшин для совета о вере. Они сказали: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, то пошли мудрых мужей к разным народам, и пусть они испытают их веру: кто и как служит Богу». Понравилась эта речь всем — и избрали десять славных и умных мужей для этой цели. Были эти послы у болгар, у немцев, у хазар; везде смотрели, как люди живут и как молятся Богу. Не понравилось им нигде.

Наконец, попали они в Царьград, столицу Греческого царства. Царь и патриарх, узнав, зачем пришли к ним послы Киевского князя, позвали их на самое торжественное богослужение в храме Святой Софии и показали им всю красоту церковную, пение и службу архиерейскую. Послы пришли в восхищение, дивились и хвалили службу.

Возвратившись в Киев, они с восторгом рассказывали обо всем, что видели и слышали у греков. «Мы не знали, — говорили они, — бы-

ли мы в то время на небе или на земле: на земле нет такой красоты, какую мы там видели. О ней забыть нельзя и рассказать трудно». Слышали все это и бояре. Они сказали князю: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его твоя бабка Ольга; а она была мудрейшей из всех людей». Итак, общим советом было решено принять Христову веру от греков.

Но обратиться к ним с просьбой мешала князю Владимиру его гордость. Еще так недавно князь русский Олег прибил свой щит на воротах Царьграда. Подумалось и Владимиру, что он может заставить греков дать ему учителей христианских. Пошел он на них войною, осадил Корсунь, главный греческий город на Крымском полуострове, — и овладел им. После этого он пишет царям Греческим: «Отдайте мне в жены вашу сестру, а не то я и с Царьградом сделаю то же, что с Корсунью».

Цари на это ответили: «Если хочешь, чтобы наша сестра Анна вышла за тебя, князь, — замуж, прими святое крещение!» Владимир согласился и просил прислать епископа для наставления в вере. Вместе с епископом при-

ехала и принцесса Анна. Как ни горько ей было ехать в далекую, чужую страну к жениху, которого она еще ни разу не видела, но она согласилась, предавшись в волю Божию.

— Иду, точно в полон, — говорила она, — лучше бы мне умереть...

Незадолго до крещения у князя Владимира разболелись глаза, и смутно стало на душе. Но тут принцесса Анна пришла ему на помощь.

— Крестись, князь! — говорила она. — Избавишься от слепоты душевной и телесной!

И действительно, лишь только князь Владимир погрузился в купель, как слепота, словно чешуя, спала с очей его, и он в духовном восторге воскликнул:

— Ныне познал я истинного Бога!

Возвратился князь Владимир в Киев с великой радостью. Первым делом его было крестить 12 сыновей своих; потом повелел он низвергнуть идолов — одних изрубить, а других сжечь. Затем послал по всему городу сказать:

— Если кто не придет завтра на реку креститься, — будь то богатый, или бедный, или раб, — будет мне врагом.

Услышав это, киевляне устремились к Днепру. «И сошлось там людей без числа», — говорит летописец. И далее продолжает: «Взрослые вошли в воду и стояли там одни по шею, другие — по грудь, некоторые держали младенцев, иереи же совершали молитвы, стоя на берегу. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ». Это произошло в 988 году.

В Киеве и по всему лицу земли русской приказал князь Владимир строить церкви и при них открывать школы. Так исполнилось пророческое слово апостола Андрея Первозванного. Он некогда, стоя на холмах киевских, возгласил:

— На сих горах воздвигнется великий город, и благодать Господня воссияет для всей земли сей!

С князем Владимиром после его крещения произошла чудная перемена, он стал новым человеком: ни гордости, ни жестокости, ни любопытствия не осталось в нем и следа. Жен своих, язычниц, он отослал от себя. Сочетавшись христианским браком с принцессой Анной, он остался ей верен до самой смерти. К бедным

и больным его сострадание было безгранично. Каждый нищий и убогий мог придти на княжий двор и получить все, что надо. Если же кто по болезни или по старости не в силах был дойти до двора его, тем князь повелел выдавать съестные припасы с возов, которые, по его приказу, разъезжали по городу.

Жалея преступников, князь Владимир приказал брать с них «виры», т. е. денежные штрафы, как наказание. Но от этого «разбойники умножились». Тогда епископы сказали князю: «Почему не казнишь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». И нужно было убеждать Владимира наказывать разбойников не только вирами, но и телесными казнями, чтобы они страх имели и не разбойничали.

Приветливость и добродушие князя привлекли к нему любовь народа. В народной памяти сохранился светлый и живой образ доброго и ласкового христианского князя. В былинах и народных песнях он не иначе называется, как «Красным солнышком, ласковым князем Владимиром». Его княжий двор был полон всегда гостей: могучих богатырей, бога-

тых бояр, купцов и дружинников князя. Своих дружинников князь уважал и любил и с ними советовался о лучшем управлении страной, о войне и о законах. Жил в страхе Божиим и мире с окрестными чужеземными князьями.

Умер князь Владимир в преклонных годах. Тело его было положено в Десятинной церкви. Этот каменный храм во имя Пресвятой Богородицы был построен греческими мастерами по желанию князя тотчас после его крещения. На содержание его князь Владимир определил десятую часть своих доходов; оттого он и стал называться «Десятинным».

День кончины — 15 июля — стал с очень давних времен днем памяти нашего просветителя. В этот день русские люди собираются в храмы, вспоминают свое святое крещение, прославляют Бога молитвами и псалмами, а своего духовного благодетеля величают такими словами:

Величаем тя, святой равноапостольный княже Владимире, и чтим святую память твою, идолы поправшего и всю Российскую землю святым крещением просветившего.

Святая великомученица Марина

День памяти – 17/30 июля

одители святой Марины были люди благородные, но язычники. Отец ее Эдессий был жрецом. Мать ее умерла, когда Марина была еще младенцем, и отец отдал сиротку кормилице, за 15 верст от города. Выросла Марина среди деревенской тишины очень красивой девочкой, и душа ее была прекрасна.

Жила она во времена гонения на христиан.

Однажды двенадцатилетняя Марина разговаривалась с одним христианином — Божиим человеком. От него она узнала о Господе нашем Иисусе Христе, и тотчас же ее чистое сердце почувствовало истинную веру: возлюбила она Господа всем сердцем. А узнав о Нем, Марина стала, в те страшные времена гонений, безбоязненно проповедовать о Спасителе и жаждала пострадать за Него, пролить кровь свою за Искупителя. Она хотела принять святое крещение, но священника не нашла. Марина слышала, что муки за Господа с пролитием крови заменяют святое крещение, и жаждала кровавого крещения.

Отец ее, узнав, что дочь полюбила Христа, всеми силами души возненавидел ее. Но когда от Марины отвернулся земной отец, она вся устремилась к Отцу Небесному и только в Нем одном стала искать поддержки и утешения.

Когда Марине было уже 15 лет, вышла она однажды в поле посмотреть на пасущихся там овец отца своего. По дороге ее встретил епарх (правитель), лютый гонитель христиан.

— Откуда ты, девица? Кто твой отец? Как тебя зовут? — стал спрашивать молодую девушку. Марина кротко ответила, чья она дочь, как ее имя, и скромно добавила, что она христианка, и назвала Господа своим Женихом Небесным. Епарх, узнав, что она верует во Христа, тотчас приказал воинам вести ее за собой в город. Раба Господня шла за солдатами и молилась, чтобы Господь укрепил ее в страданиях. Достигши города, воины, по приказанию епарха, поручили Марину некоторым почтенным женщинам.

Начальник сначала с жалостью относился к юной девушке, надеясь, что она откажется от Господа и согласится выйти за него замуж. На другой день епарх приказал привести Марину на допрос и всячески старался уговорить ее принести жертву богам, но невеста Христова оставалась непреклонной. И когда правитель понял, что никогда она не откажется от своего Небесного Жениха, мгновенно исчезла вся его жалость к юной христианке, и он предал ее жестоким пыткам. Марину били нещадно прутьями, так что из глубоких ран кровь

струилась потоками. Народ с жалостью смотрел на юную мученицу, и многие плакали.

Разъяренный правитель повелел громадными гвоздями прибить ее к столбу и железными крючьями терзать ее окровавленное тело. Куски тела падали на землю, и видны были нагие кости. Даже лютый епарх закрыл лицо руками и отвернулся, не будучи в силах выдержать такое кровавое зрелище. После этих пыток он повелел бросить Марину в глубокую мрачную темницу, полную бесовских страшилищ.

И вот в подземелье, куда не проникал ни один луч Божьего солнышка, осталась одна юная великомученица.

— Обнови мою душу, — молилась исстрадавшаяся и изнемогшая от пыток Марина, — исцели мое тело растерзанное!

Наступила черная ночь, дьявол стал устрашать невесту Христову, раздались глухие подземные удары, стены темницы задрожали, показался туманный свет, словно дым от огня, и предстал в этом мрачном пламени адский змий. Вокруг его страшного, отвратительного тела обвивалось бесчисленное множество вся-

ких гадов. Змий, свистя, открывая пасть, из которой исходило страшное зловоние, стал приближаться к святой, готовый ее поглотить. И вдруг святая Марина почувствовала, что голова ее уже оказалась в зловонной пасти. Она собрала все свои силы и возопила ко Господу, перекрестилась — и мгновенно у нее на глазах внутренность змия распалась, и Марина увидела себя освобожденной. Земля разверзлась, и змий со всеми гадами исчез в преисподней, а великомученица вся озарилась небесным светом.

Полная благодарности к Господу, Избавителю своему, Марина устремила свой взор вверх. В небесной выси она увидела золотой крест, ослепительно сияющий. Сверху креста сидела белоснежная голубка.

— Радуйся, Марина — голубица Христова! Ты победила злобного врага. Радуйся и веселись, дочь Сиона горнего! Настал день твоего веселия: с мудрыми девами ты войдешь в чертог Небесного твоего Жениха, — так прекрасно говорила небесная голубица голубице Христовой.

Невыразимая радость охватила сердце Марины. И в радости она вдруг почувствова-

***Заточенная в подземелье св. Марина возопила ко Господу и
была спасена от адского змия.***

ла, что с нею происходит чудо. Ее истерзанное тело мгновенно исцелилось, и она в один миг стала опять здоровой и прекрасной. Исполненная любви и благодарности к Господу, простерлась она пред Непостижимым в горячей молитве. Не заметила она, как кончилась ночь и наступило утро.

Епарх снова вызвал великомученицу из темницы. Вчера едва живая, она предстала пред ним сияющая красотой и здоровьем. Правитель и весь народ застыли от изумления.

— О, Марина, — воскликнул епарх, — как наши боги заботятся о тебе: возблагодари их, принеси им жертву!

— Мой Господь исцелил меня, — ответила великомученица.

Ожесточенный епарх приказал принести пучок горящих свечей, и ими стали опалять ее обнаженное тело. Молча терпела святая, устремляясь душой к Богу. Почернела, вся опаленная, но терпела мужественно всю ужасную боль.

— Господи, — молилась она, — Ты сподобил меня пройти сквозь огонь. Удостой меня пройти и сквозь воду крещения!

Услышав слово святой о воде, мучитель воскликнул: «Жаждет, окаянная: надо ее напоить!» И тотчас принесли огромный чан. Палачи связали Марину и бросили ее в чан, наполненный до краев. Святая радовалась; ей казалось, что Господь услышал ее молитву. Она глубоко верила, что эта вода заменит ей крещение. Но только что ее погрузили в воду, как мгновенно земля потряслась, веревки на теле святой развязались, прекрасная глава святой озарилась небесными лучами, и на нее стала медленно опускаться белая, солнцеобразная голубица. В своем клюве она несла золотой венец. Низко-низко опустилась райская вестница, коснулась головы великомученицы и снова поднялась на высоту. Тайные христиане, бывшие в это время в толпе, видели эту голубку.

Марина стояла в глубокой воде, но не тонула, а пела, благословляя великое имя Пресвятой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа. Вдруг над святой появился огненный столб, достигающий до небес. Вверху его сиял прозрачный, словно хрустальный, крест, испускающий светлые лучи. Взлетевшая голубка

опустилась на этот крест, и послышался голос, который слышали все:

— Мир тебе, невеста Христова Марина! От руки Господа прими неувядаемый венец и почиешь в Царстве Небесном!

Содрогнулась толпа от этого чудного голоса. Все увидели Марину, вышедшую из воды исцеленной от страшных ожогов и сияющую неземною красотой. Множество народа тогда же уверовало во Христа.

— И мы — христиане! И мы христиане! Готовы сейчас же умереть за Него! — послышались голоса из толпы.

Епарх ужаснулся множеству уверовавших и в ярости приказал воинам без пощады убивать новых христиан. Толпа бросилась бежать, но новые христиане, мужественные и непоколебимые, остались на месте, и в тот день было их убито 15 тысяч.

Мученики крестились своею кровью и в одно мгновение очистились от своих грехов. Увенчанные мученической смертью, они перешли в иной мир на вечную радость и блаженство. Затем епарх осудил и Марину на усечение мечом.

Перед казнью великомученица долго молилась о всех людях. И внезапно потряслась земля, в ужасе затрепетал народ. Испуганный палач упал на землю. Сам Господь Иисус Христос явился с небес к невесте Своей, призывая ее в вечный покой Свой и простирая руки Свои, чтобы принять ее прекрасную душу.

Исполненная неизреченной радости, подняла Марина палача своего и умоляла скорее совершить над нею казнь. Спокойно преклонила она под меч свою голову.

Так святая великомученица Марина окончила свой мученический подвиг.

Свидетелем ее страданий был раб Божий Феотим; он же видел и все небесные явления над св. Мариной. Записал он все, что видел и слышал, на пользу верным, в честь же и память возлюбленной невесты Христовой Марины и во славу Самого Человеколюбца Спаса нашего, Ему же с Отцом и Святым Духом и от нас да будет честь и слава, ныне и в бесконечные веки. Аминь.

Святой великомученик и целитель Пантелеимон

День памяти – 27 июля/9 августа

*В твоих болезнях раньше всякого
лекарства пользуйся молитвой!*

Прп. Нил Синайский.

ти слова святого старца
нужно поставить в самом
начале нашего рассказа о
св. великомученике Панте-
леимоне, безмездном вра-
че. Прибегать к нему с мо-

литвой нас научили с детства. Даже когда ничего не болит, шепчешь ему: «Святой великомучениче и целителю Пантелеимоне, исцели наши болезни душевные и телесные!» Смотришь на его иконочку, где он изображен милостивым юношей с принадлежностями своего врачебного искусства, и думаешь: «Более полувека и неизменно каждый день слышал он, небесный целитель, мои молитвы — и вот живешь его милостью, не особенно даже нуждаясь в лекарствах».

Зайдите в любую аптеку! Тысячи разных лекарств стоят на бесчисленных полках. Люди покупают и пользуются ими. Но мало кто знает это золотое правило: «Раньше всякого лекарства пользуйся молитвой!»

Рассказом о целителе Пантелеимоне мы и хотели бы внушить нашим юным читателям, что лучшим их другом и врачом благодатным является он, всемилостивый, получивший это имя от Господа в знак того, что он будет миловать всех, кто к нему обратится с молитвою.

Жил святой великомученик в самом конце третьего века, когда всеобщей верой было

язычество. Родился он в Никомидии от родителей богатых и благородных. Отец его Евсторгий был сенатор-язычник, а мать Еввула потаенно чтит Христа. Сына своего, еще юного летами, она умоляла, говоря:

— Бегай скверного служения бесовского, как пути к гибели, а прилепись к создавшему тебя Богу Небесному!

Ранняя смерть Еввулы помешала ей довести до конца воспитание своего ребенка в Христовой вере. Вместе с отцом он стал посещать идольские капища, но не забывал и уроков матери, любя своей чистой душой ее веру.

Придя в возраст, он отдан был отцом для изучения врачебного искусства одному знаменитому врачу по имени Евфросин. Пантолеон (таково было его языческое имя) был юношей с блестящими способностями и скоро овладел всею врачебною мудростью, так что стал известен даже при дворе самого императора. Он был кроток по характеру, благообразен лицом и имел прекрасный дар слова. Бывая вместе с учителем своим во дворце царском, Пантолеон так понравился императору, что

тот велел преподавать ему все медицинские науки, чтобы потом иметь его всегда при себе.

В то время в Никомидии жил христианский священник по имени Ермолай. Он часто видел юношу Пантолеона идущим мимо его дома. Привлекательная внешность мальчика и кроткие манеры понравились Ермолаю; он зазвал его к себе и стал расспрашивать о родителях его, о вере и всей его жизни. Доверчивый юноша все рассказал о себе и о том, что он учится на врача.

— Учитель мой говорит, что если я изучу основательно Иппократа и Галена, то буду в состоянии лечить все роды болезней.

На это старец Ермолай возразил, что нет такого другого Врача и Учителя, как Господь Иисус Христос, одно призывание имени Которого может исцелять все болезни, что одно прикосновение к ризам Его исцелило женщину, 12 лет страдавшую кровотечением, что одним Своим словом Он вызвал из гроба четверодневного мертвеца Лазаря, что и верующие в Него именем Его будут изгонять бесов и возложением рук исцелять больных.

С того времени Пантолеон каждый день приходил к святому старцу, слушал его рассказы о Христе и учился христианскому любоумудрию. А что приятны были ему эти беседы, видно из того, что он, когда, бывало, возвращался от своего учителя Евфросина, всегда сначала заходил к старцу Ермолаю, а потом уже шел домой.

Однажды случилось ему на дороге увидеть лежащего мертвого отрока, которого ужалила ядовитая змея. На короткое время он почувствовал страх, но тотчас же ободрился и, подумав, сказал: «Вот случай узнать, справедливы ли слова старца Ермолая!» Затем он помолился такими словами: «Славлю Тебя, Господи, Которого чтит мать моя! Если Ты изволишь иметь меня рабом Своим и во всем послушным Тебе, то повели, да оживет умерший отрок, а ехидна да будет мертва!» И было по слову его: отрок воскрес, а змея издохла.

Пантолеон немедленно пошел к старцу Ермолаю, поведал ему о случившемся чуде и просил крестить его во имя Господа Иисуса Христа.

Св. великомученик Пантелеимон воскрешает умершего отрока.

Дома он много скорбел об отце своем — язычнике и думал, как бы его привести к вере во Христа. Однажды он сказал отцу:

— Разреши мое недоумение! Отчего это боги, что у нас в доме, одни постоянно сидят, другие стоят и совсем не двигаются? Разве они, бездушные, могут слышать наши молитвы и помогать нам?

Отец ничего ему не ответил на это, но Пантолеон заметил, что с того дня Евсторгий потерял прежнее усердие к богам.

Случилось, что к Пантолеону привели слепца.

— Пантолеон, — говорил слепец, — избавь меня от слепоты, дай мне видеть сияние сладкого света! Я обращался ко многим врачам, издержал на них все мое богатство, но не получил никакой пользы. Исцели меня — и я отдам тебе все, что у меня еще осталось!

Евсторгий, слыша эти слова, стал говорить сыну:

— Поостерегись, Пантолеон! Не будь самоуверенным, чтобы не быть осмеянным. Не

берись за дело, которого не смогли выполнить более тебя опытные врачи!

— Подожди немного, родитель мой, — сказал Пантолеон, — и ты увидишь силу моих лекарств!

Затем, прикоснувшись руками к глазам слепого, он воскликнул: «Во имя Господа Иисуса Христа, прозри!» И мгновенно слепец исцелился. Бывшие там изумились. А Евсторгий тотчас уверовал во Христа, и оба, вместе с исцеленным, приняли святое крещение от старца Ермолая.

Немного спустя отошел ко Господу Евсторгий, оставив Пантолеона наследником всех своих имений. Он же тотчас отпустил рабов на свободу, щедро одарив каждого, и из имения своего стал помогать нуждающимся: бедным, вдовам и сиротам. Обходил темницы, посещал страдавших в оковах, утешал и исцелял больных. Весь город обратился к нему, оставив прежних врачей. Имя Пантолеона, как безмездного (не требующего платы) врача, славилось во всем народе.

Между тем, исцеленный слепец ходил по городу и прославлял своего целителя. Видели его

прежние врачи его, не сумевшие ему помочь, и воспылали завистью к Пантолеону. Стали они следить за ним и заметили, что он посещает темницы и врачует раны узникам-христианам, и донесли об этом императору.

— Государь! — сказали они. — Юноша, которого ты повелел с особенным тщанием обучить врачебному искусству, презрел твою любовь. Он обходит узников-христиан, хулителей наших богов, лечит их именем некоего Христа и думает с ними заодно. Если оставишь его в живых, то многие прельстятся его учением и оставят наших богов. Если хочешь узнать истину, призови, государь, кого он исцелил и от него ты узнаешь, что не ложь мы тебе сообщаем.

По приказанию царя приведен был слепец и спрошен, кто и как исцелил его.

— Имя Христово призвал Пантолеон, потом коснулся очей моих, и я прозрел, — сказал исцеленный. — А до того я много денег истратил другим врачам, но не было от них никакой пользы. И что могут сделать те, которые кланяются бездушным идолам? Они слепы и не могут помогать нуждающимся.

Царь, выслушав это, велел немедленно отсечь ему голову. И тотчас же послал привести к нему Пантолеона.

— Пантолеон! Говорят, ты унижаешь Эскулапа и хулишь других богов, а Христа славишь и Его одного признаешь за Бога? Я призвал тебя, чтобы слышать правду из уст твоих. Принеси жертву великим богам — и я буду знать, что ложь мне сказали о тебе!

На это Пантолеон ответил:

— Я действительно презираю Эскулапа и прочих богов ваших, а Христа прославляю. Послушай, государь, я кратко расскажу тебе о делах Христовых. Он небо сотворил, землю утвердил на водах, слепых просветил, прокаженных очистил, мертвых воскресил. Всемогущую силу Его, если пожелаешь, и ты можешь увидеть своими глазами. Прикажи принести смертельно больного, от которого врачи отказались. Пусть ваши жрецы призовут богов и попробуют его исцелить. А потом я помолюсь моему Богу. Тогда станет ясно, Кто есть истинный Бог, Которого одного следует чтить.

Царь согласился. Принесен был расслабленный, не владевший ни одним членом. Сначала жрецы долго взывали к своим богам, но не было ответа. Тогда царь сказал: «Пантолеон, помолись же и ты — и посмотрим!»

Пантолеон помолился. Затем, взяв за руку расслабленного, громко воскликнул: «Во имя Господа Иисуса Христа, встань и будь здоров!» И расслабленный тотчас поднялся.

Столь явное чудо могло бы убедить царя, что воистину Христос есть единый Бог всемогущий. Но жрецы, ослепленные завистью, завопили:

— Государь! Если ты не погубишь сего юношу, то прекратятся жертвы богам и мы станем посмешищем в глазах христиан.

Тогда, по приказанию царя, схватили Пантолеона и стали мучить. Повесили его, обнаженного, и железными крючьями начали рвать его тело и опалять зажженными свечами. Но Господь, явившись ему в образе Ермолая, сказал: «Не бойся — Я с тобою!» И тотчас руки мучителей ослабели и свечи погасли. Видя это, царь повелел растопить в большом

котле олово и в это кипящее олово бросить мученика. Но огонь сразу погас, и олово остыло, Пантолеон же остался невредим.

Не вразумившись и этим чудом, царь приказал привязать Пантолеону на шею большой камень, вывезти в открытое море и утопить его. Но там снова явился ему Господь в образе старца Ермолая, отвязал камень и, взяв за руку, привел на берег.

Ослепленный тиран не хотел и теперь видеть в этих чудесах силу Божию, но придумывал одну пытку за другой, чтобы погубить мученика. Но ни дикие звери, к которым был брошен Пантолеон, ни колесо, унизанное остриями, нимало не повредили ему. Тогда царь повелел вывести Пантолеона за город, отсечь ему голову, а тело сжечь.

На месте блаженной кончины мученика стояла одинокая маслина. К ней был привязан Пантолеон, и один из воинов ударил его мечом. Но железо согнулось, как воск, не причинив раны святому, ибо он еще не кончил своей предсмертной молитвы. В этот момент раздался небесный голос:

— Отныне имя тебе будет Пантелеимон, ибо ты будешь миловать всех!

В этом новом имени было указание Божие, что всякий, кто призовет Пантелеимона в минуту своей беды или скорби, получит от него утешение.

Воины, видя чудо и слыша голос с неба, припали к ногам мученика и умоляли его простить их. Но пришел час его кончины, и он сказал:

— Если не совершите повеленного вам, то не получите милости от Христа моего.

Тогда один из них извлек меч и усекнул святого. Вместо крови из раны потекло молоко, а маслина покрылась от верхушки до корня плодами. И множество народа, бывшее при казни, уверовало во Христа. Тело мученика приказано было бросить в огонь, но огонь не коснулся его. Христиане взяли его и с честью похоронили.

Трое из слуг Пантелеимона видели все его страдания, слышали небесный голос и записали все это, чтобы память о мученике не была забыта вовеки.

**Страдания
святых мучеников
Адриана и Наталии**

День памяти — 26 августа/8 сентября

имский император Максимиан был жестоким гонителем христиан. Он издал указ отыскивать их и предавать на мучения. Однажды, когда он был на Востоке, его воины нашли в одной пещере близ города Никомидии спрятавшихся христиан.

Их было больше 20-ти человек. Всех их велено было мучить, чтобы заставить отречься от Христа. Христиан жгли огнем, терзали их тело крючьями, били камнями по устам, грозили отрезать языки за то, что они громко славили Христа и не хотели кланяться идолам.

Измученные пытками, они приведены были в преторию, чтобы записать имена их как осужденных на смертную казнь. Тут увидел святых мучеников Адриан, молодой язычник, бывший начальником того судебного учреждения, куда привели христиан.

— Скажите мне, Бога ради, — спросил их Адриан, — какой награды ждете вы от Бога за эти ваши страдания? Не может же быть, чтобы вы и страдали, и умирали напрасно!

— Наши страдания, — ответили св. мученики, — ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая ожидает нас на небе. Нет слов у человека, чтобы рассказать о том, что приготовил Господь для любящих Его.

При этих словах Господь коснулся души Адриана, и он просто и спокойно сказал писцам:

— Запишите и меня! Я — христианин. Если нужно, умру и я с ними за имя Христово.

Об этом тотчас же донесли царю. Царь в гневе закричал на приведенного к нему Адриана:

— Ты с ума сошел? Ты хочешь погибнуть с этими несчастными? Выбрось эти глупости из головы и скажи, что ты образумился.

— Нет, царь, — отвечал Адриан, — теперь-то я и стал умным, когда поверил во Христа; и мне лишь остается молить Бога, чтобы Он простил все мои прежние заблуждения.

Тогда царь, видя твердость Адриана, велел заковать его в цепи и бросить в темницу вместе с другими христианами. Слуга Адриана, бывший свидетелем всему этому, поспешил известить Наталию, жену Адриана, обо всем, что произошло в претории и в царском дворце. Ни слез, ни рыданий, никакой скорби не проявила Наталия при этом известии. Она была тайная христианка, по любви вышла замуж за Адриана и была очень счастлива в своей семейной жизни. Она нежно любила

своего мужа, но еще с большей нежностью она любила Господа и жила с крепкой надеждой привести и Адриана к истинной вере.

При известии, что ее любимый муж объявил себя христианином, она радостно воскликнула:

— Исполнилось желание сердца моего! Услышал Господь мою молитву! Как я счастлива, что Адриан — христианин! Теперь нас ничто не разделит — и в этой жизни, и в Царстве Небесном мы будем вместе.

Наталия надела свои лучшие одежды и быстро, как на крыльях, поспешила в темницу. Там, склонившись к ногам Адриана, она целовала его оковы и, мешая слова со слезами радости, говорила:

— Адриан, господин мой, мой любимый супруг! Блажен ты, уверовав во Христа. Умоляю тебя — будь тверд в твоем решении! Забудь, что у тебя есть жена, друзья, богатство, молодость... Помни, что ты теперь Христов. Если путь к Нему и ведет чрез муки, не страшась, иди этим путем: в конце его — пресветлое царство, где все мы встретимся у Господа.

Первая встреча святых мучеников Адриана и Наталии в темнице. Наталия убеждает Адриана быть мужественным в страданиях и тем оправдать свое имя.

И многими другими словами Наталия убеждала Адриана быть мужественным в страданиях и тем оправдать свое имя (Адриан — мужественный).

С невыразимой любовью смотрел Адриан на свою юную супругу, удивляясь ее словам и радуясь, что она не только не плачет, видя его в темнице и в оковах, но и убеждает его быть верным Христу.

Когда настал вечер и нужно было Наталии покинуть темницу, она обошла всех узников и каждого умоляла поддержать ее супруга, чтобы он не боялся страданий. Прощаясь, Адриан обещал жене предупредить ее о дне, когда вызовут его для допроса:

— Когда меня возьмут на мучение, я постараюсь дать знать тебе об этом, чтобы умереть мне на глазах твоих.

Спустя некоторое время был назначен день допроса. Адриан решил лично выполнить свое обещание. Тюремщики за большие деньги отпустили его домой на самое короткое время. Один из слуг его, увидев издали Адриана, бросился, чтобы предупредить гос-

пожу свою. Не зная, что и думать, Наталия решила не впускать мужа в дом раньше, чем не удостоверится, что не отречением от Христа он купил себе свободу. Ведь были же случаи, когда христиане, не вытерпев пыток, приносили жертвы идолам и за это получали свободу.

В слезах и волнении Наталия стала у запертой двери и, когда подошел Адриан, начала укорять его в отступничестве:

— Уйди от меня, обманщик! Не хочу и слышать твоего голоса. Не желаю разговаривать с отрекшимся от Христа. Я уже называла себя женою мученика, но вот стала женою вероотступника. Коротка была моя радость.

Адриан же, слыша эти укорные речи, радовался и удивлялся твердости духа молодой женщины.

— Не бойся впустить меня, — говорил он, — я не отрекся от Христа, я не убежал от мучений, как ты думаешь, но пришел за тобой, чтобы сделать тебя свидетельницей моей кончины. Открой же скорее, а то я уйду, не увидев тебя, и ты потом будешь плакать, что в последний раз не повидалась со мной.

Наталия отворила дверь и бросилась в объятия Адриана. После краткой беседы они вместе отправились в темницу. Войдя туда, Наталия припала к ногам мучеников, целовала их раны, хвалила за терпение и снова просила поддержать своим примером и молитвами ее мужа. Видя, как им тяжело, она послала принести из дому лекарства и бинты для перевязки ран и ухаживала за святыми страдальцами целую неделю, до самого того дня, когда Адриана вызвали к царю на суд.

Максимиан начал было убеждать Адриана отречься от Христа, но, увидев его твердость, приказал жестоко бить его. После долгих истязаний, которые Адриан вынес мужественно, велено было отвести его обратно в темницу.

Там мученики встретили его со словами любви, а он им сказал:

— За ваши молитвы Господь послал мне Свою помощь, и я вытерпел все. Будем молиться, чтобы Господь не оставил нас до конца!

Вместе с Адрианом пришла в темницу и Наталия. Она стала служить мученикам. Другие христианки, узнав об этом, последовали ее

примеру: приносили пищу узникам, перевязывали раны страдальцам, утешали их ласковыми словами, убеждали не отрекаться от Христа. Когда донесли об этом царю, он запретил допускать женщин в темницу. Тогда Наталия остригла волосы, переделалась в мужскую одежду и в таком виде проникла к мужу, чтобы быть около него в дни его страданий. Часто, перевязав его раны, она садилась у ног его и говорила голосом, полным нежности:

— Господин мой! Помни нашу неразрывную любовь и знай, что я душой страдаю вместе с тобой и желаю тебе одного — Царства Небесного. Когда ты предстанешь Христу Спасителю, помолись за меня, чтобы Он, милосердный, взял и меня к Себе. Я больше всего боюсь, как бы царь не принудил меня выйти замуж. Я же хочу остаться верной тебе и после твоей смерти.

Царь, узнав, что мученики очень ослабели и многие из них уже при смерти, приказал принести в темницу орудия казни и тут привести в исполнение смертный приговор. Велено было всем им раздробить молотом руки

и ноги. Когда мучители вошли в темницу, Наталия умолила их начать казнь с ее мужа. Она боялась, как бы он при виде страшных мучений не испугался, не ослабел душой.

Сколько любви ко Христу нужно было ей иметь, сколько мужества, чтобы самой положить ноги мужа своего под удары молота!

Упал тяжкий молот — и отпали раздробленные ноги Христова мученика. Адриан имел силы после этого протянуть и руки своей жене; она придержала их на наковальне. Страшными ударами одна за другой отбиты были и руки. Такой же казни были преданы и остальные узники. Все они бесстрашно клали руки и ноги свои под удары молота со словами:

— Господи Иисусе Христе, прими души наши!

После казни царь распорядился сжечь тела мучеников. Была разожжена огромная печь, и в нее стали бросать окровавленные останки. Но вдруг разразилась гроза, заблестала молния и пошел проливной дождь. Царские слуги в страхе разбежались. Святые женщины во главе с Наталией вынули из потухшей печи

мощи мучеников и хотели похоронить их здесь же, но одна благочестивая семья, уезжавшая в Византию, умолила отдать им святые мощи на сохранение. Так и сделали.

Осталась св. Наталия одна в своем доме, полная тяжелых предчувствий. Чего она боялась, то и случилось. Один богатый язычник, близкий к царю, стал добиваться, чтобы она вышла за него замуж. Наталия притворно согласилась. А ночью, когда она после горячей, слезной молитвы забылась сном, ей явился один из мучеников и велел немедленно сесть на корабль и отплыть в Византию. Там была она с любовью принята христианами. Все удивлялись, как такая молодая и прекрасная собою женщина отказалась от радостей счастливой, богатой жизни, убедила мужа пострадать за Христа и теперь ни о чем другом не думает, как только находиться близ его святых мощей.

В первую же ночь явился ей во сне св. Адриан и сказал:

— Хорошо, что ты прибыла сюда; ты пришла на упокоевание, которое приготовил тебе Господь; оно будет тебе наградой за твои труды.

Проснувшись, св. Наталия рассказала о видении и просила всех молиться о ней. Потом снова заснула — и так мирно отошла ко Господу.

Она тоже считается мученицей. Хотя своим телом она и не терпела мук, но страдала душой за мужа своего и за других мучеников, тяжело трудилась для них в темнице, добровольно делила с ними все лишения, бежала из родного дома и покинула родину, ища чистой, целомудренной жизни. Теперь же она увенчана небесной наградой от Христа Спасителя, ради Которого не пожалела ничего из того, что имела.

Содержание

Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София	3
Жизнь и страдания святого великомученика Евстафия Плакиды	16
Житие преподобной матери нашей Евфросинии Суздальской	34
Святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский	48
Чудо святых мучеников Гурия, Самона и Авива	61
Святой благоверный князь Александр Невский	77
Святая великомученица Екатерина	97
Житие святого праведного Филарета Милостивого	106
Святая великомученица Варвара	120
Житие преподобного Иоанна Дамаскина	133
Святая преподобномученица Евгения	146
Преподобный Серафим Саровский	157
Святая мученица Татьяна	176
Житие святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии	185
Житие преподобного Иоанна Кущника	209
Святой мученик Никифор	223
Сказание о святом Герасиме	231
Святой Алексей — человек Божий	240
Страдания святых мучеников Хрисанфа и Дарии	256
Царица-мученица, святая Александра	268
Преподобный Сергей Радонежский	296
Преподобный Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец	312
Равноапостольная великая княгиня Российская Ольга, во святом крещении Елена	329
Святой равноапостольный князь Владимир	336
Святая великомученица Марина	348
Святой великомученик и целитель Пантелеимон	358
Страдания святых мучеников Адриана и Наталии	371

М. Нестеров
Юность преподобного Сергия
1892-1897

Варфоломей, получивший при постриге имя Сергий, около двух лет подвизался один в лесной келье. Однажды он накормил пришедшего к порогу его жилища медведя. С тех пор зверь стал постоянно навещать молодого монаха, который делил с ним последний кусок хлеба...